

Бегство мистера Мак-Кинли

Главные действующие лица

М-р Мак-Кинли, клерк, 49 лет.

М-с Шамуэй, вдова, 50 лет.

Мисс Беттл, девушка, 32 лет.

Изобретатель.

Шеф конторы.

Мосье Кокильон.

Его супруга.

Священник.

Хозяйка, ее муж и дочка.

Сэр Самуэль Д. Боулдер.

Администратор фирмы «BS».

Председатель в сенате.

Оратор там же.

Продавец.

Ребята из свиты Боулдера.

Соседи во дворе.

Потаскушка.

Дьявол.

Дети.

Вступительная надпись на экране

Сейчас вам будет показана забавная история некоего м-ра Мак-Кинли, из которой всякий сделает выводы по силе разума. Он задумал сбежать из своей жизнеопасной эпохи, вместо того чтобы сообща с современниками внести в нее кое-какие поправки. Это совсем напрасное приключение могло длиться почти триста лет, если бы герой своевременно не пришел к более разумному решению.

Одновременно — по развернутой, в меркаторской проекции, карте планеты гуляют дымки и вспышки всех происшедших с начала века военных бурь и сражений.

На фоне сатанинского хаоса звуков: отдаленной артиллерийской пальбы, воздушных тревог, грохота обвалов, визга падающих бомб, сигналов горниста к атаке, стонов, крика и довольно некрасивой брани — странно приятная, властно запоминающаяся, как позывные райской радиостанции, куда-то вдаль манящая мелодия. Одно захлестывает другое.

Надписи на экране следуют поверх рваного, загнанного человека, который из глубины набегающего на экран, мечется, потом в отчаянии замирает на месте, раскинув руки и с поднятым к небу кровоточащим лицом, посреди абсолютно голой, бескрайней, исковырянной местности.

Голос диктора. За минувшие полвека в небе над нами то в отдалении, то почти рядом непрерывно гремели тучки очередных международных осложнений. И так сложилось, что все наперечет детские воспоминания мистера Мак-Кинли были подсвечены тревожным и как бы праздничным отсветом войны.

Следуют кадры, снятые в виде выцветших неподвижных фотографий. По застылой улице с толпой на тротуарах ликующей походкой движется войска. Отличный день, выкинутые вперед на марше ноги, сверкающие трубы оркестра. Толстая прозаическая стрелка указывает на тоненького, лет четырех мальчика, который на руках матери с видимым удовлетворением наблюдает шествие пехоты к назначенным ей подвигам и могилам.

Диктор. Познакомьтесь, юный господин на руках у миссис Мак-Кинли и есть симпатичный герой нашей повести. По молодости он еще не понимает, что перед ним происходит отправка экспедиционного корпуса в Европу, и тем более не предвидит, какие приключения ожидают его самого впереди.

Фотография оживает, все начинает двигаться со старинной скоростью в 16 кадров, мигать и галдеть. Слышны две — три музыкальные оркестровые фразы, потом видение замирает.

Диктор. Все это остается у нашего маленького наблюдателя далеко за пределами детской памяти... Более глубокий след в душе мистера Мак-Кинли оставили начальные радости бытия, в особенности подарки, которые время от времени слал своему любимцу его дядя, одинокий фермер из Канзаса.

У стола, на котором только что закончилась баталия оловянных солдатиков, тот же худенький мальчик с ружьем, саблей и барабаном на перевязи. Внезапно видение оживает, слышна короткая, прерываемая стрельбой из пугача барабанная дробь, и снова все застывает.

Диктор. С любимым дядей юный мистер Мак-Кинли познакомился лишь три года спустя, в

госпитале, где тот находился на излечении после мировой войны.

Такая же подслеповатая, постепенно яснеющая фотография. Вооруженный игрушечной саблей мальчик в каскетке стоит перед забинтованной культяпкой в хирургическом кресле; в просвет меж повязок выглядывает крупный трагический глаз. Дядя тянет руку к племяннику, который с визгом прячется в коленях у матери. И снова посредством обратного хода кадров все становится на свои места.

Диктор. Благодаря длительным скитаниям дорожного инженера, старшего Мак-Кинли, по Европе и колониальным захолустьям, познания ребенка о войне значительно обогатились как с парадной стороны...

- пленительно для детского воображения сменяется караул у знаменитого дворца,
- подобно событию, перед мальчиком проходит фантастический офицер в перьях на шляпе, в лентах и эполетах, с громадным волочащимся палашом,
- гарцует на смотре опереточного вида кавалерийская часть в одной восточной столице.

Диктор. ...так и с изнанки...

- закутанный в дымную мглу, колониальный, с пальмовыми крышами, красиво горит подожженный поселок,
- легкие пушки весело палят по отступающей толпе туземцев,
- но вот и они сами бегут навстречу удирающим поработителям с копьями и другим самодельным оружием наперевес.

Затем следует целая серия родственников — сняты по двое, по трое, поодиночке, большинство мужчин в военной форме. Одновременно возникают два голоса: глуховатый — Мак-Кинли, и другой, скороговорчатый, нетерпеливый временами, — Мисс Беттл. Видимо, на квартире у Мак-Кинли происходит маленькая пирушка, музыкальные отзвуки которой и всплески голосов то и дело врываются в разговор.

Мак-Кинли. Ну, здесь еще раз мой дядя... как он выглядел раньше, до постигшей его неприятности. Это мои родители... я очень похож на отца, не правда ли?

Мисс Беттл. А по-моему, еще больше сходства с вашей матерью!

Мак-Кинли. О, я бы очень хотел, благодарю вас! У него тяжкая судьба. Отец погиб при бомбежке Амстердама... я был уже на военной службе. А вот и я сам в военной форме, еду в Африку бить Роммеля. Вам нравится, мисс Беттл?

Мисс Беттл (*с заминкой*). Я бы не сказала, что война — ваша стихия, мистер Мак-Кинли!

Лишь теперь видна женская, еще без колечка на безымянном пальце, рука мисс Беттл, листающая, как выясняется, старинный семейный фотоальбом. Большинство снимков относится к военному времени.

Мистер Мак-Кинли смотрит на милую руку девушки. Его воображение надевает ей на палец обручальное кольцо, которое затем исчезает.

Мак-Кинли. Ну, здесь я отравился рыбой, лежу в лазарете. Это почта горит в Таммерзее... необыкновенный дым, похож на летящую утку, правда? Тут мои разные друзья тех лет... как видите, я самый трезвый между ними!

Дальнейший диалог невидимых пока собеседников, временами переходящий как бы в журчание ручейков, ведется при чередовании совершенно неподходящих к теме снимков. Одинокий солдат мокнет в карауле под проливным дождем, опрокинутый грузовик пылает на разбитой дороге, расстреливают у стенки шпиона с завязанными глазами.

Мисс Беттл. У вас тяжелый опыт за плечами, мистер Мак-Кинли.

Мак-Кинли. И, к сожалению, он не молодит... все труднее становится по утрам отрывать голову от подушки.

Мисс Беттл. Ну, это бывает и у меня к перемене погоды... Какая, однако, жаркая ночь! Неужели же у вас не сохранилось других, более отрадных воспоминаний?

Мак-Кинли. Что вы имеете в виду, мисс Беттл?

Мисс Беттл. Хотя бы сердечные привязанности. Ходят слухи, что вы самый влюбчивый человек на свете... что почти каждую на улице вы провожаете взглядом. У нас в конторе вы даже слывете под именем Синей Бороды. (*Кокетливо.*) Ну-ка признавайтесь, где вы их хороните?... Неужели в этой комнате где-нибудь?

Мак-Кинли. О да, они у меня здесь, всегда под рукой.

Мисс Беттл. Так сколько же их было всего?

Мак-Кинли. Не ревнуйте меня к могилкам, мисс Беттл.

Точно из-за отвращения к гадким картинкам войны, объектив сползает сперва на колени мисс Беттл с дешевой сумочкой на них, потом своенравно, зигзагами блуждает по комнате с оставшейся от родителей старомодной, под стать фотоальбому, мебелью. В поле зрения случайно попадают то ноги мужчины, то несколько острый локоть его собеседницы, то их совместное, плечо к плечу, отражение в смутном зеркале, со спины. Лишь бы оттянуть главные сведения, объектив даже выглядывает на улицу, но там нет ничего примечательного, кроме пляшущей ночной рекламы. Тогда, как бы нехотя, объектив возвращается на собеседников, участников объяснения. Это Мак-Кинли и его сослуживица из конторы двумя этажами ниже, худенькая мисс Бэттл, еще достаточно миловидная и, наверно, даже привлекательная лет десять тому назад. Она могла бы составить отличную пару м-ру Мак-Кинли, благообразному мужчине лет сорока шести на вид, несколько пасторского облика, с оплывающей фигурой и поразительно неподвижным, всегда без улыбки лицом, выражающим глубокомысленное уныние. Вследствие какого-то органического поражения голова у него чуть набок. Впрочем, это маленькое уродство не портит его, а на службе даже придает ему вид сосредоточенной внимательности к клиенту.

Мисс Беттл. Вы не находите, что здесь очень душно, мистер Мак-Кинли? Как же люди в Африке живут?

Мак-Кинли. Я принесу вам что-нибудь выпить, мисс Беттл.

Он удаляется на свет и музыку в соседнее помещение, гостя неспешно движется по комнате. Ей попадаются на глаза главным образом характерные для холостяцкого быта несообразности. На камине она находит шесть положенных лицом вниз женских карточек. Вот оно, кладбище неосуществленных мечтаний! Все красотки, в одинаковых рамочках, с засушенным цветочком под стеклом. Прежние, более ранние, помоложе. Следовательно, седьмая по счету, повернутая лицом к стене, должна быть она сама, мисс Беттл?.. Так и есть! Молниеносно она обследует содержимое коробочки рядом. В ней припасенное заранее обручальное колечко, так и не доставшееся ее неизвестным соперницам. Мисс Беттл обнадеживающе улыбается себе в зеркало... Впрочем, она успевает отойти к окну, когда, удостоверившись в отсутствии жильца, в комнату заходит пожилая полная женщина, квартирная хозяйка м-ра Мак-Кинли.

Хозяйка. Ну, сделал он вам предложение наконец, этот ужасный человек?

Мисс Беттл. Пока нет, миссис Перкинс. Что-то мешает ему произнести решающее слово...

Хозяйка. За четырнадцать лет, что он живет у нас, мы так изучили его характер, что решили нарочно устроить для вас обоих эту вечеринку...

Мисс Беттл. Вы так добры к нам, миссис Перкинс.

Хозяйка. Ну, не теряйте бодрости. В атаку, и смерть холостякам!

Ночная улица за окном, движение огней, сквер внизу. Над площадью нависает загадочный рекламный транспарант: «**Первый в мире сальваторий Боулдер и К°**».

Возвращается м-р Мак-Кинли с бокалами, один из них — для невесты.

Они чокаются, отпивают по глотку, потом — глаза в глаза.

Мисс Беттл. Что вы любите больше всего на свете, мистер Мак-Кинли?

Мак-Кинли. Детей.

Мисс Беттл. О, мне известно, вы кумир всех ребятишек в нашем районе. За что же вы так любите их?

Мак-Кинли (*тихо и внятно*). За беспорядок, за хлопоты, за бесконечные тревоги, которыми они наполняют нашу бездарную порой житейскую скуку.

Мисс Беттл смятенно и признательно тискает ему руку. Молчание. Кто-то заглядывает в дверь, видит скрещенные руки этой незадачливой пары и благородно исчезает. Нервное мигание световой рекламы за окном.

Мисс Беттл. На каждом шагу эта мрачная реклама... на спичках, в трамваях, в подземке, даже на тротуарах под ногами... Что они продают в конце концов?

Мак-Кинли. Не помню, какой-то газообразный соус, в котором покойники сохраняются без порчи хоть тыщу лет. Патент из серии ДОУ... Видимо, что-то по транспортировке скоропортящихся грузов на дальние расстояния.

Доносится танцевальная музыка.

Мак-Кинли. Хотите потанцевать?

Мисс Беттл. Да... *(Они танцуют в довольно тесном пространстве)*. Почему вы не женились в свое время, мистер Мак-Кинли?

Мак-Кинли. Ну, видите ли... я одинокий, невеселый человек. И потом... я вам открою секрет. После простуды на фронте — мы простояли целую ночь в окопе по пояс в воде — и вот у меня всегда немножко... как видите, шея набок.

Мисс Беттл. О, это не портит мужчину в вашем возрасте, напротив... Это может выглядеть и достоинством в глазах разумной жены. *(Очень душевно.)* А ведь у вас могло бы быть уже множество детей... да и теперь... если, конечно, спохватиться не слишком поздно. Что же мешало вам завести их?

Мак-Кинли. Страх...

Мисс Беттл. ...страх утратить свои холостяцкие свободы?

Мак-Кинли. Нет, другое. Я столько нагляделся детских несчастий в последнюю войну. О детях мало писали в газетах и судебных следствиях... В те годы еще более крупные купюры зверства были в ходу. Но так уж у меня устроен глаз, везде я вижу в первую очередь их. Они лежали даже под откосом у дорог... и у них были такие суровые, ничем не умолить, прокурорские лица. Так вот: я не могу взять на себя ответственность перед моими будущими малютками. Вот и сегодня: опять обещают серию проб новой водородной бомбы, а мир так верил в наступившее затишье.

Мисс Беттл *(убежденно)*. Вы благородный человек, но теперь войне баста, она не встанет больше, она убила себя. Мой сосед... тоже вот прозевал жизнь, теперь наверстывает!.. Вчера в кино со мной обронил шутку, что отныне накал войны будет мериться количеством пены на устах противников. Это очень обнадеживает, правда? *(Приблизив к нему лицо.)* Прошу вас, не прячьтесь больше, взгляните мне в глаза, Мак-Кинли!

Он медлит, не хочет, отстраняется: он серьезный человек. Но ревность делает свое дело.

Мак-Кинли. Кто этот шутник?.. Я его знаю?

Мисс Беттл. На днях фирма переводит его в Африку.

Похожая на ультиматум пауза.

Мак-Кинли *(со вздохом)*. Хорошо, давайте встретимся в очередную субботу на том же месте...

Кстати, я приготовил для вас одну вещицу!

Мисс Беттл. Но вы опять обманете?

Мак-Кинли. В тот раз объявили репетицию, воздушную тревогу номер один. Все утро город был в панике...

Мисс Беттл. Свиданье было назначено на вечер! *(Безответное молчание.)* Пойдемте же, повеселимся хоть немножко, бедный мистер Мак-Кинли.

Диктор. Общеизвестно, что, передавая детям накопленные труды ума и рук, боль и надежды сердца, мы через этот взнос в будущее приобретаем право волноваться за весь род людской в его историческом пробеге. Это и есть единственно доступный нам вид бессмертия. Но, не имея склонности к азартным играм, мистер Мак-Кинли гнался лишь за тем простым счастьем, которое происходит от общения с малышами, доверчивыми и бескорыстными гражданами земли.

М-ра Мак-Кинли знают в районе, и едва он появляется в ближайшем сквере, все ребячье население немедля, словно под действием магнитной силы, устремляется к нему. Он невозмутимо движется со своеобразно поджатой на сторону головой, и, едва опускается на скамью, десятки ребячьих рук тотчас же обследуют содержимое его карманов, портфеля, свертка, даже сжатых кулаков. Это напоминает налет воробьев на вишневое дерево. Удостоверясь в напрасности дальнейших поисков, стайка разлетается — каждый уносит что-нибудь с собою. Родители и няньки с улыбкой наблюдают эту привычную сценку. Всем интересно, чем кончится у этого смешного господина его неутоленное влечение.

Он задерживается на скамье поглазеть на прохожих. Идет не очень молодая, несколько полная женщина, и м-р Мак-Кинли тотчас видит в воображении, как он сам шагает под руку с нею, ведя за собою сперва одного, другого, четвертого и пятого — и вот уже целую вереницу детей! Старшая девочка катит колясочку младшего братца впереди; очаровательный мальчуган с беззвучным, как всегда у призраков, барабаном завершает шествие семьи Мак-Кинли. *(Кстати, это свойство м-ра Мак-Кинли проявляется в продолжение всей повести о*

нем.) И куда ни посмотрит по дороге домой, всюду либо это повторяющееся в разных вариантах искустельное видение, либо рекламные объявления фирмы «Боулдер и К°».

Образцы рекламных объявлений на пути м-ра Мак-Кинли.

«Не скупитесь, не торопитесь умирать. Жизнь продолжается. Обращайтесь в районные отделения фирмы „Боулдер и К°“».

«Комфортабельно, выгодно, безопасно. Сальватории Боулдер и К°».

«Ваши шансы уцелеть ограничены. Первые две тысячи сто мест в сальватории Боулдера проданы. Завтра станет поздно».

Мистер Мак-Кинли после ужина присел отдохнуть с газеткой.

Образцы газетных заголовков.

«Крупные бои в Индонезии. Озеро пылающего напалма. Рекордный взрыв артиллерийских складов».

«Новое военное ассигнование. Еще 30 000 000 чего-то там на баллистическое вооружение».

«Коронация водородной новинки **Королева Смерти**. Воронка в полкилометра глубиной».

«Совещание атлантических штабов. Пробная мобилизация семи офицерских возрастов».

Мистер Мак-Кинли присаживается к телевизору.

Образцы программ по всем каналам.

Спуск на воду авианосца, и за кадром кто-то смеется на столь наивные, старомодные игрушки прошлого. Это старая кинохроника, сопровождаемая хлестким скороговорчатым обзором комментатора:

«...Посмотрите на эту беззащитную, глупую игрушку, и вы поймете, какой детской поступью двигался вчерашний прогресс. Боевое вооружение состояло лишь в напрасной трате бесчисленных ассигнований... и даже странно, что, вопреки таким промахам, человечество все еще осуществляет свой древний благородный девиз: через страдания и лишения — к звездам! Если вчерашняя война, как правило, представляла собою лишь развлекательную прогулку с веселыми фехтовальными поединками, хоровыми спевками и пирушками у бивачных костров, с веселой круговой чаркой или ночными приключениями на сеновалах в завоеванной стране, то ныне человечество становится перед более серьезной задачей воспитания боевого духа. Надвигается так называемая объемная концентрированная война, при которой всякая жизнь абсолютно выключается в обреченных секторах благодаря значительно повышенному коэффициенту полезного действия у современного оружия. Мы вступаем в эпоху, когда один человек простым нажатием кнопки может поднять на воздух соседний материк, хотя, правда, нет гарантии, что он сам успеет усмехнуться при этом своей удаче. Поэтому, если вчера еще...»

Мистер Мак-Кинли включает следующий канал.

Там художественный фильм. Рыскающие в ночном небе прожектора. Сквозь грязь и сумрак непогоды, поминутно прячась по горло в стылой воде артиллерийской воронки, шестеро ползут взрывать железнодорожный мост. Тянущие за душу визг и стук шарящего вокруг пулеметного обстрела.

Мистер Мак-Кинли мужественно ищет чего-нибудь для вечернего отдохновения.

Почему-то без всякого словесного сопровождения выступление какого-то осатанелого общественного деятеля, видимо сенатора. По выражению лица и жестуляции нетрудно догадаться о содержании его речи.

Телевизор стоит у самого изголовья кровати Мак-Кинли. Уже с головой на подушке он наугад поворотами рычажка подбирает себе что-нибудь утешительное на сон грядущий. Ему попадается атака, и солдаты в шлемах бегут сквозь убийственно раздражающее мельканье куда-то в дымную тоскливую мглу. М-р Мак-Кинли закрывает глаза, но и во сне видит продолжение начатой телепередачи. Только теперь и он сам бежит с атакующими, пока не взрывается что-то у него на плече, и он падает, но уцелевшей рукой в воинском ожесточении хватает из-под ног свою другую, оторванную вместе с автоматом в ней, и продолжает этот вдохновенный бег к гибели. Очнувшись, м-р Мак-Кинли некоторое время лежит, одолеваемый звуковым хаосом сражения, потом пьет воду и беспомощно бредет к окну. Где-то плачет ребенок. Над городом, вдалеке, несокрушимо стоит огромный, грозный, сверкающий, на длинных металлических фермах, плакат:

«Не падайте духом, Боулдер и К° спешит к вам на помощь!»

Но в голове м-ра Мак-Кинли еще держатся впечатления сна. Бодрый, маршевый, подхлестывающий мотив гремит над спящим городом, огромные ночные призраки с походной выкладкой идут сквозь него в сумрак неба.

Диктор. Задолго до излагаемых событий в продаже стали появляться всякие патентованные средства, способные если не ослабить некоторые великие изобретения по части термоядерной энергии, то хотя бы выключать рассудок на время их действия.

В море шарлатанских выдумок выгодно выделились два разных по стоимости и принципу действия средства, лишь в силу посторонних причин не получившие широкого распространения. Третье вызвало наибольший спрос у современников и сыграло особую роль в судьбе нашего героя.

Надпись. — По должности м-р Мак-Кинли присутствовал на заседаниях Высшего и Научно-Лицензионного Совета, где получали утверждение все три эпохальных контр-изобретения.

В уютном, нарядном зале идет заседание Высшего Научно-Лицензионного Совета. Экспертные пройдохи, штатные работники, гении разных специальностей. За особым столиком м-р Мак-Кинли ведет протокол, рядом пульт для команд в проекционную и другие подсобные помещения.

Председатель (с видом иронического разочарования по поводу современной цивилизации). Следующим пунктом у нас... (справившись с повесткой) о, пытливая научная мысль предлагает вашему вниманию, господа, некие оптимистические пилюли с очаровательно-зловещим названием **Друм**. Автор — доктор Френсис Липпинсток. Несколько забегаю вперед, я скажу, что перед нами феномен, достаточно показательный для нашего печального времени, господа! Если не ошибаюсь, мистер Кинрей, вам предстоит докладывать об этой радостной новинке?

М-р Кинрей (с поклоном, методично, даже скучно). Представленные Фармацевтическим обществом на наше рассмотрение так называемые оптимистические таблетки созданы для защиты расшатанной психики населения от некоторых... я бы сказал, все более усложняющихся впечатлений атомного века и представляют собою довольно благотворное, хотя, на мой взгляд, чрезмерно сильное, я бы даже сказал — двойного действия! — средство... с одной стороны, на основе общеизвестных подавляющих растительных алкалоидов круга

scorolia, усиленных добавкой тетраэтил-свинца... а с другой стороны — присоединением редко применяемых пока сверхвозбудителей из кураринов, которые являются четвертичным аммониевым основанием производных дибензилизо-хинолина. Указанное средство пластично и властно действует на спинной мозг, правда, иногда с длительным побочным параличом всех лицевых мышц и впадением конечностей... что открывает, впрочем, блистательные возможности для военного применения!.. Несомненный элемент новизны заключается здесь в последовательном включении составляющих элементов... прошу вас, мистер Мак-Кинли!

Пока докладчик чертит на доске химическую формулу пилюли, на экране рядом по мановению Мак-Кинли возникает увеличенное изображение пилюли в виде шарика с помещенным внутри зловеще-колючим ядром.

М-р Кинрей. Я имею в виду остроумнейший механизм воздействия. Как видите, курарин начинает свое контрдействие в условиях столбнячного затишья, образовавшегося после растворения скупуламино-содовой оболочки. В человеческом организме получается как бы бешеное завихрение, почти внутренний взрыв, и это стойкое ошеломление, я бы сказал, надежно охраняет психику от вторжения даже наиболее грозных внешних возбудителей. Таким образом, до сознания пациента вовсе не дойдет никакая бомба: ему просто будет не до нее. Я пока кончил, сэр!

Председатель. Благодарю вас, доктор Кинрей! Что ж... если в условиях термоядерного бедствия пренебречь сохранностью самого потребителя, то, несомненно, это счастливая находка в мировой фармакопее... хотя лично я предпочел бы полстакана виски со стрихнином! *(Все жмутся и подавленно улыбаются.)* Что там имеется из документов?

Мак-Кинли *(привстав).* Здесь также прислано заключение Института ядохимикатов, где в целом подтверждается благоприятное мнение доктора Кинрея. Следует читать, сэр?

Председатель. Полагаю, в этом нет нужды. Имеются вопросы у коллег?

Восторженный старичок *(с юным голосом и крохотным личиком).* Я считаю эти пилюли необычайной находкой нашего времени... и не забывайте, что по дешевизне ингредиентов ведь это же доступно для самых необеспеченных слоев населения!

Лысый ученый *(похожий на дога с вислыми ушами).* Но доктор Кинрей указал нам лишь, в чем именно состоит самый эффект применения, а вот какие производились пробы на живом материале?

М-р Кинрей *(с поклоном в сторону кивнувшего ему председателя).* Постараюсь вкратце... Любые воздействия на подопытную личность, включая выстрелы холостым пушечным зарядом почти в самое лицо испытуемого, неизменно вызывали у него после приема всего только двух пилюль припадок гебефренического... признаться, довольно заразительного для окружающих смеха. Если позволительно польстить присутствующим здесь авторам, то мне еще не приходилось наблюдать ничего равного по силе воздействия на кору головного мозга...

Трое присутствующих, очень разных по внешности и возрасту фармацевтов-изобретателей скромно улыбаются.

М-р Кинрей *(с соответственным теме юмором).* ...если не считать травматическое вмешательство — скажем, наезд автомобиля или падение с крыши небоскреба! Число залпов доводилось нами до семи... Примечательно, что в дальнейшем самый показ пилюли вызывал у клиента немедленный приступ такого же рефлекторного веселья, благодаря которому он становился совершенно безразличен к окружающей обстановке. Единственным минусом средства надо считать остаточные явления слабоумия длительностью до полугода и выше. Кстати, подопытный субъект находится здесь и, если угодно уважаемому собранию, может быть представлен для осмотра и обследования...

М-р Кинрей с видом утомления опускается на свое место.

Председатель. Все это крайне соблазнительно... Однако не лучше ли вместо этого выслушать замечания авторов?.. Желаете, мистер Липпинсток?

Один из авторов, с чертами раннего палеозоя в лице, мелкими поклонами благодарит аудиторию за аплодисменты, потраченное время и оказанное внимание.

М-р Липпинсток. Нами доставлен сюда также стреляющий механизм, и мы могли бы повторить эксперимент в присутствии уважаемого собрания!

Председатель. О, я не вижу в этом особой нужды!.. Сущность открытия и без того очевидна, а у нас еще довольно большая программа впереди.

Слегка заикающийся ученый. Мне все же хотелось бы удостовериться в нынешнем состоянии подопытного лица!

Председатель подает знак согласия. Служители вводят на помост представительного, непричесанного господина в длинной белой сорочке. Доктор Кинрей с безопасного расстояния показывает ему припасенную пилюлю. Следует взрыв раскатистого смеха, и затем постепенно всем собранием овладевает такое же угрожающе-смешливое, вплоть до катания по полу, беснование, в котором порою слышится нежелательный патологический всхлип. Подопытного господина уводят.

Диктор. Второе изобретение, которое при некоторой доработке могло стать вершиной человеческого гения, опиралось на одно поразительное, знакомое нам со школьной скамьи соображение высшей математики.

Тот же самый, с тем же председателем зал заседаний Научно-Лицензионного Совета, только состав его несколько иной. В прежней позе сидит за своим пультом и м-р Мак-Кинли, производя необходимые по ходу собрания манипуляции.

Докладчик. За немногими исключениями, вы все мечтали в юные годы о полете в межзвездное пространство к своей первоначальной родине. Это пленительное, в детстве сводившее нас с ума стремление, ставшее ныне достижимым, господа, связано с одним общеизвестным математическим парадоксом. Он гласит, что за сравнительно краткий срок, проведенный воображаемым пассажиром в ракете, движущейся на почти предельной скорости, на земле протечет несоразмерно больший отрезок времени. Я позволю себе напомнить уважаемому собранию, что вывод этот естественно вытекает из уравнения... Попрошу вас, мистер Мак-Кинли!

Тот включает рычаги, на экране появляется формула —

$$t_1 = t_0 \sqrt{1 - \frac{v^2}{c^2}}$$

Докладчик. ...где t есть наше земное время, t — время ракеты...

Голоса (нетерпеливо). Все понятно, понятно, продолжайте... Дальше!

Докладчик. Следовательно, в случае разгона ракеты до скорости V с разностью в одну стотысячную от C можно добиться того, что за время двухлетнего пребывания в космосе на земле пройдет четыреста-пятьсот лет. А это и есть оптимальный срок, на который

благоразумие повелевает нам покинуть этот мир ввиду чреватого опасностями международного перенапряжения...

Голос с места. Прошу одну рядовую справку. А не поступало ли заявок на какой-либо более целесообразный способ избавления от войны... скажем, обыкновенное разоружение?

Председатель (*строго*). Призываю вас к порядку. Здесь не место для красной пропаганды, сэр! Продолжайте, мистер Клиффорд...

Докладчик. Учитывая страстное и понятное стремление современников к бегству в достаточно безопасную неизвестность, достоуважаемый доктор Ричард Ластиг, знаменитый также своими классическими исследованиями океанского дна, построил предлагаемую вашему вниманию вместительную комфортабельную ракету... Пожалуйста, очередную серию, мистер Мак-Кинли!

М-р Мак-Кинли последовательно включает несколько диаграмм, астронавтических расчетов, фотографий и чертежей огурцеобразного летательного аппарата в разрезе.

Докладчик. Как видите, к услугам смельчаков здесь имеются бар, парикмахерская, бильярдный зал, ванны с постоянно циркулирующей после очистки водой. (*Обращаясь к председателю.*) Надо ли оглашать цифровые и прочие сведения, помещенные в проспекте, сэр?

Председатель. Ну разве только общие указания...

Докладчик. Ракета запускается в космическое пространство на двухгодичный срок, который используется для посещения незнакомых планет с попутным сбором гербариев или, скажем, по желанию, изучением древних языков. Первый пробный запуск ракеты осуществлен неделю назад с мыса Канаверал... ввиду сложившихся традиций, а также имеющихся там проверенных пусковых установок. Отправка сопровождалась значительным грохотом и внезапным сиянием, столь характерным для несовершенных устройств этого типа. Связаться с пилотами, чтобы справиться о самочувствии пассажиров, пока не удалось, ввиду того что, по расчетам, корабль находится сейчас уже за пределами солнечной системы... (*со вздохом*) и, возможно, еще дальше!.. Кстати, изобретатель прислал письмо с предложением двух мест для желающих членов Лицензионного Совета.

Кто-то с места. Надо думать, по цене это доступно лишь для избранных?

Докладчик. Мистер Ластиг оба места предложил *gratis*, бесплатно.

Председатель. Имеются ли среди присутствующих джентльменов желающие даром побывать в отдаленнейших провинциях мироздания?

Задумчивое молчание, по рукам собрания идет отлично сработанная модель ракеты доктора Ластига. Тем временем Мак-Кинли рассеянно смотрит на свесившийся со стола краешек газеты с объявлением:

«Новый сальваторий Боулдер и К° — в Гималаях. Глухо, глубоко, гигиенично. Запись круглые сутки».

Диктор. В отличие от столь рискованных способов эвакуации человечества из современности, фирма Боулдер предложила более экономный и впервые с гарантией полной физической сохранности тела и рассудка.

Голос диктора вперевивку с надписями. Идея Сальваториев, *обителей спасения* в переводе, стала осуществима после случайного открытия, происшедшего еще в тридцатых годах в глухом уголке Канады. Школьный учитель мосье Жак Кокильон, несмотря на почтенный возраст, пытливый химик-любитель, неожиданно и путем смешения веществ домашнего обихода получил в своей крохотной лаборатории прозрачное, студенистого

строения воздухообразное вещество, противоречившее всем общепринятым представлениям о газе. За очевидную ненаучность поступка министерство образования уволило изобретателя из школы, а местная печать успела вдоволь поглумиться над стариком, когда несчастная случайность раскрыла миру истинную ценность находки, вскоре вошедшей в мировую практику под именем *коллоидального газа*. По ошибке оказавшись в контейнере с указанным газом, мосье Кокильон впал в состояние глубокого и длительного сна, несмотря на трехлетние попытки национальной медицины вернуть учителя к жизни, причем уже через полгода было констатировано заметное улучшение его здоровья. Изношенное сердце мосье Кокильона приобрело четкий, здоровый ритм, а возрастная седина сменилась прежней смолевой окраской волос. Маленький домик в Канаде стал местом паломничества мировой науки, взявшей за разгадку этого биологического феномена.

С середины надпись на экране сменяется картинками довольно заурядной местности, где произошло великое открытие.

Захолустные с крупными стогами сена луга. Низкое небо, вересковые заросли на опушке сквозного соснового бора. Старинный автомобиль, за рулем фермер с потухшей трубочкой. Он объясняет нам с экрана, как проехать к дому мосье Кокильона. Невдалеке дощечка с указателем: *«До музея Кокильона — два километра»*. Из-за холма виднеется колокольня кирхи и купа деревьев — сад прославленного теперь ученого. Одноэтажный домик, вокруг туристические автобусы, грузовики. С одного как раз сгружается громадная эмалированная машина для изучения здоровья мосье Кокильона.

Лаборатория, самодельные приборы, термостаты и насосные установки. В углу киоск для продажи открыток и жетонов с изображением мосье Кокильона. В другом углу, под стеклянным колпаком, лежит он сам — сатанинской внешности господин с хохолком и бородкой; с сюртука свисает гораздо позже прикрепленный орден.

С чеканным металлическим звуком качается стрелка постоянного пульсометра, и автоматические перья бегут по бумажным лентам, фиксируя состояние различных физиологических функций в спящем гении. Пока группа ученых из Европы вполголоса беседует с хранительницей музея, пожилой, тощей и в старинном пенсне на ленте мадам Кокильон, парикмахер в противогазе подстригает усы и бородку у мосье Кокильона, после чего метелочкой смахивает образовавшийся сор с его щек и галстука.

Мадам Кокильон (*со вдовьим бесстрастным лицом и заученным тоном*). Три года назад, господа, в непогодный осенний вечер, продрогнув на охотничьей прогулке, мой муж зашел погреться в соседний бар (*указывает на фотографию бара с мордатым буфетчиком, за стойкой, с бутылочной коллекцией спектральной расцветки за его спиной*) и часа два спустя, среди ночи, неизвестным образом оказался здесь, в экспериментальном помещении, где — видимо, зацепившись ногой и падая, — сам же открыл рукавом впускной газовый кран. Вбежавшая на стук мадемуазель Лизбет обнаружила мосье Кокильона с бутербродом в зубах на полу, без чувств и уже в довольно высоком газовом слое. Поскольку состав газа еще не изучен до конца, трехлетние попытки пробудить мосье Кокильона не привели ни к чему. Вместе с тем, во избежание летального исхода, медицинский совет в Оттаве запрещает выносить мосье Кокильона из газовой среды. (*Коснувшись рукой фотографии своего супруга на стене — серого, довольно противного, анемичного старика.*) Здесь вы видите прежнего мосье Кокильона, откуда можете заключить, что теперь он выглядит гораздо лучше. Открытый им газ Кокильона обладает благотворным влиянием на любое органическое вещество. Как видите, надкушенная ветчина на бутерброде с тех пор еще не испортилась, а этому букету, господа, уже три года!

Ученые качают головами, переглядываются, обмениваются научными непонятными словами.

Первый из них (*взволнованно*). Я уверен, когда его разбудят наконец, настанет новая эра в медицине...

Второй. ...особенно в случаях неизлечимых заболеваний. (*Сличая портрет с оригиналом.*) Но, знаете ли, мадам, он у вас чертовски поправился за то время, этот дьявольский Кокильон!

М-м Кокильон (*сокрушенным, доверительным тоном*). Он молодеет с каждым днем, господа... я просто теряюсь, что будет, когда он очнется: это всегда был такой донжуан! Кстати, обратите внимание, господа: случайно попавшая туда, под стекло, муха успела увеличиться в четыре с половиной раза за тот же срок.

Посетители отходят в сторонку, чтоб не мешать. Как раз надвигается киноаппарат в окружении целой группы озабоченных операторов, и начинается научно-документальная съемка феноменального насекомого через толстую тубу с телеобъективом.

Диктор. Вторая мировая война завершилась общеизвестной, еще небывалой убойной силы новинкой, и с той поры технический прогресс продолжал свое стремительное шествие, по отзыву трезвых наблюдателей, в не совсем желательную сторону.

Вихрь переслоенных одна другою картинок — паник, эвакуации, маршировок, взрывов, заседаний какой-то высокоавторитетной, поразительно нерадивой организации по разоружению — и всё дипломаты, дипломаты — бритые, холеные, очень довольные жизнью — за коктейлями, ленчами и просто так, за перекурком в кулуарах.

Диктор. И тогда среди нарастающего международного беспокойства весь мир облетела весть, что секрет мосье Кокильона разгадан, что сам он разбужен наконец, что его неоднократно видели в разных общественных местах.

На экране мосье Кокильон, запечатленный на нескольких фотографиях: выпивает с кем-то в баре гостиницы; он же в трусиках на пляже с игривой и привлекательной дамой, отнюдь не супругой; он же при выходе из патентной конторы.

Диктор. Стало известно также, что секрет газа приобрел какой-то никому пока не ведомый Боулдер и в ближайшие затем полгода пророчество о великой будущности открытия мосье Кокильона блистательно оправдалось... однако несколько в неожиданном направлении.

На железных дорогах Европы и трансамериканской автомагистрали, на караванных дорогах Африки и Азии, в портах и на аэродромах, даже на телеэкранах в исполнении поющих красоток на всех языках мира — неотвязчивая, языкастая реклама:

«Не старейте, не хныкайте, не сдавайтесь. — „BS“.»

Диктор. И вдруг эти две буквы «BS», Сальватории Боулдера, становятся на Западе паролем спасения, выражающим стремление граждан любой ценой избежать потрясения надвигающейся термоядерной войны.

Так образовался концерн с легендарным коммерческим размахом, поглотивший крупнейшие химические, сталелитейные, горнорудные и другие предприятия мира. Уже не любовь, не голод, не алчность, как раньше, а страх стал править человеческим поведением на Западе, и Сэм Боулдер стал его премьером. Эта загадочная вначале фирма строила глубоко в недрах гор и на дне океанов надежные, горизонтального образца убежища, в которых желающие за известную сумму могли бы переждать, вернее, переспать ближайшие два-три века, пока на планете не установится политическая погода, благоприятная для человеческого существования.

На экране странички из проспекта фирмы и ее филиальные предприятия пока только в долинах Гималаев и в Скалистых горах. Снаружи — сравнительно невзрачные, хотя и прочные

плоскокрышние сооружения, все остальное и главное — далеко под землей.

Диктор. Имя Боулдера приобрело ореол незримого, победившего смерть избавителя. Впервые мир взглянул в лицо этого неукротимого предпринимателя, оседлавшего самую доходную эмоцию человека — Страх, когда старик был выставлен кандидатом на пост президента. И вот черед газетных заголовков с отказом этого человека от предлагаемой чести. Он одинок, ему за восемьдесят, он не любит власти, его хобби — тюльпаны.

Наконец мы видим на экране этого седого, угрюмого старца с пронзительным взглядом и стиснутыми на коленях кулаками.

И тотчас же на экране — выступление министра обороны с требованием двух миллиардов на новейшее ракетное оборудование.

Спекулятивная горячка на бирже. Акции «BS» лезут вверх!

Потом тот же Сэм Боулдер сажает тюльпаны, сидя на скамеечке. Чьи-то неслышные руки, разного цвета и много, помогают ему в этом священнодействии.

На экране дневные и ночные очереди у контор предварительной записи в салватории Боулдера — толпа во всевозможных одеждах, в разных столицах Земли. Оживленная, с участием полиции, свалка у входа из-за боязни упустить шанс на спасение.

Вывешивается в окне объявление:

«Не спешите, сохраняйте человеческое достоинство. Места хватит на всех. Начато экстренное бурение в материковых базальтах Антарктики».

И снова Боулдер со своими тюльпанами. Вот, сидя в шезлонге, он созерцает их царственное, до самого горизонта, цветение.

И, наконец, новое испытание знаменитой Н-бомбы с повышенными коэффициентами убийного действия.

Заголовок:

«РЕКОРД СМЕРТИ. Ничего живого — ползающего, плавающего, летающего, бегающего — в кубе со стороной 800 километров!»

На экране взрывной гриб особо причудливой формы. Похоже, что у него сбита набок, ухмыляющаяся физиономия.

Диктор. Этот вставший над миром призрак и стал фирменной маркой «Боулдер и К°».

Всевозможные отклики моды на это — от дамских причесок и пирожных вплоть до модных значков с неременным водородным грибом в петлицах у молодых людей бездельного вида.

Диктор. Год назад никто не предполагал, что можно добывать такие бешеные деньги из обыкновенного человеческого страха. Запасы этого сырья и безграничные недра земли обеспечивали концерну рекордные доходы: взнос делался немедленно, а получение товара отодвигалось на века. То было стихийное стремление продлить дыхание путем бегства в любую неизвестность из эры оружия, несправедливости и социального насилия. Временами это приобретало черты и размах политического движения... впрочем, мистер Мак-Кинли, чтобы не повредить себе на службе, избегал вникать в события, а тем более объединяться с кем-либо в поисках выхода, который напрашивался сам собой... Он приложил чудовищные усилия, чтобы пробраться на пресс-конференцию, которую окончательно окрепшая фирма

давала представителям общественного мнения, газетным агентствам, иностранной прессе.

Беснующаяся толпа в чайнии пропусков у входа. Портрет Сэма Боулдера, похожего на Дарвина, только постарше, встречает в вестибюле надписью: «**Добро пожаловать!**» Переполненный круглый зал заседаний с опоясывающими галереями для публики. Юпитеры выхватывают для ведущейся кино съемки отдельные детали из этой гудящей сумрачной бездны. Всюду поражающие выражением нетерпеливого внимания людские лица, лишь один м-р Мак-Кинли, хотя и стиснутый с боков, сохраняет прежнее невозмутимое спокойствие, даже ухитряется делать какие-то заметки в блокноте, особенно при демонстрации процедурного фильма, и это дает основание думать, что уже в то время он был готов принять свое буквально головоломное решение.

Над президиумом, где красуются священники, генералы, дамы-грымзы благотворительного вида, висит гигантская фирменная марка — термо-ядерный гриб с подписью внизу: «*Хотите попробовать?*» На трибуне заканчивает свое выступление представитель фирмы, корректный, со стальным голосом господин, почти надменный порою от сознания своего превосходства, отсутствия серьезных конкурентов и безвыходного положения будущей клиентуры.

Гул стихает.

Представитель фирмы. ...Таким образом, господа, за ничтожное, сравнительно с целью, вознаграждение фирма несет всем отчаявшимся единственную в наше время надежду, если не считать, хе-хе, московских деклараций! (*И он выразительно смеется.*) Однако, идя навстречу имущественным различиям клиентов, при заключении договора мы вынуждены сделать некоторые практические поправки на неизвестность. Поэтому при высадке в любой точке будущего все клиенты, вне зависимости от оплаченной категории, получают гарантированный горячий завтрак, пачку сигарет, десять долларов в валюте даты прибытия и приспособленный к любым случайностям комбинезон взамен истлевшей за это время одежды... Но, разумеется, желающие могут при поступлении в сальватории делать сверх того банковские взносы, возвращаемые с повышенными вдвое и втрое против обычного процентами. Таким образом, выгодность нашей сделки так же очевидна, как и ее гуманность. Кроме того, за средний срок

пробывания у нас в двести пятьдесят лет вы фактически экономите уйму денег...

На экране возникает таблица экономии из среднего расчета в три века:

на ботинках —

на сигаретах —

на выпивке —

на чаевых —

на докторях —

на интимных удовольствиях.

Представитель фирмы. Нам остается просмотреть документальный киноочерк, как же все это совершается у нас!

Зал смотрит информационно-процедурный фильм.

На экране снят забавный, восточного типа толстячок, видимо не подозревающий о происходящей съемке. Его колебания, испуг, смущение уступают затем место явным признакам удовольствия. Клиента раздевают, ловкие, стерильно белые, невозмутимые девицы моют его струями мыльной воды, он попеременно скрывается в облаке пены и пара, его массируют с помощью многорукой электромашины с одновременной подводкой профилактических токов через провода, подключенные к различным точкам тела.

Он чертовски конфузится в своих трусиках, когда эти элегантные, высокие, печальные богини в медицинских халатах прикасаются к нему, без единого, впрочем, слова. Слышно его замирающее хихиканье, так как, несмотря на пугающую новизну и щекотку, это довольно приятная, в общем, операция!

Короткий смешок бежит по залу.

Голос представителя фирмы. Обратите внимание, с какой тщательностью удаляются из организма не только телесные, но и духовные шлаки. Прежде всего — устранение из памяти всех поводов для психического, наиболее зловещего в наши дни, склероза. Лаборатории фирмы «BS» курируются лучшими психиатрами и невропатологами мира. *(Со смешком.)* Бедняга не догадывается, что мы за ним наблюдаем. По десятизначной шкале счастья, составленной Люэзе и профессором Виджиарачава из Бомбея, наши клиенты достигают девяти с половиной баллов. На десятом месте помещается уже полное освобождение от житейских печалей, так называемая нирвана... Но сами понимаете, что один факт приобретения места в сальватории не освобождает нашу клиентуру от налогов, семейных обязательств и воинской повинности!

Тем временем электрический подъемник без прикосновения рук бережно перекладывает одетого теперь в розовый хитон волосатого толстячка на предварительную тележку, которая покрывается тканью небесно-голубого цвета. Все это подвергается дополнительной обработке на подготовительном контейнере, в том числе особым бактерицидным облучением, ибо, по словам диктора, как и всякие живые существа, микробы в коллоидальном газе Кокильона также усиливают свою вирулентность. Толстяка с номером 215, серия ПР на пятке вдвигают в продолговатое, таинственно освещенное помещение, которое затем герметически завинчивается подобием огромной круглой пробки. Со вкусным сипеньем откачивается воздух, уступающий место газу, который, как нам видно в смотровую щель, вызывает блаженную улыбку у засыпающего клиента.

Голос представителя фирмы. При этом клиент видит сон, заказанный им по особому меню... Пардон, миссис Грэйс, что было заказано господином двести пятнадцать, серия ПР?

Дама смотрит перфорированную учетную карту. *(Происходит их служебное перешептывание.)*

Голос представителя фирмы. Пардон, оказывается, это не для широкого оглашения... наша фирма гарантирует полное инкогнито, но данный случай исключительный... клиент принят нами с большой скидкой. Этот уважаемый и знатный, разорившийся на прошлогодних беспорядках господин происходит из Ирана... *(Игриво.)* Намекну лишь: клиентом заказано нечто вроде бурлеска в восточно-райском стиле!

Пока знатного иранского господина водворяют на отведенное ему место в подземной скале, играет приятно запоминающаяся, шелковистая музыка... и когда впоследствии м-р Мак-Кинли попадает в какое-либо житейски затруднительное положение, он подсознательно слышит ту же мелодию.

Диктор объясняет устройство солнечных, поддерживающих режимные условия в сальваториях, практически вечных батарей, так как, по его словам, ученые сомневаются, чтобы в ближайшую тысячу лет человеку стало посылно погасить солнце с целью доставить противнику предельно крупные неприятности.

Дальше следуют вопросы на пресс-конференции.

1-й вопрос. Имеется ли у клиента «BS» право прервать заключенный договор, если политическая погода установится наконец раньше обозначенного в договоре срока?

Ответ. Разумеется... если вы в своем контракте обусловите такой пункт. В таких случаях производится выплата тридцати пяти процентов оставшейся суммы в валюте франкодаты прибытия.

2-й вопрос. Поступит ли коллоидальный газ в продажу отдельными баллонами?

Ответ *(со смешком снисхождения).* Боже, для чего вам это, и как же вы предполагаете им воспользоваться без специального оборудования?

— Я имею в виду многосемейных... у кого нет наличных средств на покупку нескольких индивидуальных кабин.

— Вот я и спрашиваю, какими средствами вы достигнете герметичности в домашних условиях? Ваш газ просто вытечет...

— Но раз вы говорите, что он коллоидальный, значит, он может стоять на месте!

— Да как же сможет что-либо устоять, черт возьми, когда начнется этот адский термоядерный апокалипсис?

Следует перебранка, шум недовольства кругом — зашиканная, потерявшая жизнь личность снова пропадает в море голов.

3-й вопрос. Какая гарантия, что ваши клиенты проснутся в обозначенный срок, а не останутся навечно замурованными в горе?

Ответ *(после некоторой паузы).* Простите, ваш вопрос имеет скорей философское, чем практическое значение. Но я постараюсь ответить... Конечно, наши фирменные гарантии не больше чем гарантия уютной загробной жизни в религии, которую вы исповедуете. Однако на кладбище вы же отправляетесь вовсе без всякого договора! А в данном случае вы имеете дело

с реальными, достоверными юридическими лицами, зарегистрированными в Департаменте торговли. *(С высокомерным терпением.)* Дошло наконец? Мерси... следующий!.. Простите, говорите громче, в микрофон, пожалуйста, ничего не слышно из-за этих проклятых прожекторов.

4-й вопрос. Меня интересует, насколько тесно бывает в этих... ну, ваших сейфах на среднюю цену.

Ответ. Простите, вы собираетесь там играть в бридж или заниматься по утрам гимнастикой?

— Я все же настаиваю на ответе, мистер менеджер.

— Видите ли, себестоимость проходки в граните на такой глубине крайне высока, приходится ужиматься! Королевские, самые дорогие у нас апартаменты строятся в размер трамвайного вагона, а на среднюю цену, как вам сказать... ну, с тем же приблизительно комфортом... как помещалась мумия в египетском саркофаге.

5-й вопрос *(с другого конца зала)*. Скажите, ваших клиентов тоже потрошат при этом, как в Египте?

Дерзость вопроса вызывает у высокопоставленного администратора строгий, даже негодующий взгляд.

Ответ. Интересно... это у вас наследственный оптимизм — плясать на похоронах или вы пользуетесь пилюлями Липпинстока?

Общий шум, смех, возгласы, аплодисменты, шиканье.

6-й вопрос. Чем вы объясните участившиеся слухи, будто ваша уважаемая фирма «BS» всех своих клиентов тотчас по усыплению складывает штабелями на дне приспособленной для этого непромерзающей шахты, после чего их заливают известью на заказанный срок?

Вопрос задан отдельным, невозмутимым, отчетливым голосом. Скандальное замешательство, почти сенсация. Все торопятся разглядеть загадочного разоблачителя, а фоторепортеры — сделать снимки для газет. Вопрос принадлежит мистеру Мак-Кинли, который, стоя в своем ярусе, невозмутимо ждет ответа с головой на бочок и заложенной за борт пиджака рукой. Растерявшийся было администратор со сдержанной ненавистью шурится влево и вверх, на скандалиста.

Ответ. Прошу вас оставить в бюро внизу ваши адрес и фамилию, сэр. В отмену наших правил вы получите личное приглашение фирмы на осмотр нашего местного филиала заодно с государственной Приемочной комиссией.

Мистер Мак-Кинли благодарит поклоном и, вытирая испарину напряжения с лица, снова принимается за свои таинственные заметки и чертежи в записной книжке. Конференция продолжается.

Надпись на экране.

«Тем временем на противоположной половине планеты было объявлено о частичном роспуске своей армии и ликвидации авиабаз на чужих территориях, об односторонней отмене всеотравляющих термоатомных испытаний».

Газетные извещения с заголовками по этому поводу.

Диктор. Таким образом, к тому времени, как Мак-Кинли собрался сделать официальное предложение мисс Беттл, военная тема схлынула с экранов и газетных полос, в мире значительно повеселело.

В назначенную роковую субботу м-р Мак-Кинли проснулся в отличном настроении. *Напевая*, он готовит себе завтрак, *напевая*, бреется, *напевая*, к недоумению соседей-пассажиров, едет в автобусе на службу, *напевая*, работает у себя в бюро. Он весь в предчувствии назначенных на этот день скромных радостей наступающего уик-энда.

До окончания занятий ему остается лишь снести шефу неотложные бумаги на подпись... Поглядывая на часы, он отправляется к нему в приемную и застает там вопиющий беспорядок, за который кто-то заплатит потерей места. Секретарши нет, неисправный диктофон оказывается включенным. М-р Мак-Кинли невольно становится свидетелем происходящего у шефа сверхсекретного разговора.

Шеф (*раздраженно*). Простите, я так и не понял ни черта из вашей болтовни. По характеру вашей заявки вам нужно в военное министерство. Но у вас нет ничего на руках... вдобавок, по выяснении дела, вы еще, оказывается, энтомолог! Чего вы хотите?.. Объяснитесь ясней и покороче...

Изобретатель. О'кей, я повторю, босс!.. Мои трехмесячные раздумья о современной войне привели меня, знаете, к довольно безотрадным выводам. Как это ни дико звучит, но именно война в наши дни оказалась наиболее запущенной областью человеческой деятельности. Несмотря на все новинки более емкого, чем когда-либо, истребления, война вырождается на наших глазах, приходит к собственному бесславному отрицанию, из бизнеса превращается в нонсенс. Судите сами, босс, классическая война имела целью утоление назревших эгоистических, в национальном масштабе, вожделений за счет непроворного соседа, то есть по возможности дешевое и эффективное ограбление слабейшего... но, прошу внимания, ведь современная-то термоядерная бойня в положение ограбляемого неминуемо ставит самого победителя, хо-хо! если бы даже такой объявился вдруг в силу непредвиденных капризов Провиденья!.. вы следите за развитием моей мысли? В самом деле, в то время как всякая полнометражная, как она мыслилась дедам, война предполагала в качестве приза аннексии и контрибуции, то, с вашего позволения, кто именно оплатит вам расходы нынешней войны, босс, когда в результате ее противник начисто исчезнет с лица земли, а его надежно опустошенная, вдобавок зараженная территория станет на много лет адской радиопоражающей ловушкой? Черт возьми, да вам не достанется даже труп врага, чтобы утолить на нем воинский экстаз и раздражение! Напротив, собственные налогоплательщики учинят вам крупные уличные неприятности, тогда как избавленная от житейских хлопот жертва ваша будет безнаказанно потешаться над вами оттуда, ха-ха... если только допустить загробное существование!

Шеф (*начиная вслушиваться*). Довольно свежие мысли!.. Так в чем же, собственно, ваша идея?

Изобретатель. Я имею в виду, босс, что нынешняя высокопроизводительная атомно-водородная война при всей своей мнимой свирепости крайне, я бы даже сказал — непозволительно гуманна... и прежде всего бессмысленна! Вы нажали кнопку — нет столицы противника, а ее население даже без особых болевых ощущений, потому что этак в девятнадцатую секунду, окажется на километровой высоте в виде розоватого вулканического облачка. Однако одновременно с вами нажмет кнопку и ваш компаньон по развлечению... И вот вы сами также плывете по небу в состоянии этакого газообразного пепелка, хе-хе!.. и даже не успев занести в дневничок свои попутные переживания. Кстати, вы слышали смешной анекдот про двух чудаков, которые со скуки съели по жабе за скромное взаимное вознаграждение, сколько помнится, в полсотни монет? Так вот, к концу года ожидается выпуск так называемых пакетных бомб, в один прием смывающих целые материки... но ведь это же коммерция безумия, босс!

Его собеседник угрожающе шевелится, переставляя предметы на столе.

Шеф. Э-э, позвольте-ка, как вас там... вы это, кажется, насчет так называемого разоружения?

Изобретатель. Наоборот, мистер Гровс! Если бы оно случилось, у вас-то еще хватило бы на первое время хлебных крошек в кармане — перебиться, а мне первому и сразу придется с голоду подыхать. Так вот, слушайте-ка меня поприлежней наконец, пока я не сбежал к вашему конкуренту...

Фу, жара какая!

Действительно, воздух почти раскален, как это бывает *там* накануне осени. Напрасно жужжат вентиляторы. Чрезвычайно своеобразной и лютой наружности изобретатель составляет себе из напитков на столике загадочную смесь, смотрит на просвет, сознательно терзая разбуженную любознательность шефа, потом пьет, созерцая в окне плывучий, из-за полуденной дымки, вид этих застылых стоэтажных кристаллов. У изобретателя хватает нахальства расстегнуть ворот рубашки, — тогда становится видна его грудь, заросшая черным волосом, как, верно, и все остальное тело.

Он продолжает, время от времени давясь хрипучим, металлическим, вроде как при переключении шестерен, смешком.

Изобретатель. Я говорю — напротив, босс. Раз в поколение хорошая потасовка только бодрит прогресс, но я предлагаю взамен бессмысленной концентрации грубой убойной силы применить более тонкие психологические воздействия. Пора освежить войну, вернуть ей былое мистическое величие, этот начисто утраченный ею апокалипсический ужас с его великолепной свитой из адских псов, ухмыляющихся скелетов и прочей замогильной чертовни, как это изображено во фламандском бреду у Брейгеля!.. Снова призвать на вооружение зубовный скрежет, первобытную щекотку страха, затрагивающего наиболее сокровенные биологические клавиши, этакое поработавшее волю смертное содрогание, трепет почти предельной боли, однако без спасительного летального исхода. Настало время, босс, ввести в обиход нечто поцелесообразнее этих ворчливых и разорительных грибов с сердитой шляпкой, черт бы их побрал, и вместе с тем нечто такое, чтоб человечество завизжало, как младенец на коленях у Вельзевула, босс! Я даже предвижу создание двусторонних психологических средств на манер липпинстоковских пилюль!.. С одной стороны, мобилизующих чувство самосохранения, а с другой — вызывающих физиологическое отвращение к собственному бытию... У-ху-ху, представляете себе современную мотодивизию, пораженную судорогой кровавой рвоты на марше? Надо только пошарить в исторических хрониках, может, там и отыщется что-нибудь вроде великолепного белкового яда Борджиа или того знаменитого лейстеровского насморка...

Шеф. Да, это и вправду увлекательно... тут непочатый край работы. Вы истинный поэт, продолжайте же, прошу вас!

Изобретатель. Словом, отныне вам следует производить не падаль, не бесполезных калек, а прежде всего сумасшедших! Вообразите шествие танцующих в кровотокающих лохмотьях безумцев, которые своею грозной непоправимой немотой, х-ха, красноречивее расскажут о вашем могуществе, чем даже горы гниющих тел. Что-нибудь в духе византийского Василия Болгароктона, который отпустил на родину полтора-два тысяч ослепленных им пленных... по десятку слепцов на поводыря! Словом, у меня уйма замыслов в голове и несоответственно мало возможностей!.. Для начала я могу предложить гибриды новых, гомерической отвратности и баснословной плодовитости насекомых, каких еще не бывало на свете... правда, в ограниченном количестве пока. При виде моих трехголовых жучков я и сам тороплюсь опустить глаза, чтоб не слишком расстраиваться. Я мог бы в трехмесячный срок наладить их серийное производство, в условиях гарантированного сбыта, разумеется... а пока угодно ли вам взглянуть на эти картинки?

Каковы милашки!

Слышен шелест бумаги и удовлетворенное кряканье шефа.

Тем временем в приемной собралось много служащих. Не спуская глаз с аппарата, они

внимают чугуном перекатам изобретательского баса. Какая-то стенографистка тихонько плачет в углу, но вот пугается общего внимания и, улыбаясь, делает вид, что красит губы. В окне, несмотря на ясный день, в полную мощность световая реклама фирмы «Боулдер и К°».

Управляющий конторой (*овладев собой*). Сейчас, по-видимому, последует заключение сделки. Приготовьте регистрационные бланки, мистер Мак-Кинли, а пока... (*окончательно придя в себя*), кто дал вам разрешение покинуть свои рабочие места, господа?

Люди долго не могут опомниться от подслушанного ими проекта обновления войны.

И сразу небо как бы крепом затянулось в тот погожий денек, а заодно и радость назначенного на вечер обручения. Однако верный данному слову м-р Мак-Кинли по дороге домой покупает орхидейку в целлофановой упаковке: для избранницы! Дома он переодевается в парадный, неизменно черный костюм... и тут случайно прошедший под окном взвод солдат вызывает у него подобный удушью упадок решимости. Сдернув галстук с шеи, он валится в кровать, впрочем не спуская глаз с фотографии улыбающейся мисс Беттл.

— Вот уже третий раз вы поступаете со мной нехорошо, мистер Мак-Кинли, — говорит мисс Беттл из своей рамочки, скорее грустно, чем с упреком.

Мистер Мак-Кинли закрывает глаза, чтоб не видеть.

— Я вас дожидаюсь на углу целых восемь минут, а вы еще не выезжали из дому... Конечно, в моем возрасте надо быть терпеливей, но нельзя же напоминать об этом девушке так часто! Ради вас я отказалась от загородной прогулки на пароходе с друзьями...

— Если бы вы знали, мисс Беттл, — мучится угрызаемый совестью м-р Мак-Кинли, — как страшно повторить ошибку собственных родителей... в отношении меня самого!

— Но попытайтесь же совершить хоть один, только один, опрометчивый шаг в своей жизни, мистер Мак-Кинли, — убеждает мисс Беттл, любуясь появившимся у ней на коленях младенцем. — Война уже не вернется никогда. Дайте вашим малышам побегать по зеленым лужайкам!

И, подчиняясь соблазнительной логике мисс Беттл, несчастный счастливек поднимается с постели, чтобы серией последних перед зеркалом штрихов вернуть себе доступную ему мужскую привлекательность. Все готово. Не забыть теперь обручальное колечко! Пряча на груди свой тропический цветок от подсматривающих за ним жильцов, — причем все двери приоткрываются по мере того, как он минует их! — м-р Мак-Кинли спускается по лестнице. Каждая подробность в его внешности с головой выдает попавшего в брачные сети холостяка.

Шепоток на лестнице. Вот наконец-то и наш отшельник прощается со своей свободой! Ишь подрагивает, бедняга, словно голый в воду идет...

В поисках такси жених выходит на соседний сквер, вызывая обычное оживление среди маленьких друзей, и хотя многие из них машут ему руками — *Хэлло, мистер Мак-Кинли!* — видимо, из детской деликатности ни один не пристраивается за ним следом на этот раз. М-р Мак-Кинли важно приподымает шляпу в ответ на приветствие каждого из малышей.

Проходя мимо местной конторы «Боулдер и К°», он замечает в окне большую фотографию кубастого, с сиреневым румянцем господина килограммов на 115.

Подпись под портретом.

«Дальновидный миллионер м-р Дональд Торнер-младший, записавшийся вчера в наш Сальваторий на 4000 лет».

Пример миллионерской предусмотрительности погружает м-ра Мак-Кинли в очередное парализующее раздумье, пока не возвращает его к действительности воображаемая Мисс Беттл.

— Да станьте же наконец мужчиной, мистер Мак-Кинли! — время от времени произносит ее голос. — Боже, я жду вас здесь семнадцатую минуту!

Такси попадает в уличный затор: часы «пик». Вот уж девятнадцать минут героически ждет своего жениха мисс Беттл; он торопит водителя. Видно издали: мисс Беттл прогуливается по четыре шага в обе стороны на условленном перекрестке. Смешавшись с очередью ожидающих у троллейбусной остановки, м-р Мак-Кинли наблюдает за своей невестой. Она нервничает, озирается по сторонам; м-р Мак-Кинли поворачивается боком, чтобы остаться незамеченным. Он делает вид, что читает через плечо экстренный выпуск газеты в руках господина перед собою. Но, боже, такие же листки в руках буквально у всех на улице! Все поглощены головокружительными новостями дня.

Внезапно звуки улицы пропадают, слышно лишь зловещее шевеление бумаги.

Заголовки в листках.

«Талантливый подарок молодого ученого человечеству. Отныне Н-бомба самый воздух выжигает начисто. Окрестные водоемы в радиусе тысячи километров устремляются в образовавшийся сверхвакуум!»

«Ожидаемая в официальных кругах большая война разыграется не раньше осени».

«По авторитетному суждению м-ра Хаббла с Паломарской обсерватории, в случае чего — мы не исчезнем начисто, а превратимся в звездочку 6-й величины, видимую отовсюду в космосе с почтенного расстояния в сто парсеков!»

Решение принято: отбой! М-р Мак-Кинли поспешно, за спиной у себя, засовывает в мусорную урну жениховскую орхидею, но... как же трудно порвать все нити жизни разом! Он заходит в кафе-бар, оказавшийся по соседству. Заняв угловой столик у окна, он заказывает себе:

— Чего-нибудь покрепче там, на троих! — И поверх взятой газеты с терзаниями совести все смотрит, наблюдает через окно за поведением своей избранницы в уличном потоке. Мисс Беттл толкают прохожие, она встревожена, поминутно поглядывает на часики. Медленные минуты ожидания, а ведь ждет она всего только двадцать шесть минут! М-р Мак-Кинли пьет и, видимо, впервые в жизни столько.

Мы видим его со спины, когда же он время от времени оборачивается взглянуть на часы, повешенные над выходом в одно подсобное помещение, всякий раз у него чем-то иное лицо: хмурое, плачевное, растерянное, безразличное, как у приговоренного к казни, наконец.

Воображаемый голос мисс Беттл. Еще не поздно, мистер Мак-Кинли, ладно, я подожду... Вы же знаете, мне теперь все равно некуда спешить!

Нет, придется, видно, в седьмой раз растоптать свою сердечную привязанность. Напрасно он старается какой-нибудь посторонней мелочью вытеснить ее из сознания... И тут до рассеянного слуха м-ра Мак-Кинли достигает случайный разговор молодых людей в нише за соседним столиком. Похоже, это *битники*, тамошние *ничегонедельцы*. Их пятеро, и пятый все время маниакально дирижирует какой-то неслышной музыкой, которая проясняется порой, и тогда мы узнаем ее, — это как раз та усыпительная мелодия из процедурного фильма о сальваториях «BS», которую мысленно теперь поет весь город.

С возрастающим интересом м-р Мак-Кинли вслушивается в беглую, со смешком и навеселе, беседу молодых людей:

— Давно не видно Пита. Надеялся встретить у той танцорки на Лонг-Айленде вчера... так до ночи и не явился.

— Знаешь, он обнищал совсем и духом пал, бедный малый... За что ни возьмется, все из рук валится.

— Ему просто пора найти себе богатую доверчивую старуху.

— Зачем... жениться? Да ты, как видно, сегодня в ударе, Фелси!

— Ну, можно пожить и без столь мрачных обязательств. Я довольно занимательную книжку читала на днях. Там один — не то молодой чиновник, не то бакалавр, не помню кто, — старуху убил. Она вещи у нищих в заклад принимала. Сейфы до отказа набила, а ему как раз сравнительно пустяков и не хватало... словом, оборотных средств на что-то! Старуха была все равно рвань, ее не жалко... а у него дальний, чистый путь светился впереди!

— И что же, наверно, элегантный и красивый парень? — сочувственно спрашивает подруга Джейн.

— По-видимому... во всяком случае, нетерпеливый очень! Так, знаешь, Эл, он прикрепил топор в петле у себя под мышкой, вот здесь, и отправился туда вечером с визитом.

— Почему же так громоздко? Лучше было сунуть ей под подушку пробирку с радиоактивным изотопом, и баста!

— Вот и видно, что ни черта из тебя не выйдет, Эл. С топором-то, да еще под мышкой, в наше время есть шанс сойти за сумасшедшего, а это при неудаче сулит, по крайней мере, половинную скидку в суде.

— Уверена, что очень старинный автор: они это любили в старину, чтоб Ниагара крови, попышнее... кто таков?

— Не помню фамилии... кажется, поляк какой-то!

Вполоборота повернувшись к ним, м-р Мак-Кинли сперва рассеянно, потом внимательнее ловит ухом их непринужденную и откровенную беседу. Он оглядывается справиться об истекшем за минувший срок времени. «Всего только час прошел... боже, какая длинная жизнь на земле, если мерить человеческой тоскою!» М-р Мак-Кинли с воровским выражением лица косится в окно: ушла ли мисс Беттл?

Но, верная данному слову, она все еще ждет его, только прислонилась к косяку аптечной двери, чтобы не слишком толкали прохожие. К ней выходит аптекарь: приняв ее за уличную, он просит ее гулять где-нибудь в другом месте.

— Понимаете, мисс... вы несколько сомнительная реклама для моего заведения!

Через окно м-р Мак-Кинли видит, как к его невесте подкатывается лихой и, видимо, слегка на взводе моряк. Судя по жестам, он зовет мисс Беттл в один известный ему поблизости райский уголок с подачей горячительных напитков. Пантомима уговаривания, соблазняющая жестикуляция, как в старинном кино. Мисс Беттл колеблется, отчаянно поглядывая по сторонам. В ответ морячок показывает ей что-то в кармане, кажется, деньги. Лежащие на столе кулаки м-ра Мак-Кинли сжимаются. Он встает и снова садится, едва подавляя в себе потребность немедленного возмездия.

Мы слышим подлинный разговор его мнимого соперника с мисс Беттл на перекрестке.

Морячок. Мне до слез жалко вас, Пэгги... теперь ваш обормот уже не появится. И право, мне пора возвращаться, у меня будут большие неприятности.

Мисс Беттл. Ради бога, подождем еще минутку, мистер Дроот. Я уверена, он где-нибудь наблюдает за нами поблизости: я так хорошо изучила все его хитрости. Ну, выкиньте еще что-нибудь, положите руку мне на плечо, потряхните... нет, посильнее... теперь еще раз покажите мне деньги и тащите меня куда-нибудь! Сейчас он примчится драться с вами...

Происходит убедительная атака морячка, при виде которой м-р Мак-Кинли, кажется, жует палец у себя за столиком, втягивает голову в плечи, смятой шляпой необъяснимо трет себе лицо. Публика в баре не обращает внимания на странности его поведения: верно, у господина болят зубы!

Морячок уводит наконец мисс Беттл, она кокетливо виснет на его руке. За углом они снова останавливаются — в затишье от уличного движения.

Мисс Беттл. Ради бога, постоим еще хоть минуточку, а то он не найдет нас...

Морячок. Неужели вы собираетесь ждать его здесь до вечера, Пэгги?

Мисс Беттл. Боже, хоть до завтрашней ночи!

Морячок (*после паузы*). Лучше дайте мне его адресок, я пойду и успею нанести небольшое увечье этому потрошителю, чертову выродку, этой кособокой скотине...

Мисс Беттл (*со слезами, стуча кулаками в его грудь*). Не смейте так! Это, может быть, самый-самый из всех вас, кого я только знаю... самый честный человек!

Мистер Мак-Кинли планомерно, с видом бесстрастия и без спешки допивает свою горькую чашу, а также часть напитков на столе, потом очумело бредет домой. По дороге он машинально останавливается у витрины — абажуры, кровати, топоры, тесаки и прочие стальные хозяйственные изделия. Пройдя десять шагов, он возвращается взглянуть еще разок на подсознательно запавшую теперь в его воображение мясницкую утварь всяких образцов... И вот уже опять знакомый сквер, и детишки окликают его, не очень устойчивого на ногах, а он своеобразно салютует малышам мятой шляпой.

Диктор. В назначенное время мистер Мак-Кинли получил обещанное приглашение осмотреть в составе Государственной комиссии один из филиалов фирмы «Булдер и К°».

Семь парадно одетых джентльменов, государственных деятелей второго разряда, направляются по пустынному, за чугунной оградой, двору к приземистому и сумрачному зданию крематорного стиля; последним поспешает за ними м-р Мак-Кинли.

Их встречает главный управляющий филиалом. Пока один бой в фирменной униформе отбирает у посетителей верхнюю одежду, другой вручает взамен белые халаты с фирменными инициалами на спинах и мягкую, неслышную обувь.

Мистер Мак-Кинли задерживается возле клерка, регистрирующего фамилии высоких посетителей.

Мак-Кинли (*важно*). Я — Мак-Кинли, из Высшего Лицензионного Совета. Что-то довольно пусто у вас сегодня!

Клерк. Главный съезд начинается с наступлением темноты... Нам запрещен дневной прием, во избежание беспорядков.

Мак-Кинли. Грабежи?

Клерк. Слишком много желающих попасть в Сальваторий бесплатно. (*Понизив голос.*) Как раз нищие районы кругом, — взгляните, что там у нас делается!

Во всю боковую длину высокой литой ограды с копиями и монограммами «BS», с той стороны, откуда только и можно подойти, выстроилась молчаливая, недвижимая, безликая какая-то, на бесформенное пятно похожая людская толпа. Всех их роднит один и тот же признак — оттенок безнадежности во взгляде; женщины с малышами, старики и самостоятельные, преждевременно повзрослевшие ребяташки.

Остальные члены комиссии слышат разговор Мак-Кинли с клерком.

1-й член комиссии. Почему ж вы не обратитесь в полицию?

Клерк. Мы не можем... Они не нарушают порядка, не мешают работе, они только глядят.

Мак-Кинли (*обернувшись в сторону ворот*). Но вот как раз и дневные клиенты к вам!

Клерк. О, эти, очевидно, прямо с аэродрома... за последний месяц наплыв из Европы увеличился вдвое, хотя у них там имеется своя сеть комфортабельных Сальваториев.

2-й член комиссии. По-видимому, сказывается дурной опыт от прежние войн!

Клерк (*горестно*). Да, в случае неприятностей Европа превратится в вулканический кратер средней активности. Простите, господа...

Вполголоса клерк отдает распоряжение служащему помоложе, чтобы тот встретил новоприбывших.

Через двор к главному зданию Сальватория шествует, с пледом через руку, по моде прошлого века, престарелый, надменного вида господин, возможно даже лорд, во главе своего семейства: параличная жена в кресле на велосипедных колесах, незамужние, подсохшие от времени дочери, личные секретари, домашний врач и единственный внук. Ливрейный лакей несет в руках аквариум с рыбками, также поступающими на долговременное хранение. Владелец их, задумчивый хилый мальчик, тащит вдобавок своего любимца, сидящего в обруче носатого тукана. Кроме того, ведут под уздцы ветхую, но, значит, дорогую по воспоминаниям верховую лошадь. Гувернантка с двумя шпицами в поводке замыкает шествие, отдаленно напоминающее погребальную процессию.

И самое любопытное: приезжие проходят по аллейке как раз мимо напряженно созерцающей толпы, им не стыдно.

— Пожалуйте, этим путем, сэр! — кланяясь, принимает почетных клиентов главный администратор, передавая их помощникам пошустрее.

Комиссия спускается в скоростном лифте в подземные помещения Сальватория. Что-то бешено мигает в контрольном окошке кабины, и вспыхивают бесчисленные лампы и номера этажей: 13... 22... 36... Заглушаемый легким свистом падения, управляющий успевает ввести гостей в курс текущих дел и очередных соображений фирмы. Здесь уместно отметить поразительную четкость поведения и речистость всех служащих фирмы «BS».

Управляющий. После недавних просчетов наших конкурентов мы предпочитаем для своих сальваториев предельные глубины порядка семи-восьми километров. Дальнейшее погружение в земную кору чрезмерно повышает стоимость шахтной проходки и, следовательно, каждого кубометра полезного объема... в особенности из-за повышения глубинных температур.

1-й член комиссии. Ну, уж себе-то вы, наверно, присмотрели тут уютный и безопасный уголок?

Управляющий. К сожалению, для нас это недоступно, сэр. Боксы стоят довольно дорого, а заливать кокильном коммуникационные коридоры, что, конечно, устроило бы служащих, запрещает главная инспекция.

2-й член комиссии. Уж для своего-то персонала фирма могла бы предоставить места со скидкой.

Управляющий (*уклончиво*). У меня большая семья, сэр.

Мак-Кинли. Дети?

Управляющий. Шестеро, сэр. Нет, им придется переждать наверху... пока все наладится. Обратите внимание на исключительную свежесть воздуха в подобной глубине...

Некоторое время спуск продолжается в полном молчании. Лишь потрескивают в счетном окошечке проскакивающие номера этажей: 278... 291... 323.

2-й член комиссии. Но ведь прошли слухи о значительном удешевлении мест с нового года. В каком приблизительно размере предполагается это снижение?.. И сколько сейчас стоит надежная кабина на одну персону?

Управляющий. На какой срок?

2-й член комиссии. Скажем, лет на триста.

Управляющий. От восьми тысяч долларов до пятидесяти, в зависимости от твердости породы и, следовательно, степени безопасности. Имеются люксы, те значительно дороже... я также уполномочен показать их вам... Мы только что приобрели патент на быстроходные электронные буры в гранитах...

Кажется, посетители уже успели привыкнуть к этому все продолжающемуся полету в бездну. Уже — 660... 797... 948. В лице у м-ра Мак-Кинли замечается странная борьба с каким-то непреодолимым, почти мальчишеским желанием. Наконец он не выдерживает.

Мак-Кинли (*небрежно-развязным тоном*). А скажите, что можно приобрести у вас на сумму в пределах... ну, долларов этак семисот?

Управляющий. Простите, как, как?.. Я не расслышал, сэр!

Мак-Кинли. Я хотел спросить... (*Не выдержав пристального взгляда.*) Нет, это я просто так, шутка.

Управляющий. Очень заметное оживление происходит в последние дни в связи с готовящимся перевооружением держав. На прошлой неделе получен большой заказ от княжества Монако... Чем богаче люди, тем больше они любят бессмертие!

1-й член комиссии (*вполне серьезно*). Что же, предполагается устройство рулетки под землю?

Управляющий. Нет, сэр. Фирма категорически против азартных игр в Сальваториях... да они и вряд ли осуществимы там! Ну вот и прибыли, господа. Прощу вас...

Циклопические своды и крепления перекрытий дают приблизительное представление о защитной толще грунта и бетона над головою. Осмотр бесшумных вентиляционных установок, обеспечивающих кондиционную температуру холодильников и химических цехов, изготавливающих таинственное вещество антитления: кокильон.

Изредка по округлым, местами полированным стенам и таким же низким потолкам скользят колдовские отсветы, бегут навстречу и тают молчаливые отражения и тени служащих.

Управляющий. Не могу еще раз не обратить ваше внимание... мы на глубине семи с половиной километров, а воздух как в лесу, и нигде ни капли подпочвенной воды.

3-й член комиссии. По-моему, даже ландышем пахнет?

Управляющий. Ночная фиалка, сэр.

Гости у квадратного с жалюзи иллюминатора. Видно, как вдалеке все те же знакомые нам сальваторные девушки, похожие на царственных монахинь или опечаленных богинь, производят свои манипуляции над какой-то полуголой миловидной дамой, поступающей на длительное хранение в Сальваторий. Знакомая волшебная мелодия перебивает доносящийся оттуда щекотный смешок усыпляемой. Разговорчивый член комиссии тотчас прилипает к иллюминатору.

Управляющий (*довольно решительно взяв его под руку*). Ну, здесь, джентльмены, вам не стоит утомляться... У нас мало времени и довольно много впечатлений впереди, уважаемые господа!

Длинный коридор, куда впадают широкие трубы смежных, слабее освещенных тоннелей. Это наиболее комфортабельные катакомбы местного Сальватория. Квартал владык и богачей. Плоская стена с круглыми, накрепко завинченными и замурованными крышками. На них, как и на плитах в полу, — герцогские короны, тиары со скрещенными светильниками, фабричные марки известных по расхожим товарам фабрикантов.

Управляющий (*доверительно*). Так сказать, отборные любимчики судьбы... к примеру, как раз под нами апартаменты одного экваториального принца с гаремом на пятьдесят персон... Прошу не курить! Нам предстоит теперь в специальной вагонетке, господа, проследовать в завершающий сектор, откуда после воскрешения и укрепляющей обработки наши клиенты будут выпускаться по прибытии на место. Но прежде я покажу вам регистрационный зал с картотекой, где автоматически отсчитывается купленное время каждого из наших клиентов. Так сказать, дверь из небытия во второе рождение...

Все заходят в эллиптическое, вроде колумбария, помещение со множеством небольших квадратных ниш по стенам, где постукивают вперебой отсчитывающие механизмы, сливаясь, пожалуй, в теперь слишком уж знакомую нам мелодию усыпления... Входят все, кроме м-ра Мак-Кинли.

Он спрятался в нише за толстой колонной, опоясанной спиралями охладительных, видимо, трубок, и, как только голоса его спутников затихают, покидает свое убежище. Время от времени справляясь с чертежами и пометками, сделанными на просмотре документального фирменного фильма, он крадется по пустынным и, кажется, нескончаемым коридорам Подземного Города, полным всевозможных ловушек и превратностей, пока через служебный ход не достигает уже известного нам по фильму начального отделения, где по сдаче контрольных карт и бланков клиенты раздеваются для поступления на подготовительный процедурный конвейер.

Ближайшая к нему богиня в фантастическом крахмальном головном уборе указывает м-ру Мак-Кинли кабинку, откуда тот вскоре и выходит в цветном, с пелериною, хитоне. Теперь его намерения совершенно ясны нам: на дармовщину проникнуть в желанное будущее; и надо отдать должное глубокой продуманности его плана. Ни одна черта в лице м-ра Мак-Кинли не выражает его смятенного состояния, никто из служебного персонала не подозревает происходящего обмана. Молчаливые девушки начинают свои плавные магические волхования над телом м-ра Мак-Кинли, который лишь приятно поеживается — с тем же, впрочем, каменным лицом! — от этих восхитительных прикосновений.

Уже наш герой прошел несколько начальных операций: омовения, очистки жидкостями и токами, массажа в ультразвуковых установках, уже он положен на легко скользящий по полу сверкающий стол, чтобы нырнуть в свою мечту... но вот приходят двое таких же, как и все они в этом подземелье, двое статных, царственно невозмутимых молодцов в комбинезонах и, обменявшись печальными взорами со здешним персоналом, молча влекут тележку со встревоженным и озирающимся м-ром Мак-Кинли в обратную сторону от рая.

Его доставляют в плохо освещенный, шибко второстепенного назначения коридор с дверцей в стенном массиве, за которой оказывается круглый вонючий зев какого-то люка. М-ра Мак-Кинли довольно небрежно вставляют туда, головой вперед, на пружинный челнок, следом суют его одежду, вывалившуюся из карманов мелочь, закрывают герметическую крышку на засов и включают донельзя, до зуда в зубах, противное, визгливое устройство.

Следует сифонное сипение с перекатом какого-то тяжелого тела по коленам широкой трубы, оказавшейся пневматическим мусоропроводом. Затем мы сразу видим концевой его выход наверху, и нам приходится немножко переждать, прежде чем м-р Мак-Кинли на большой скорости вылетит из этой неблагообразной дыры наружу, подобно ведьме, окутанный посторонними бинтами и тряпками, прямо на свалку — без видимых телесных повреждений из-за случившейся на месте падения мягкой подстилки. Лежа в несколько неудобной позе под роскошным звездным небом, он пытается философски и без спешки осмыслить свое положение. Подобное приключение, несомненно, хоть кому испортит настроение, однако овладевшая м-ром Мак-Кинли маниакальная мечта отныне придает ему вдвое отваги и хитрости на гораздо большие свершения.

Диктор. Что делать, не везет нам, дорогой мистер Мак-Кинли! Теперь придется отправляться на поиски подходящей старухи...

Отыскав в потемках разлетевшиеся части своего туалета — все, кроме одного проклятого ботинка, м-р Мак-Кинли на минутку скрывается за подвернувшейся трансформаторной будкой, сменить пришедший в негодность фирменный хитон, и вскоре появляется почти в прежнем, до своей неудачи, виде... Полностью стемнело. Справа чернеют ступенчатые, монументальные постройки Сальватория. Вдалеке возникают странные звуки, напоминающие шум крупного уличного происшествия; чуть позже становятся различимы и отдельные возгласы. М-р Мак-Кинли вполне невозмутимо, лишь слегка прихрамывая, отправляется на шум, чтобы выяснить причины беспорядка в такой ничем ранее не скомпрометированной местности.

Из мрака ночи, оглашаемой далеким нестройным, на ветер похожим пением, надвигается странное сияние, которое вскоре становится тысячью факелов, другая тысяча людей движется наугад, руководствуясь единственно чутьем ярости. Это ночной поход, видимо, не только окрестного населения на Сальваторий Боулдера. Безумная толпа, не уместившаяся на шоссе, течет и по его обочинам. Они движутся с поднятыми головами, то ли призывая бога из звездной пучины неба, то ли опасаясь налета воздушной полиции. М-ру Мак-Кинли, стоящему под откосом, видно сквозь поднятую пыль лишь множество шагающих ног, — он взбирается к ним по крутизне. В процессии — фермеры, какие-то старухи, даже одна оборванная монахиня, выкрикивающая нечто несообразное своему сану, обоего пола подростки. Они несут развернутые, всех образцов полотнища с самодельными надписями:

«Мы запрещаем вам зарываться в землю».

«Сгорайте вместе с нами!»

«Мы убьем вас, вояки, во имя наших малюток».

Какой-то осатанелый кряжистый старик с хохотом вдохновенного гнева кричит сверху попавшемуся на глаза м-ру Мак-Кинли.

— Пойдем с нами, кривошей, вырвем главному ноги из... чтоб не успел удрать от нас, своих птенцов!

Видно, как, закругляясь в сверкающее, волшебное полукольцо на вираже шоссе, мчатся с противоположной стороны полицейские машины; становится слышно их равномерное угрожающее гудение. При сближении оттуда летят в процессию какие-то пламенные порхающие мотыльки, и вот толпа уже ползет на коленях, давась, корчась от безудержного по всему телу зуда и сдаваясь.

Диктор. Подобные же беспорядки прокатились и по другим странам, где наиболее дерзко и успешно на виду у населения происходила деятельность концерна «BS».

На экране — образцовая, снятая в потемках уличная свалка со вспышками выстрелов, неразбериха катящихся и падающих тел. Это один очередной погром Сальватория — где-то в предгорьях Швейцарских Альп. Не менее сильное впечатление оставляет эффектный ночной пожар в датском филиале «Боулдер и К°». Как правило, всюду убытки фирмы крайне малы: надземные постройки Сальваториев почти ничтожны в сравнении с недоступными подземными помещениями под броневыми плитами. Зато при удачном поджоге изнутри вырывающиеся из земных недр столбы дымного пламени, с соответствующим отражением на облаках, напоминают небольшие вулканические извержения. Газ кокильон чудесно горит.

Диктор. Наиболее популярный и доходный бизнес века тем не менее всюду вызывал у населения гневное, не выясненной пока окраски, но явно политическое противодействие. В сенат поступила совместная — Биржи, Центрального Перспективного Института и Конгресса Промышленности — петиция с требованием расследования деятельности концерна «BS».

Надпись. Ввиду чрезвычайной важности ожидаемых выводов на заседание личным дружеским посланием президента был приглашен сам глава и основатель фирмы Самуэль Д.Боулдер.

Газетные оповещения:

«Больного Боулдера тянут к ответу».

«**Новый Моисей нашего времени!** Земля Обетованная — всего в семи километрах под нами».

«Успеет ли старик достроить свой новый Сальваторий в Венесуэле?»

«ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ. Боулдер при смерти».

«Он будет погребен в Пантеоне».

Диктор. То печальное и памятное заседание сената, завершившееся увечьем многих достойных джентльменов и частичным повреждением красивейшего здания в столице государства, произошло 28 августа, одновременно с другим, важнейшим для нашего героя событием.

Переполненный публикой и сенаторами Круглый зал заседаний. В разгаре обсуждение деятельности концерна «BS». На трибуне произносит речь взволнованный мужчина в совершенном расцвете сил. Вибрирующий голос, властные жесты трибуна, жгучие взоры и жесты обвинения в адрес неспроста отсутствующего Боулдера, особо ядовитые обороты речи и, наконец, благородная испарина умственного напряжения на челе. Когда оратор отворачивается от микрофона, чтобы было слышно и сидящим позади, зал наполняется гулким радиобульканьем.

Оратор. ...Теперь нам надлежит подвести итоги перечисленным фактам и цифрам, и я крайне огорчен, господа сенаторы, что вынужден сделать главный вывод обвинения в отсутствие виновника, известного всем вам в качестве создателя концерна «BS», этой позорной и могущественной организации всемирного дезертирства. По счастью, преступление еще не доведено до конца, еще есть время вмешаться нам, консулам отечества. Но не секрет, господа, что все более широкие круги заражаются непоправимым соблазном бегства из современности. (*Обернувшись назад.*) Где ваш уважаемый помощник, директор-распорядитель Меридиональной Авиалинии и заодно ваш зять, господин председатель? В земле. Где мужественно призывавший нас к христианскому сопротивлению достопочтенный архиепископ Стаффорд? Там же. Самое вызывающее, что и ответчика нет среди нас. Нет, он не ждет почтительно там, на дощатой скамье в коридоре, приговора избранников страны... не ждет с подобающим трепетом ваших вопросов, господа судьи! Он силен и загадочен пока, этот некоронованный плут, перед которым ныне заискивают короли и магнаты в надежде на теплую койку в его обширной подземной империи. Да, он боится вас, а ведь степенью трусости как раз и мерится нередко низость побудительных мотивов. Правда, по слухам, в настоящее время он чадно угасает среди своих запущенных тюльпанных полей в Огайо, новый Цинциннат из Цинциннати... и, надо думать, дьявол, который сейчас выковыривает из него стамеской его грешную душу, ужасно морщится от своей вонючей работы. Но даже мертвый, он должен был предстать перед сенатом отечества, чтобы трепеща объяснить истоки своей коварной и сомнительной деятельности.

Голос с места. Это тебя тот ракетный Ластиг, фабрикант покойников, купил, пройдоха, мазать грязью мертвеца?..

Оратор. Бывают настолько черные репутации, господа, что им нечего страшиться посмертной грязи!.. Итак, мы собрались здесь, чтобы принять великие решения... и раз уж так случилось по воле творца и собственному нашему недомыслию, что мы собрались тут лишь в самый роковой миг у кормила свобод и цивилизации, то, прежде чем попустительством малопочтенного мистера Боулдера мы все снова растворимся в первозданной огнедышащей стихии, из которой господь ввел нас однажды в этот мир делать наш скромный бизнес,

господа, давайте совершим все положенное нам с достоинством, присущим нашему биологическому виду. Пусть на последней странице Человеческой истории будет начертано описание вашего заключительного подвига, господа! Да, мы все стоим перед порогом, когда волна вечности смочит нас... вернее, поднимет на воздух все это зримое... и нечто большее, чем только наши семьи, храмы и банковские вклады, но и незыблемую основу нашего бытия — идею свободной инициативы! На грозном пороге, где мы стоим сейчас, только способность осознать логику своих ошибок отличает человека от животного; воспользуемся же ею!

1-й голос с места. Если вы это болтаете от лица конкурирующей фирмы, то открывайте, какой?

2-й голос. Устав и деятельность концерна «BS» не противоречат конституции свободной страны!

Недружный ропот и шум в зале.

Оратор. А я как раз утверждаю, что эта предательская организация создана в Москве для паники и планомерного подрыва наших государственных мероприятий... путем отнятия у военной промышленности — рабочих рук, умов — у наших штабов и лабораторий, налогоплательщиков — у нашего бюджета! Тем постыднее все это, что столь беспримерное разрушение наших тылов производится на наши же с вами взносы, собранные среди доверчивых клиентов. Поэтому я и предлагаю вашему вниманию...

3-й голос. Вам же известно, что военнообязанные не принимаются в Сальватории Боулдера, а рабочим не на что прятаться под землю!

Голоса. Тише, тише...

Как раз в эти минуты, чуть раньше, через центральный, противоположащий трибуне вход вступают человек шесть внушительного вида молодцов — в полувоенной фирменной униформе, со шнурками вместо погон и опознавательными инициалами «BS» на рукавах. Не обращая внимания на происходящее, они деловито осматривают помещение, все ли тут в порядке. Один, видимо старший, молча кивает другим на приоткрытое за столом председателя окно с цветным символическим витражом.

Старший по охране. И вон того удалить, ребятишки... Что-то мне не нравятся ни ряшка его, ни, правду сказать, волоса.

Несопrotивляющегося стенографа с громадной шевелюрой легко, как щепку, перемещают в коридор.

Получивший приказание охранник взбирается за спиной председателя на спинку его кресла.

— Извини, парень, что мешаю вам трепаться. Мне закрыть окошко, а то мы простудим нашего старика.

Молодцы «BS» разговаривают по-хозяйски громко и поступают как им нравится, что окончательно нарушает порядок заседания. Атака сбежавшихся было служителей разбивается о первую же многообещающую улыбку старшего. Общее замешательство. Застигнутый на полуфразе оратор замирает на трибуне. Привстав, сенаторы смотрят на задние входные двери в ожидании еще худшего.

Оттуда появляется неторопливая процессия. В сопровождении врача, двух медицинских сестер-монахинь и пастора, ввиду возможных случайностей преклонного возраста, вступает сам м-р Боулдер, ведомый под руки двумя молодцеватыми секретарями со скорбно одухотворенными лицами и атлетического сложения. Старик гораздо старше и сутулей, чем на знакомых нам портретах не менее как пятнадцатилетней давности, почти развалина. Белая борода и такие же нависшие брови, под которыми, как в норах, прячется взгляд, придают ему даже какое-то щемящее душу библейское величие. Смятенная тишина, и в ней только

пришаркивание старческих ног.

Боулдер (*кивая неизвестно кому*). Ничего, ничего... садитесь, господа. Извините, опоздал... стариковское недомогание, обычные неполадки с желудком... (*Ворчливо, председателю, не глядя на него.*) Все они таковы, эти чертовы старики... травить их... Простите, сверх ожиданий... немножко помешал вам заниматься!

Самуэль Д.Боулдер опускается на откуда-то появившееся в проходе кресло в четвертом ряду, который наполовину к тому времени знаменательно опустевает: свита располагается гнездом вокруг. Монахини роются в своих санитарных сумочках. Врач пытается приложить какой-то медицинский прибор к запястью старика, тот без раздражения отводит в сторону его руку.

Долгое мертвое молчание. Напрасно председатель подает просительные знаки оратору, чтобы тот спасал положение ввиду создавшихся по его вине обстоятельств. Тот незаметно сникает — скорее улетучивается, чем бежит с трибуны.

Председатель. Прежде всего мы приветствуем дорогого мистера Боулдера в нашей деловой среде. До нас дошли грустные вести, что вы прихворнули у себя под Цинциннати, сэр... и мои коллеги искренне сожалели, что ваше нездоровье лишает их возможности послушать от вас лично воспоминания о возникновении поразительной фирмы «BS», которая по высокой мысли ее творца — эвакуировать человечество из потенциальных очагов военных бедствий — представляется всем нам одним из гуманнейших начинаний нашего времени!.. Не найдете ли заодно возможность, сэр, поделиться с нами и вашими соображениями о современности?

Боулдер. Да, я хотел бы, а то у меня время... Но оратор?

Председатель. О, он давно кончил, сэр. Итак, ваше слово, мистер Боулдер.

Предоставляя слово, он оглашает всевозможные, строк на двадцать, титулы и звания великого старика.

Перед публичным выступлением, с опасными в столь преклонном возрасте тревожностями, старшая сестра подает старику какое-то укрепляющее питье, которое предварительно надо долго мешать ложечкой. Кошунственно домашний звон стекла оглашает тишину законодательного святилища с президентами, генералами, джентльменами в париках, созерцающими из золоченых рам это забавное и неуместное священнодействие.

Боулдера возводят на трибуну секретари, которых он затем с капризцем отталкивает, как костыли. Оратор начинает ворчливо-медленно, порою глотая куски фраз, но угасающий вначале голос крепнет к концу, и в заключение старик окинет свою аудиторию уничтожающим, почти молодым взором из-под насупленных бровей.

Боулдер. Моя фамилия Боулдер, господа. Я получил вашу вздорную повестку и сперва, этово... мне уже вредно, мне нельзя самолет, хе-хе... в небо мне уж дозволительно только с ангелом. Но тут мне дали проглотить что-то такое, продолговатое, и вот... (*Долгая пауза.*) Когда мне не дремалось, то я глядел оттуда сквозь облачную дымку на все эти плывущие внизу города и башни и думал: так почему же оно так прочно? Их жгут века подряд, взрывают, а они все стоят... я спрашивал себя: почему?.. из камня и стали? Нет. А потому, господа, что оно сделано из живой человеческой души. Из вдоха нашего, из мечты, из надежды... как будто даже из ничего. Вот почему книги живут дольше железа... Так что же сегодня нужно прежде всего для спасения мира? — думал я, плывя в поднебесье. Приготовьтесь, я вам скажу сейчас очень смешную, даже непристойную в таком месте вещь: чистая душа, господа... (*Махнув рукою.*) А впрочем, все равно: потом приходит шальной наследник, балбес, голова винтом... и опять пепел, неоплаканый пепел летит по ветру! (*В ответ на шелест переспросов, прокатившийся по залу.*) Я сказал: по ветру, пепел... господа. (*Длительная пауза, старик что-то жует.*)

Боулдер. В дороге я имел также удовольствие слушать; летел и слушал, этово... ну, ваши огненные речи, господа! И тоже — где я был назван организатором всемирного дезертирства с

поля чести, хе-хе, хотя (*грозя пальцем и с дробным смешком*), хотя у всех вас давно уже куплено по билету в мои Сальватории, шельмецы! С пожара первыми убегают те, кто раньше узнал про огонь: поджигатели. Но одно, пожалуй, верно: старик стоит у трапа и неистово торопит всех, чтобы скорее всходили на мой корабль... отплывающий куда-то корабль. Признаться, я и сам не знаю куда! Но почему же он поступает так, этот чертов, совратительный старик? Почему? Может быть, за свою долгую жизнь старый Сэм так полюбил людей, что решил хоть что-нибудь сберечь от предстоящего костра? Сомнительно. Мне слишком много про всех вас известно, чтобы жалеть. Нет... а просто хочу закинуть впрок, по ту сторону завтра, немножко наших идей, памяти о прошлом и еще кое-чего для постройки шалаша на первое время... там. Для кого, я и сам не знаю. К сожалению, у большинства моих клиентов как раз ни мыслей, ни совести, ни даже мужества, а сам я слишком беден, чтобы за свой счет произвести эвакуацию остального человечества... хотя дайте мне ваши военные бюджеты, черт возьми, я попробую! (*Пауза отдышки.*) Нет, мальчики, я работаю не от Кремля. Мне нечего продавать, и меня уже все чаще тянет полежать со скрещенными на груди руками... (*С неожиданным воспламенением. обернувшись к председателю.*) А могу ли я прибегнуть к вашему посредничеству, сэр, представить мне того резвого молодого прокурора, который собирался посещать старика? Было бы интересно взглянуть. Он так быстро уступил мне место...

Председатель (*как бы сглотив фамилию обвинителя*). Прошу вас, уважаемый коллега... (*Громким шепотом, когда тот мертвенно поднялся с места.*) Желательно поближе: у мистера Боулдера плохие глаза.

Преодолевая робость, оратор подходит к трибуне и застывает с видом провинившегося школьника.

Оратор. Я слушаю вас, мистер Боулдер.

Боулдер (*отечески*). Поверьте старику, молодой человек, я далек от мысли обидеть вас, но грозная пора обязывает нас всех к величайшей точности мышления и действия. Ваша матушка может по праву гордиться своим рекордом: вы поразительный дурак, сэр... я просто горд наблюдать столь незаурядное умственное явление. Ради нашего знакомства я уж приоткрою вам один секрет, поскольку, бывает, для иных и градусник — великое открытие. Нам, с большими желудками, не повезло, господа: мы родились в чертовски неприятное время, когда человечество линяет. Оно меняет свою ветхую шкуру... и ему иначе никак нельзя: ему надо жить и завтра. Его стало на земле слишком много, а мы у себя наверху слишком прожорливы и грешны. И мы слишком часто обращались к дьяволу за консультацией или чтоб прогрел нам трагически остывающую кровь. В сущности, господа, наша хваленая цивилизация достигла той роковой содомской черты, когда в древности на нее ниспосылался огненный дождь. Снова чистая душа требуется миру... и какие бы телодвижения ни совершали мы, завтра планета будет в другой одежде. И не оплакивайте обреченного, господа: к сожалению, главное уже произошло. Оно бывало и раньше, они вымирали не раз, троглодиты и эти... (*ближайшему секретарю*) ну, как их... эти палеозойские водяные блошки?

Секретарь. Трилобиты, сэр.

Боулдер. Вот-вот, троглодиты и трилобиты. Со временем из этого образуется толстый на дне океана слой известки, который, будем надеяться, пригодится на что-нибудь путное в дальнейшем. Итак, все!.. На остальные вопросы ответят секретари... чтоб не скучали, хе-хе, и не зря получали деньги. В сущности, я летел сюда только посмотреть, кто нынче... как это там было сказано?.. кто стоит у кормила всемирной цивилизации. Словом, взглянуть на ваши лица, господа. Благодарю вас, я видел...

В том же безмолвии и последовательности Боулдер и сопровождающие его лица удаляются из зала заседаний, где тотчас открываются оживленные прения с обилием страстных восклицаний и даже, между представителями враждующих фирм, с рукоприкладством.

Диктор. В тот же самый вечер, приняв бесповоротное решение относительно бегства из эпохи, мистер Мак-Кинли произвел решительный смотр своих наличных возможностей.

Предварительно запершись, он собирает отовсюду — из бельевых ящиков и карманов старых пиджаков — затерявшиеся, а может быть, и нарочно рассованные про черный день бумажки и монеты. Он также ставит на стол пяток фигурных копилочек со сбережениями и, наконец, из главного тайника с предосторожностями извлекает свой заветный клад. Весь м-р Мак-Кинли с его капиталами виден здесь на просвет.

Следует стук в дверь.

Мужской голос. Хэлло, Мак-Кинли, здесь Аббот, ваш сосед... Вы не собираетесь к хозяевам в гости? У них серебряная свадьба сегодня. Уже все в сборе...

Мак-Кинли. Благодарю, я малость опоздаю... к сожалению, мне поручили одну срочную работу.

Голос. Приходите, когда кончите!

Мистер Мак-Кинли опустошает копилки и, завернув в газету глиняные осколки, чтобы самому вынести из дому, производит подсчет основных средств для осуществления мечты. Неотвязно звучит над головой та самая повелительная мелодия усыпления и — надежды, надежды! В качестве примерного аккуратиста м-р Мак-Кинли постатейно выписывает образовавшиеся суммы, из которых по сложению получается неожиданно много: 1780 долларов.

Детский голосок за дверью. Мистер Мак-Кинли, папа и мама приглашают вас чего-нибудь выпить.

Мак-Кинли. Спасибо, крошка, мне что-то нездоровится.

Поверх вороха своих богатств м-р Мак-Кинли кладет какую-то, от канзасского дяди унаследованную акцию и фамильные старомодные ценности; судя по записи, сумма увеличивается еще на 130 долларов. Затем он ходит по комнате, прикидывая в уме стоимость каждого предмета из своего небогатого обихода: толстенькие подвижные цифры появляются сами поверх оцениваемых объектов.

Хозяйка стучит в дверь.

Хозяйка. Дочка сказала, что вы заболели, мистер Мак-Кинли. Мы с Гарри очень беспокоимся. Дайте-ка мне взглянуть на вас...

Прежде чем открыть дверь, м-р Мак-Кинли одним жестом сгребает свое достояние в ящик стола. На пороге полная, добродушная, еще в фартуке и раскрасневшаяся от хлопот хозяйка.

Мак-Кинли. У меня просто плохое настроение с утра, миссис Перкинс. Опять невеселые газеты...

Хозяйка. Да, мы тоже читали: какой-то подающий надежды молодой ученый предложил поджечь прилегающий к России Ледовитый океан. Поразительно движется вперед наука: ведь год назад мы и не гадали, что вода прекрасно горит... Тут-то только и выпить с горя!

Мак-Кинли (*нерешительно*). Мисс Беттл у вас?

Хозяйка. Нет, она куда-то уехала. Надеюсь, только в отпуск!

Мак-Кинли (*незначащим тоном*). Одна уехала?

Хозяйка. Да... кажется, к тетке. А что?

Мак-Кинли. Ничего! Тогда я приду сейчас... *(Потом вдогонку уходящей хозяйке, выхватив смешной бабушкин браслет из ящика стола.)* А это вам мой маленький подарок.

Хозяйка *(любуясь вещью).* О, вы просто расточительны, мистер Мак-Кинли! Мы с мужем так хотим вам счастья...

Диктор. Перед тем как полностью отдаться во власть своих безумных, уже полусерьезных мыслей, мистер Мак-Кинли сделал еще попытку осуществить мечтание законным путем, и прежде всего — прицениться к счастью!

Мистер Мак-Кинли в конторе фирмы «Боулдер и К°». Это — огромное, крайне специализированное соответственно потребностям клиентов предприятие.

Множество пронумерованных окошечек в отделанной тропическим деревом панели, и в каждом посажено по белокурому ангелу с фирменными инициалами на каскетке.

Мак-Кинли. Позвольте мне беспокоить вас вопросом, мисс. Что и на какую цену могли бы вы предложить одинокому нетребовательному холостяку?

Ангел. Простите, сэр, в моем ведении как раз только семейные апартаменты с комплектным обслуживанием. Обратитесь в сорок второе окно. Благодарю вас!

Мистер Мак-Кинли у сорок второго окошка.

Мак-Кинли. Меня интересует, что именно я мог бы приобрести у вас за сравнительно небольшую сумму?

Ангел. Какой суммой вы располагаете, сэр?

Мак-Кинли. В среднем... тысячи на полторы, не больше двух.

Ангел. К сожалению, здесь продаются лишь индивидуальные стабильные секции длительного хранения от десяти тысяч долларов и выше. Пожалуйста, поищите в нижнем этаже мистера Стоккера. Это самый длинный и любезный человек на свете. Благодарю вас!

Наконец в огромном зале полуподвального этажа удалось разыскать указанного длинного Стоккера.

М-р Стоккер *(откуда-то сверху, как бы со второго этажа).* О, в пределах вашей суммы я смогу показать вам некоторые наши новинки, уже получившие в Европе довольно широкое распространение! Прошу вас следовать за мною, сэр! *(Ведя его по коридорам и различным служебным помещениям.)* Вы еще не видели наших переносных кабинок индивидуального пользования? Пресса отметила их как наиболее привлекательное изобретение последнего полугодия. Это маленькие самостоятельные квартиры долговременного пользования, на любые цены, вкус и рост. Они абсолютно герметичны для кокильона и крайне экономичны для желающих перескочить через завтра... Дешевле их, пожалуй, будет только самоубийство! Так вот, идя навстречу широкому народным потребностям, наша фирма месяц назад и выпустила их как общедоступные рождественские подарки. Мистер Боулдер в своей деятельности всегда руководился самыми демократическими побуждениями. Первые образцы показали себя с наилучшей стороны. Не оступитесь, здесь несколько ступенек, теперь направо... Благодарю вас!

Они вступают в довольно вместительный холл, где по обе стороны, на приподнятых

площадках, расставлены самые разнообразные капсулы. Перед нами печально-продолговатые, треугольные, цилиндрические и даже шаровидные — с сидячим местом внутри, также кубические сооружения, рассчитанные на размер сложенного втрое человека, в большинстве ласкающих глаз колеров. В общем, это переносные сальватории хоть бы и на дому: для небогатых. Некоторые с замысловатой загадочной техникой, видимо для автоматического проветривания или рулевого управления, другие же с рессорным приспособлением для поглощения силы удара при падении с вершины термоядерного гриба. Всюду на нескольких языках обозначены номер и символическое название категории, а также самая стоимость. Вокруг, парами и в одиночку, бродят задумчивые покупатели, которые недоверчиво изучают выставленные модели.

Наиболее запоминаются следующие образцы:

«**Спящая красавица и семь богатырей**» — прозрачная лягушка, подвешенная внутри изящных пружинящих обручей с семью шипами, во избежание покушений на спящую внутри девственницу, — наиболее дорогая.

«**Солитер-эгоист**» — продолговатая, с солидной крышкой штука для зажиточных холостяков, расписанная довольно легкомысленными рисунками.

«**Райская кабинка**» — для молодоженов, уширенного образца.

«**Вечность**» — чугунный саркофаг цельного литья с небольшим иллюминатором огнеупорного зеленоватого стекла, опускается непосредственно на дно океана.

«**Давайте отдохнем**» — продолговатый граненый ящик с крышкой на обыкновенных мебельных винтах; и другие в том же роде.

Слышен разговор молодой супружеской четы, когда подходят Стоккер и Мак-Кинли.

Он. По-моему, это немножко непрактичный цвет, Лиззи. Ты всегда выбираешь в цвет к своим глазам... Но ведь это будет стоять не в гостиной!

Она. Тогда лучше остановимся на давешней, та гораздо комфортабельнее, а для твоей мамы возьмем что-нибудь попроще, ей уже все равно... Однако что же мы выберем для твоего племянника?

Заведующий индивидуально-капсульным отделом настойчиво пытается всучить м-ру Мак-Кинли последнюю из перечисленных выше моделей.

Стоккер. Я настоятельно рекомендую эту... она недорога, крайне гигиенична, почти невесома: можно брать с собою под мышку хоть в театр!.. — ну, разумеется, если сдавать под номер гардеробщику. Обратите внимание на автоматическое спусковое устройство: газ начинает поступать тотчас, едва завинтят крышку. Вам не нравится?.. Или хотите примерить? У нас имеется примерочное помещение с зеркальным потолком!

Мак-Кинли. Нет, видите ли, это вызывает во мне... ну, посторонние воспоминания.

Стоккер. О, это в смысле, количества граней? Тогда вон там найдутся более отвлеченные формы. Кроме того, вон та модель даже с музыкой: имеется специальный механизм для проигрывания! Называется «*Ладья мистера Харона*». (Они направляются туда.) Лично я даже предпочитаю капсульное хранение. Гранит... А мало ли что про него откроют впереди! А вдруг гранит тоже взрывчатка? К тому же, если взять капсулу с надежной амортизацией на случай воздушной волны...

Мак-Кинли (*содрогаясь*). Видите ли, я еще собирался после этого жениться... Благодарю вас, я подумаю.

Они корректно раскланиваются и расходятся.

Диктор. И вот мистер Мак-Кинли оказался в безвыходном положении. Мечта о безопасных семейных радостях не давала ему покоя. Но изолированное под земное помещение было не по карману, а скитание хотя бы в гигиенической шкатулке по раскаленным небесам тоже не слишком привлекало его. Надо отдать должное мистеру Мак-Кинли: прежде чем решиться на крайние меры, он испробовал все менее преступные средства.

Вон он пытается под проливным дождем ограбить франтоватого пьянчугу по выходе из ночного вертепа. Вмешивается полицейский, и притворившемуся приятелем м-ру Мак-Кинли приходится за свой счет доставлять безденежную жертву по указанному в визитной карточке адресу.

Вот м-р Мак-Кинли мучительно сочиняет вымогательское, под угрозой страшной смерти, письмо владельцу одного нарядного особняка, мимо которого ежедневно ходит на службу. На другое же утро в условленном месте, под кустарничком, красуется подозрительно толстый пакет, а по противоположной стороне прогуливается классический, в канотье и полуторного роста, детектив.

Диктор. В довершение всего оказалось, что даже в таком богатом христианском городе занять недостающие для счастья 8220 долларов под честное слово христианина — безнадежное дело. Тогда мистеру Мак-Кинли и вспомнилась подслушанная в кафе история про иностранного бакалавра с топором... Пора было приступить к поискам какой-либо малоценной старухи.

Скитания м-ра Мак-Кинли по городу в поисках подходящего объекта.

Он на вокзале, среди провожающих: нету! Он на скачках в публике. Казалось бы, выбор здесь вполне достаточный, но ни одна из подходящих кандидаток в увлечении игрой просто не замечает его усилий завязать близкое, с солидными намерениями знакомство.

Мистер Мак-Кинли в молитвенном доме, где множество малозажиточного вида старух с вытянутыми гусиными шеями тянут гимны под управлением такого же прозрачного на просвет проповедника. Изучая каждую порознь, м-р Мак-Кинли местами подпевает им слегка, потом скептически морщится и уходит.

Он забредает также в косметический институт. Адское стрекотание массажных, вибрационных и прочих омолодительных аппаратов, но даже и сквозь этот шум могуче прорываются такты той, райской мелодии. Происходит очередная пантомима: под предлогом удаления родинки где-то за ухом м-р Мак-Кинли вступает в нудное объяснение с главным магом-оператором, образцово-показательным мужчиной пронзительной ассирийской внешности. Тот сокрушенно качает головой, в мимическом смысле: «Тут никак нельзя ковыряться, опасно: слишком близко к мозгам!»

Тем временем м-р Мак-Кинли поочередно обследует взглядом букет перезревших дам, чающих возвращения молодости. Кажется, одна — долговязая, тощая, носатая до сходства с грифом — совершенно подходит для намеченного мероприятия. На ней показное множество драгоценностей, — значит, богата; она жаждет нравиться, — значит, при умелом обращении уязвима для мужских чар; она в трауре, — значит, одинока, что в особенности благоприятствует успеху дела.

Диктор. Не теряйте времени, мистер Мак-Кинли. Забирайте в охапку вашу удачную находку!

С видом прожигателя жизни м-р Мак-Кинли шествует за своей жертвой. В переполненном, на людной улице, кафе ему удастся настигнуть ее наконец. Жестом он просит разрешения воспользоваться пустым местом за ее столиком.

— Я не запомню такого тропического августа... — говорит м-р Мак-Кинли, садясь и приподымая шляпу в благодарность за позволение. — Впрочем, у нас в Оклахоме, помнится, случалось, в детстве, и не такое пекло!

— Зато, наверно, будет ранняя и дождливая осень... — охотно откликается будущая жертва.

Миссис Шамуэй рассеянно кивает, занятая какой-то довольно калорийной пищей. Такие, по уверениям сведущих лиц, обожают всякие зверские зрелища!

— Вы сидите на самом выгодном месте во всем кафе. Я тоже давно облюбовал этот столик, — отважно приступает к своей тяжелой работе м-р Мак-Кинли, касаясь полей шляпы. — Отсюда выгодней всего наблюдать все несчастные случаи... По городской статистике, большинство их происходит именно на этом перекрестке и в этот час. По отзывам одного знакомого репортера, перед вами наиболее богатый происшествиями перекресток в мире. Кстати, третьего дня произошло очень милое столкновение двух автомашин.

Что-то в наружности миссис Шамуэй располагает его к импровизации такого рода.

— И много крови было? — интересуется миссис Шамуэй.

— Да, и, по моим наблюдениям, она поразительно медленно сохнет... даже в такую погоду!

Не без сожаления м-с Шамуэй расплачивается с официантом и уходит. Но, значит, выстрел охотника попал в цель: на следующий вечер уже сама миссис Шамуэй подходит к столику, предусмотрительно занятому м-ром Мак-Кинли.

— Ну как, ничего не произошло пока? — приветливо и уже тоном сообщницы осведомляется она, запросто присаживаясь на свое место. — Я тоже большая любительница наблюдать... ну, всякие такие пестрые уличные бытовые сценки!

— Вот, терпеливо жду пока... — тоном бывалого рыбака говорит Мак-Кинли, приподымая шляпу. — Но только при вашей врожденной нервности... я бы предписал вам воздерживаться от чрезмерных впечатлений!

— О, вам делает честь такая наблюдательность! Вы врач?

— Немножко. Мне и в прошлый раз показалось, у вас были не то чтобы заплаканные, а как бы в дымку давней печали... глаза. Простите, ваше состояние дает мне право, пусть на непрошеное, сочувствие. Скажите... у вас большое горе?

— Три дня назад я предала земле близкое мне существо, — тронутая проникновенным тоном м-ра Мак-Кинли, признается приручаемая жертва.

— Мне также знакомо такое опустошение, эта сверлящая после ночной бури тишина, — с опущенными глазами платит откровенностью за доверие м-р Мак-Кинли. — Вот уже два года с лишним, как я напрасно пытаюсь найти какую-нибудь привлекательность в своем одиночестве...

— Зачем?

— О, чтобы привыкнуть и смириться!

— Нас всех, путников по земле, роднят одни и те же земные горести да еще, пожалуй, тоска по небу... — искоса рассматривая меню, со вздохом произносит миссис Шамуэй.

Мистер Мак-Кинли смотрит на свою старуху страшными, бархатными глазами.

— Простите мою навязчивость, миссис...

— О, Шамуэй!

— Благодарю вас, миссис Шамуэй... Я Мак-Кинли. Будем надеяться, что там вашему другу будет лучше. Видимо, это было очень отзывчивое, доброе существо, верный рыцарь и умный собеседник?

— Я бы не сказала так... но нас связывали девять лет самой тесной дружбы!

— Вот так же и я!.. До сих пор, проснувшись иногда среди ночи, я отчетливо, как бы в мерцании, вижу наклоненную надо мной любимую головку, — искусно признается м-р Мак-Кинли. — Поразительно, с какой силой человеческое сердце хранит черты дорогих нам спутников. Мы даже перенимаем у них некоторые черты для себя... Вы не замечали, миссис Шамуэй?

— По счастью, — благодарно и не без волнения отвечает та, — у меня, кроме воспоминаний, сохранилась и фотография. Как странно! Точно предвидя несчастье, мы снимались всего на прошлой неделе.

— Я был бы счастлив познакомиться с вашим бедным другом! — просит м-р Мак-Кинли.

С увлажнившимся взором м-с Шамуэй шарит в сумочке портрет любимого покойника. М-р Мак-Кинли замечает там вполне достаточную для пролития крови пачку денег и чековую книжку, которую та некстати роняет на пол. М-р Мак-Кинли возвращает ее владелице и получает взамен фотографию в кожаном паспорту для осмотра. На ней голый и гладкий, с какой-то огнедышащей мордой дог.

Кивая со склоненной набок головой, м-р Мак-Кинли долго рассматривает карточку. «Какое милое, интеллектуальное лицо!..» — как бы говорит он всем своим видом.

— По-видимому, он был уже стар? — с участием осведомляется м-р Мак-Кинли.

— Представьте, совсем нет; он погиб под междугородным автобусом. Его сгубила любознательность. Он что-то там заметил под колесами и полез удостовериться. У него было чудесное здоровье: никогда не болел...

— Мы так неосторожны становимся с годами... и тем более нуждаемся в строгой взаимной опеке! — через силу делает еще один шаг к поставленной цели м-р Мак-Кинли. — Но, кажется, у вас самой тоже завидное здоровье?

— О, муж побаивался меня при жизни, а бабка до восьмидесяти трех лет не пропустила ни одного лыжного состязания, пока сама не поскользнулась на горной тропе... — хвастается м-с Шамуэй, запирая сумочку, и улыбается вызывающе, кокетливо, как девочка.

Мистер Мак-Кинли снова смотрит на нее оценивающими, ласкательными глазами. Правда, эта пожилая ужасная дама прочна, как плаха на эшафоте, над ней придется потрудиться. Что делать, в его положении на что только не пустишься ради осуществления мечты!.. Впрочем, как и многие философы, м-р Мак-Кинли с его придиричьей душевной чистоплотностью не очень уверен пока, что буквально все дозволено во имя детей, в природе пока не существующих. Поэтому по ходу повести ему потребуются еще и еще доводы — убедиться, что это как раз та самая старуха, которую совсем не грешно принести в жертву какому-нибудь особо возвышенному и неотложному идеалу.

Однако пора идти, м-р Мак-Кинли торопится отодвинуть стул м-с Шамуэй. Расплачиваясь, он, как и впоследствии всегда, не скупится на чаевые официанту, который сгибается в поклоне подобострастного удивления. Мелочь эта не ускользает от внимания польщенной миссис Шамуэй. «О, по-видимому, обтрепанные обшлага у этого чем-то весьма привлекательного джентльмена — только черты чудачества, нередкого на Западе у людей с достаточной рентой». Украдкой, искоса она поглядывает на м-ра Мак-Кинли, проверяя свои догадки: «Но, боже, кто же вы, однако, кто?»

Они выходят вместе.

Диктор. Так началась самая жестокая и захватывающая в жизни мистера Мак-Кинли игра, где ставкой служило всего лишь скромное семейное счастье, как будто нельзя было достичь его другим путем. А сбережения его стали таять с каждым свиданием.

Всякий вечер по возвращении домой с прогулок со своей избранницей м-р Мак-Кинли отмечает карандашом на косяке двери оставшуюся в его распоряжении после очередного урона сумму сбережений. Она катастрофически падает: 1750, 1711, 1628, 1592.

Наша пара находится на большом состязании по рестлингу: второй ряд. Полутемный спортивный зал до потолка набит публикой, которая по-детски беснуется и переживает все фазы происходящей драки. В особенности нежно в этот вечер звучащая мелодия мечты (всякий раз на разных инструментах!) тонет в плеске свистков, выкриков и брани: болельщики! Два жирных медлительных борца в звероподобных масках на потребу зрителя усердно делают вид, будто калечат друг друга, выламывают конечности третьему противнику, сообща и всласть бьют его головой о чугунную штангу, без заметных, впрочем, повреждений организма: завтра снова придется выступать!

Вся подавшись вперед в порыве наслаждения, м-с Шамуэй выражает свои переживания чуть ли не громче всех. Она раскраснелась, с губ ее то и дело срываются слова, неожиданные для ее пола и возраста, господину в переднем ряду приходится пускаться на всякие хитрости, чтобы защитить воротник от ее цепких рук... Все это время м-р Мак-Кинли, откинувшись к спинке сиденья, смотрит — не на ринг, однако, а чуть вкось, куда-то пониже затылка своей дамы. Впоследствии мы еще неоднократно увидим это малоприманчивое местечко на шейке м-с Шамуэй — на экране, каждый раз все с большим увеличением.

Внезапно ощутив его взгляд или просто устыдясь своей непосредственности, она обращивается к своему спутнику.

М-с Шамуэй. Я не шокирую вас, мистер Мак-Кинли? С детства обожаю все эти схватки, драки, поединки, дешевую уличную кровь, будь то солдаты, пьяные, мальчишки, петухи! Я ужасно азартный человек — в отца. Подумайте, старик полсостояния проиграл на пари, а был почти самый богатый в штате. Нас всех, в нашем роду, как-то пленительно бодрит игра, обманы, смертельные опасности, горные кручи... Вам не утомительно со мною, дорогой?

Мак-Кинли. Зато я полная противоположность вам. Я согреваю свое сердце в вашем присутствии. Вы как раз тот милый спутник, который нужен таким, как я... Хотите мороженое, оранжад?

М-с Шамуэй. Нет... Рядом с вами, Мак-Кинли, я ощущаю всегда странный, даже пьянящий прилив молодости... и словно в чудесном сне: кто-то ловит меня, караулит за углом, а я бегу, ускользаю... становлюсь такая гибкая, быстрая, как в юности! *(С загадочным блеском в глазах.)* Отчего все это?

Мак-Кинли *(влюбленно).* Это означает лишь, что сама судьба велит нам до смерти быть вместе!

М-с Шамуэй *(кокетливо прищурясь).* ...до вашей или моей? Ладно, оставим наши грустные мысли и давайте веселиться. Улыбнитесь же мне, мистер Мак-Кинли.

Мистер Мак-Кинли пробует сделать это как-то наискось, одними губами. Миссис Шамуэй признательно и наугад тискает его руку, затем снова обращается к рингу, где как раз господин в маске без заметного успеха пытается еще одним способом лишиться жизни своего партнера.

М-с Шамуэй *(вдохновенно).* А ну, грязный негодяй, пусти еще соку из этой падали!

Показ одной примерной сцены — как м-р Мак-Кинли, готовясь к очередному свиданию с избранницей, одевается, репетирует перед зеркалом приемы своих несколько отускневших мужских чар, производит классически-пантомимные жесты: отвращения, преклонения, восторга, огорчения и, конечно, обожания. Потом, в уголке, чтоб не видно было в замочную скважину, неожиданно и безобидно-домашним предметом производит примерный полноценный удар по чему-то воображаемому, после чего отходит, озираясь.

Вправив цветок в петлицу, м-р Мак-Кинли украдкой от жильцов и то чинно, то опрометью спускается по лестнице. Черт возьми, так и есть: вечно торчит на дороге эта худосочная ведьма!

Нижняя жилища, пожилая любезная женщина, исполняющая какую-то должность во дворе, сочувственно здоровается с проходящим мимо принаряженным соседом.

— У вас кто-нибудь умер, мистер Мак-Кинли?

Очередная встреча на улице.

Мак-Кинли. Так куда же мы отправимся сегодня?

М-с Шамуэй. Мне все равно, но... я почему-то ужасно голодна, дорогой! Весь день ушел на беганье по лавкам. Женщины так несчастны, когда у них много лишних денег!

Мак-Кинли. Я тоже толком не позавтракал с утра.

М-с Шамуэй. О, берегитесь, сегодня я разорю вас!

Мак-Кинли. Хотел бы вечно служить вам.

М-с Шамуэй. Вы профессиональный обольститель, мистер Мак-Кинли. Не бойтесь, я люблю слушать про это! Признавайтесь, сколько женских жизней у вас на совести?

Они направляются к такси мимо газетного продавца. Кричащие заголовки на свисающих листах:

«РЕКОРДНОЕ ОГРАБЛЕНИЕ БАНКА. Банкноты в луже крови. Исчезнувший полисмен!..»

М-с Шамуэй. Ни за что не согласилась бы хранить свои деньги в банке. Я считала: это восемнадцатый налет за неполный месяц, а еще неделя впереди.

Мак-Кинли. Деньги и драгоценности лучше всего держать почти на виду... в склянке для крупы на кухне. Естественность — лучшая маска для обмана. Сам я держу их просто под подушкой... а вы?

М-с Шамуэй (*уклончиво*). Ну, я предпочитаю в разных местах!

Время от времени ею овладевают подозрения; тогда нос у нее становится острее и хищнее взгляд — при вытянутой, удлиняющейся шее. Сидя в ресторане, например, она, по внезапному вдохновению и очаровательно улыбаясь, меняет бокалы. Какое железное терпение приходится с ней иметь, хотя бы и во имя великой цели.

Мак-Кинли. Неужели и в самом деле вы еще не любили ни разу, миссис Шамуэй?

М-с Шамуэй. О, никогда!

Мак-Кинли. Тогда что же связывало вас с мужем?

М-с Шамуэй. Я даже не помню, как случилась наша свадьба: кто-то посоветовал это нам в шутку, и потом вдруг стало поздно. Мы вообще редко виделись с моим супругом, разве только когда соседи собирались играть в покер. Он обожал лошадей и целые дни проводил на конюшне... или уезжал в Европу за своими историческими подковами...

Мак-Кинли. Пardon... за чем, за чем?

М-с Шамуэй. Он собирал всемирную коллекцию подков всех стран, эпох и образцов. Это была его смешная страсть... Даже так и умер с подковой в руке! Ничто не изменилось в моей обстановке, когда я стала вдовой.

Мак-Кинли. Почти невероятно!.. Оставлять дома молодую прелестную жену, чтоб рыскать по свету в поисках старого железа! Бог и должен был наказать его за это. И вам не удавалось задержать его при себе?

М-с Шамуэй. Для чего?

Мак-Кинли (*вкрадчиво и благоговейно*). Дети! Неужели вам не нравится божественный шум, который производят дети?

М-с Шамуэй. Я никогда не задумывалась об этом. Своих у нас не было, а любить чужих... О, мне всегда казалось это даже безнравственным. Покойный муж подозрительно относился ко всем, кто хотя бы разговор заводил на эту тему. Он говорил, что все выдающиеся маньяки и революционеры в своих кровопролитиях всегда ссылаются на бедствия детей... причем не своих, заметьте, а именно чужих, чужих!

Мак-Кинли. Мне тоже приходилось слышать про существование такой теории: что все простительно во имя детей... даже преступление.

После этого разговора м-р Мак-Кинли почувствовал, что сковывавшие его дотоле цепи религиозных, моральных и иных ограничений стали значительно легче. Несомненно, небесное правосудие уступит ему эту старушку по сходной цене!

Как привередливо, с видом балованного знатока он выбирает сегодня меню и вино!

Мак-Кинли. Простите, у меня так мало времени было изучить ваши причуды, миссис Шамуэй!

На сравнительно близкой эстраде появляется привлекательная, в сверкающей наготе, с довольно двусмысленными жестами танцующая мулатка. Подрагивающая музыка опять смешивается с магической мелодией мечты. Галерея напряженных, совершенно неприличных мужских лиц: «Как бы чего не пропустить!» Один Мак-Кинли смотрит не на девицу, а прежним, бархатным, без всякого выражения, созерцающим взором все в ту же точку на желтой, дряблой шее своей старухи. Медленно наползающий объектив раздвигает на весь экран этот ненавистный квадрат старой кожи — с порами, складками, завитком седых волос. Губы у м-ра Мак-Кинли почти пропадают в волевом нажиме, что позволяет судить, насколько созрело, оформилось одно сокровеннейшее решение у этого мечтателя. Да, он совершит свой роковой шаг, не дрогнув, разве только с содроганием отвращения! Видимо, при таких мыслях человеческий взгляд приобретает почти вещественную тяжесть, — точно прочтя их у своего спутника, миссис Шамуэй с каким-то напряженным лукавством оборачивается к нему.

М-с Шамуэй (после долгого пристального взгляда). Скажите мне, мистер Мак-Кинли... но сперва дайте слово сказать только правду и не отводя глаз!..

Мак-Кинли. О, я готов.

М-с Шамуэй. Признайтесь, о чем таком нестерпимо ужасном вы подумали сейчас?

Ни единая черточка не дрогнула в лице м-ра Мак-Кинли.

Мак-Кинли. Я подумал, что почти всегда мы трагически упускаем подходящий момент уйти из жизни.

Ее глаза щурятся в поиске правильной разгадки.

М-с Шамуэй. Ваше сожаление, Мак-Кинли, распространяется и на меня?.. Мне даже почудилось, что вы хотите немножко помочь мне в этом.

Мак-Кинли (бесстрастно). Оно распространяется на всех. Для себя я уже решил. На днях я навсегда прощусь с вами. (В ответ на ее недоверчивый испуг.) О нет, пока еще не то!.. Я просто решил уйти в сальваторий.

М-с Шамуэй. Что же, это так модно сейчас... как в прошлом веке уходили в монастырь! У меня две ближайшие подруги уже с месяц там. (В раздумье.) Вообще вам нельзя отказать в благоразумии, мистер Мак-Кинли. Конечно, если застигнет большая война, это новые налоги, сборы на калек, даже, говорят, очереди за маслом, как в Европе! (Странная идея загорается у нее в глазах.) А может быть, нам сделать это не откладывая и вдвоем?.. И мы с вами пролежали бы ближайšie триста лет вместе, где-нибудь на дне океана, как влюбленные голубки! Если бы вы согласились, мы могли бы завтра же и записаться...

Ее собеседник печально качает головой.

Мак-Кинли. Это исключено, дорогая миссис Шамуэй. На двоих и чтобы не валяться где-нибудь без присмотра, в дрянной, наспех высверленной норе, — на это нужна сравнительно значительная сумма, а я не смогу реализовать свои ценности в столь короткий срок. Разумеется, если бы вы захотели доверить мне необходимую сумму, я бы мог все оформить завтра же... даже пока вы спите.

М-с Шамуэй. Ну, в таком случае разумнее было бы сходить туда вдвоем!

Мак-Кинли (*холодно*). Простите... Что вы имели в виду, миссис Шамуэй?

Миссис Шамуэй медлит, двусмысленная саркастическая усмешка змеится по ее губам. Ее, видимо, ужасно возбуждает начавшаяся острая игра. У нее сейчас торжествующие, точечные, ненавистью сверлящие зрачки. Наверно, призраки невинных жертв вот с таким же выражением впоследствии навещают по ночам своих палачей. М-р Мак-Кинли надеется, впрочем, что за двести пятьдесят лет пребывания в целебном кокильоне подобная гадость как-нибудь выветрится из памяти!

М-с Шамуэй. Я думаю, затем хотя бы, что ведь потребуется личное присутствие при заключении контракта... (*Пауза.*) Между прочим, знаете, какой смешной случай мне рассказала на днях моя компаньонка, мисс Брэйк? Один аферист купил на женины деньги два места в самом роскошном сальватории и, представьте, замуровался там со своей любовницей. Правда, жена кинулась было за ним вдогонку, но где их там найдешь, в этих так называемых безднах непроглядного времени!

Следует поединок взглядов. Едва приметная скорбь разочарования читается в бесстрастном лице м-ра Мак-Кинли.

Диктор. Вот видите, мистер Мак-Кинли, а вы еще колебались, жалели старую чертовку, надеялись обойтись без этого. Среднему человеку трудно добиться удачи в условиях современной цивилизации! Теперь остается только запастись инструментом и засучивать рукава...

Мистер Мак-Кинли торжественно поднимается, складывает на столе салфетку, молча сует под нее очень крупный банкнот и, поклонившись своей даме, печально движется к выходу. Лакей провожает его в благоговейном полупоклоне. М-с Шамуэй кусает губы, она почти несчастна: ей страшно утратить, может быть, единственный в ее бездарном существовании шанс на счастье, которого в конечном счете она так и не узнала никогда. Не столько раскаяние, как боязнь прогадать толкает ее вослед ушедшему м-ру Мак-Кинли.

Ей удастся догнать своего нового друга лишь на улице. Ночной мокрый город, и никого вокруг. Льет полноценный дождь: уж осень. Мак-Кинли уходит пешком, полный оскорбленного достоинства: это самая крупная и острая ставка в его жизни. Некоторое время м-с Шамуэй, такая же промокшая, почти умоляющая, молча, как девчонка, бежит сбоку.

М-с Шамуэй. Простите меня, мистер Мак-Кинли, если я заподозрила... лучшие из ваших побуждений. Столько дурных людей кругом, а я так суеверна, так перепугалась в тот раз, когда вы спросили меня о моем здоровье, только виду не подала! Ну, простите, пощадите же меня, если хоть немножко успели меня полюбить...

Без единого слова м-р Мак-Кинли переходит наискосок пустынную в этот час ночи огромную площадь. Если взглянуть сверху, то комично и даже трогательно видеть эту пару, шагающую прямо по лужам, под проливным дождем, которого оба они до самого конца не замечают. Значительно выше своего спутника, м-с Шамуэй всеми средствами пытается пробиться в его трагическое безмолвие — задержать за рукав, заглянуть в глаза, встать ему на дороге.

М-с Шамуэй. К тому же я еще не заплатила вам того своего двойного проигрыша на скачках. И вот так всю жизнь, представьте: в нужную минуту у меня не оказывается с собой мелких денег... Ну, хоть взгляните на меня, дорогой друг!

Но м-р Мак-Кинли неумолим, хотя возможно, что, промочив ноги, чего терпеть не может, он и в самом деле не слышит сейчас чертовой старухи.

Диктор. Нет-нет, прищепи ведьме хвост, помучь, не сдавайся! Впрочем, поторопись: тебе еще надо заранее обзавестись ключом от ее квартиры, изучить расположение комнат, иначе ты просто не сможешь ни проникнуть к ней, ни разыскать потом что-нибудь в потемках!

М-с Шамуэй. Мне, право же, и самой так досадно за свою ошибку. Но поймите, я так одинока... Кроме приятелей покойного мужа, вдового кузена да вот еще компаньонки мисс Брэйк, у меня буквально никого на свете. Я одинока, трусиха, всего боюсь! Мои опасения тем более понятны в наш век, когда все кругом рвут свое счастье зубами прямо из рук судьбы...

Мак-Кинли (глядя прямо перед собой). У вас болезненная фантазия, миссис Шамуэй. Вам надо найти более выносливого друга. У меня нет других женщин на примете... и, к сожалению, я не слишком пригоден для таких диких сцен ревности.

М-с Шамуэй. О бессердечный человек, вы и теперь еще можете вскружить голову любой женщине... Хотя, правду сказать, именно это качество с самого начала сделало вас для меня человеком-загадкой! Ну, проводите же свою Энн, мистер Мак-Кинли, в знак того, что вы перестали сердиться. Я живу совсем недалеко...

Мак-Кинли. Нет, только не сегодня, Энн. Не просите.

Промокшие и молчаливые, они еще одну улицу бредут рука об руку, давая время зарубцеваться душевному шраму, нанесенному этой размолвкой.

Все уладилось; и вот, как прежде, наши герои проходят мимо объектива в парке, по набережной на закате, — держась за руки, как робкие любовники. Их диалог похож на воркование еще неплохо сохранившихся голубков.

Диктор. И многие, глядя на сентиментальную пару, вздыхали при мысли, сколько им пришлось преодолеть препятствий, прежде чем отыскали друг друга в суете жизни.

При сменяющихся, как указано, пейзажах происходит один и тот же сквозной разговор.

М-с Шамуэй. Так почему же все-таки вы не женились раньше, милый Мак-Кинли?

Мак-Кинли (со вздохом). Иногда друга приходится искать всю жизнь, прежде чем найдешь.

М-с Шамуэй. Как жаль, что мы не встретились с вами раньше, тогда! Я была моложе и, по общим отзывам, гораздо лучше. Говорят даже, у меня была красивая спина. Некоторые намекали даже, будто со спины я напоминаю...

Долгое, соединяющее их молчание.

Мак-Кинли (*тихо и кротко*). Так кого же вы напоминали со спины?

М-с Шамуэй. Не настаивайте, это лишнее.

Мак-Кинли. Я умоляю вас!

М-с Шамуэй. Но, боже, зачем, зачем вам это?

Мак-Кинли. Ну, просто так... чтоб знать.

М-с Шамуэй. Мне стыдно, пожалейте меня, Мак-Кинли!

Мак-Кинли. Я хочу.

М-с Шамуэй. Мне так трудно выговорить то слово! Боже, помоги мне! (*Умирающим голосом.*) Ну, на Джоконду...

Благоговейная пауза.

Мак-Кинли. Так вот, запомните, Анна: вы для меня и сейчас такая же, какую были тогда!

М-с Шамуэй (*трепетно*). О, имейте в виду, несчастный Мак-Кинли, я жадная! Вам придется доказывать это всю жизнь!

За время этого диалога, где слова перемежаются вздохами или пожатием рук, день постепенно сменяется вечером, и вот уже совсем к ночи м-р Мак-Кинли со своею дамой добираются до старого добротного здания, видимо, с дорогими квартирами и в фешенебельном квартале. Пользуясь пустынностью улицы, поздним часом и отсутствием уличных свидетелей, можно и задержаться чуть дольше положенного у подъезда.

М-с Шамуэй. Ну, вот я здесь и живу... довольно уединенная улица, правда? Покойный муж не терпел уличного шума... людского в особенности. (*Продолжая ранее начатый разговор.*) Но успокойте же меня! Значит, вы полагаете, что, пока мы с вами будем дремать у себя в сальватории, за двести пятьдесят лет эти ужасные вояки утихомятятся наконец на земле?

Мак-Кинли. Безусловно. При нынешних темпах военного прогресса к тому времени на земном шаре уж ровно ничего не останется. Нечего станет разрушать, некого покорять, нечему завидовать.

М-с Шамуэй. Где же мы станем жить тогда? Бегать наподобие бездомных кошек посреди гадких руин?

Мак-Кинли. Ну, к тому времени успеет заново отстроиться очередная за нами цивилизация.

М-с Шамуэй. Мне нравится ваш оптимизм, м-р Мак-Кинли. (*Мечтательно.*) И все же больше всего, больше, чем войны, я боюсь, пожалуй, старости, которая однажды тихо постучится в дверь!..

Мак-Кинли. Мы встретим ее у камина вдвоем!

М-с Шамуэй. Благодарю, милый друг! (*Со вздохом.*) Ну как жаль, что мне пора, а то мисс Брэйк увидит нас из окна.

Мак-Кинли. Который у вас этаж?

М-с Шамуэй. Четвертый... (*В ответ на попытку своего кавалера взять за руку, войти в подъезд вслед за нею.*) О, ради бога, не надо, только не сейчас! Вот в середине будущей недели мисс Брэйк уедет на месяц к родным на Запад. И я останусь одна, совсем одна... и в вашей

власти... *(Шепотом.)* Тогда!

Мак-Кинли *(страстно)*. Но почему вы огорчаете меня, почему нельзя сейчас... почему?

М-с Шамуэй. Ну как вам сказать, дорогой... Мне просто хочется спасти вашу душу!

Вследствие краткой и безмолвной борьбы за обладание дверной ручкой миссис Шамуэй неосторожно выпускает из руки свою сумку, часть содержимого разлетается вокруг — бумажки и туалетные вещицы.

М-с Шамуэй. Вот и доигрались...

Мистер Мак-Кинли на коленях у ее ног: собирает рассыпавшиеся по тротуару мелочи своей дамы.

Диктор. Не зевай, Мак-Кинли, ключ от двери лежит прямо под тобой... нет, ступенькой ниже. Временно наступи на него ногой, пригодится. Так... ура, сдвинулись наконец! Шепни ей понежнее «спокойной ночи», обожги ее жарким взглядом на прощание!

Следует корректный мужской поклон в ответ на воздушный, несколько затянутый жеманный поцелуй Шамуэй. Она уходит, печально оглядываясь.

Оставшись в одиночестве, м-р Мак-Кинли роняет перчатку, чтобы иметь предлог, не вызывая подозрений со стороны возможного наблюдателя, нагнуться за роковым ключом. Некоторое время затем он стоит с почтительно поднятой головой и без шляпы, устремив взгляд на этаж своей дамы.

Диктор. Ладно, сматывайся к черту, артист... Чего доброго, ее компаньонка заметит твое лицо. Теперь пора подумать и о топоре!

Надпись: **В ту же ночь...**

По дороге домой он мимоходом, как бы по рассеянности, остановился у знакомой витрины с разложенными там топорами, тесаками, косарями и другими надежными инструментами для убоя и разделки туш.

Надпись: **В ту же ночь...**

Перед тем как лечь в кровать, уже раздетый, м-р Мак-Кинли тщательно пересчитывает оставшуюся в карманах наличность. Раздумчиво поглядывая на мигающую в окне рекламную иллюминацию салваториев, он припоминает дневные расходы, потом переправляет записанную на дверном косяке оставшуюся сумму сбережений — 930 на 792.

Надпись: **В ту же ночь...**

Он спит, и ему опять снятся охваченные пламенем деревья, бегущие солдаты, вокзалы в пору эвакуации, убитые с затоптанными лицами, и еще дети, дети... заплаканные малютки везде. Проснувшись, он сидит впотьмах, вслушиваясь в жалкий и тянущий за душу неизвестного происхождения детский плач.

Диктор. В общем, выпала хлопотливая неделя: до заключительной развязки времени оставалось в обрез — подкопить мужества и обзавестись кое-каким необходимым для задуманного предприятия инвентарем...

Тот же облюбованный железо-скобяной магазин, и в нем стенд со всевозможными мясницкими приборами. М-р Мак-Кинли пропускает все это через свои руки, выбирая топор поухватистой, даже, пользуясь отсутствием свидетелей, прикинул один под мышку. Нерешительность: может быть, взять вон тот, удобный, исторически испытанный стилет из арсенала староанглийских подкальвателей? Нет, топор верней! Когда поднял глаза, на него поглядывает сбоку чрезвычайно пронизательный приказчик.

Продавец. Бойтесь, что несколько тяжеловат? А попробуйте еще вот этот, вскиньте на руку!

Мак-Кинли. Мне хотелось бы что-нибудь полегче, но вместе с тем...

Продавец. Зато наша сталь высшей марки, без износу: никакая кость не устоит. *(Иронически.)* Если угодно, в подвале у нас найдется пробный чурбак для подобных вам скептических покупателей...

Диктор. В непогожие вечера наш герой занимался холостяцким шитьем на досуге, приспособляя сезонную одежду к потребностям текущего дня.

Вечер и дождик в окне. Сидя на кровати по-портняжьи, с поджатой ногой, машинально посасывая то и дело прокалываемый палец, м-р Мак-Кинли производит какую-то перешивку в своем пальто. Для надежности в ход пущена особо толстая нитка, почти дратва. Нет, портной из вас, м-р Мак-Кинли, никогда не получится! С непривычки грубая, почти кулевая игла трудно входит в толстый драп, приходится протаскивать ее плоскогубцами. Крупным планом видно все рабочее поле: м-р Мак-Кинли прикрепляет к подкладке у плечевого шва широкую тряпичную петлю. Затем, с помощью надетой на лампу картонной коробки убавив свет, предусмотрительно став спиной к объективу, м-р Мак-Кинли примеряет что-то в углу, затем снова терпеливо шьет, машинально высвистывая мелодию мечты.

Девчоночий голосок окликает его из-за двери.

Девочка. Мама спрашивает у вас, мистер Мак-Кинли, не надо ли помочь вам? У нее нашлась игла потоньше.

Мак-Кинли. Спасибо, маленькая, я уже пришил свою пуговицу!

Девочка. У вас такая толстая пуговица?

Мак-Кинли. Нет, но очень ценная, и я боюсь ее потерять!

Наконец непривычное дельце совсем улажено. М-р Мак-Кинли примеряет пальто и все так же, украдкой от объектива и замочной скважины, вправляет в петлю под мышкой какой-то неудобный продолговатый предмет. Затем — пример странностей человеческого поведения наедине с собой: м-р Мак-Кинли застегивается, извлекает за чем-то из короба в углу, верно, от отца сохранившийся черный котелок и в этой необъяснимой маскировке не подходит, а скорее как-то сбоку вдвигается в доступное нам поле большого поясного зеркала. При этом задев ногой за шнур лампа со стеклянным дребезгом, десятикратно усиленным в воображении, разбивается о пол. О, теперь уж не до нее! Освещенный подрагивающим рекламным светом из окна: мрак — свет — мрак, м-р Мак-Кинли с головою на бочок глядит на нас из черноты зеркальной рамы, и, возможно, это наиболее страшный момент в предполагаемом фильме.

По припухлому бугорку возле подмышки слева угадывается обушок спрятанного орудия, которым в конце недели будет распахнута наконец желанная дверь в будущее.

Когда, вот также под вечерок однажды, м-р Мак-Кинли двинулся наконец привести в исполнение свой план, все это, столь чудовищное вначале, имело теперь вполне обжитой вид, даже вызывало несколько легкомысленный отклик у подсматривавших за ним соседей.

Чувствуя на себе чужие глаза, м-р Мак-Кинли, как всегда, несколько торопится, спускаясь по лестнице.

Диктор. Теперь уж не спешите, мистер Мак-Кинли, не навлекайте на себя лишних подозрений. Шагайте спокойно и торжественно... ну как если бы на банкет к шефу по случаю юбилея или... мало ли там куда ходят солидные мужчины ваших лет!

И вот м-р Мак-Кинли приметно замедляет походку.

— И не старайтесь прятать этот предательский выступ у подмышки. В вашем возрасте самая статная мужская фигура имеет свойство несколько портиться — в уплату за уважение, достаток и покой!

Двери в этажах приоткрываются тотчас по проходе злосчастного холостяка, и вот уже между этажами в пролете лестницы происходит оживленное, громким шепотом обсуждение невероятного происшествия.

Переключка жильцов:

— Видали, как вырядился? Чистый индюк! Свататься пошел.

— Пришла очередь и за нашим праведником!

— Да, бедняжка, не иначе как напрямик направился в свой капканчик.

— Вот бы на приманку-то посмотреть... Святые обожают худеньких: худенькие — не так грешно!

— А пойдем полюбуемся, если время есть...

Мак-Кинли отправляется по теперь уже ему и нам известному адресу, но сперва, кажется, он нарочно кружит, делает петли по всем правилам конспирации, пока на глухой, безлюдной улице не удостоверится наконец, что он предоставлен самому себе.

Тем временем наступил вечер, а в пустынном районе у м-с Шамуэй гораздо ранее, чем в других местах, наступает затишье. Пора было бы, пожалуй, и к делу приступать, но м-р Мак-Кинли медлит, потому что идет туда странным кружным путем сомнений и колебаний не приспособленного к такому акту человека.

Отрывочные, противоречивые и вперебой мелодии сопровождают его скитания, как и мысли. Боже, какой это громадный город, если брести наугад! В самом деле, судя по медлительным стрелкам всех встречных циферблатов — церковной колокольни, вокзала и вот здесь, прямо под рукавом, — время в нем практически до безумия бесконечно, если не тратить его особо крупными купюрами.

Иногда Мак-Кинли останавливается в самых неожиданных местах, даже среди шумного движения улицы, и тогда происходит беглый диалог с совестью, со здравым смыслом или с кем-то повыше, пока прикосновение полицейского либо осатанелый автомобильный гудок не возвратят его к действительности.

Диктор. А может быть, и впрямь не стоит, Мак-Кинли?.. Не поискать ли более подходящее взамен?

Мак-Кинли. А что... боишься — бог? Я и сам все время думаю о том же... Надо полагать, он

разберется в моих обстоятельствах!

Диктор. Не в этом дело: на худой конец отвернется, будто не заметил, как он обычно поступает при всех очевидных непорядках на земле. Тут другое.

Мак-Кинли. Значит, тебе жаль старуху... или что?

Диктор. Да нет, как раз и старуха для твоей цели первый сорт, но... пока строговато на этот счет, а, как правило, такие грешки непременно раскрываются в конце концов, и можно вместо сальватория, черт его побери, попасть в тюремный крематорий.

Мак-Кинли. Ты, кажется, намекаешь, что следует отложить?.. Надолго?

Диктор. О, навсегда, дорогой Мак-Кинли! Лучше выпей себе большую рюмочку на сон грядущий, и пусть над тобою исполнится судьба большинства. Да и на кой черт они тебе в конце концов — вольному гражданину свободной страны малютки, хлопоты, тревоги... *(совсем вкрадчиво)* да и самая эта хлопотливая жизнь зачем?

Надоумясь, м-р Мак-Кинли заходит в шумный бар и, сквозь толпу протолкавшись к стойке, продолжая ту же мысленную беседу, жестом заказывает себе нечто среднего размера в подкрепление духа.

Диктор. И вообще насчет крови... Ее и с рук-то до конца не смоешь, а уж если счастье ею пропитается...

Мак-Кинли *(вслух)*. Я и сам про нее все думаю... кровь. Но покажи мне туда другую дверь!.. И почему медленно можно, а сразу — нет?

Он бросает бармену монету и уходит, забывая про оплаченное питье. Двое рабочего вида, соседи по стойке, молча переглядываются после последней реплики незнакомца.

— Слыхал?.. Видно, не в себе. Чего-нибудь натворит в эту ночь.

— Придется приглядеть за ним. Как у тебя со временем?

— Пошли...

Двое отправляются по пустой улице за Мак-Кинли, каждое, чем-то алогичное движение которого подтверждает их подозрения. Слежка проходит удачно, пока внезапно, из-за угла, не появляется до ослепительности красивая, необычная в каждой подробности своей ночная девица. Она проходит мимо почти впритирку, опалая взором, такая искусительная, что добровольные сыщики околдованно провожают ее глазами до ближайшего перекрестка, — когда же вспомнили про Мак-Кинли, того и след простыл.

Снова один в поисках решимости м-р Мак-Кинли бредет по городу — поразительные картинки ночи попадают ему по дороге. Вот насквозь промокшая в непогоде, оплывшая от дряхлости старуха газетчица неопратно, руками и с расстеленной на коленях бумажки ужинает на своей скамеечке, под сенью кричащих, с голыми девками, журнальных обложек. Вот проехала тюремная автокабета с качающейся головой узника или жандарма в решетчатом окне. Вот у витринки ночного варьете подросток с руками по локоть в карманах разглядывает выставку образцово совратительных красоток. И снова мимо Мак-Кинли дважды и, как ни странно, в одну и ту же сторону, проходит давешняя, зловеще развеселая, в фантастическом наряде, ночная девица.

А то еще м-р Мак-Кинли, опершись о перила набережной, наблюдает цветные огни плывущей по реке самоходной баржи. Вот, свесясь за ограду виадука, он бессознательно считает цистерны проходящего под ним длинного товарного состава.

— Каждый имеет право на счастье в своей неповторимой жизни... — куда-то в последний клуб пара роняет Мак-Кинли.

Диктор. Но ты собираешься добывать его самовольно... в свободном обществе, где и без того все направлено к этой цели... правда, с соблюдением разумной очередности. Не бойся, твое страдание не пропадает: не оплаченное на этом свете заносится на наш текущий счет там.

Мак-Кинли. Значит, добро состоит в примирении со злодейством?

Диктор. Ну, знаешь, поищи себе собеседника посильней. В этой вечной путанице сам черт ногу сломит... Да не он ли и подсунул нам с тобой эту вредную старуху? Помяни мое слово, она еще непременно выкинет какую-нибудь подлую штуку. Черт любит потешаться над бедными.

Мистер Мак-Кинли бредет, не подымая головы, пока глаза не натываются на тяжкие, гранитные, во всю ширину взгляда, ступени. Он поднимает голову перед ним храм, ни души вокруг. Неожиданно м-р Мак-Кинли поднимается в этот торжественный и гулкий полумрак; скамьи, алтарь, немногочисленные свечи перед статуей Марии. Он заходит в тень от колонны и понуро опускается на край скамьи.

Мистер Мак-Кинли горбится, отчего виднее становится выпирающий близ лопатки, слева, обушок топора. Так вот куда привели его разногласия с самим собою!

Некоторое время спустя появляется священник. Кто подал ему сигнал о ночном госте? Неслышно и как бы колеблясь, он зигзагами приближается к сидящему Мак-Кинли. Благообразная внешность и ясный взор придают его молодому лицу и фигуре осанку старшинства.

Священник. Я давно слежу за вами. Если вы пришли молиться...

Мак-Кинли (*вздрагнув*). Я пришел думать.

Священник. Думать в храме — значит просить совет у неба, а вы смотрите вниз, во тьму. Могу ли я помочь вам?

Мак-Кинли (*заносчиво*). Э, знаете что... вам лучше не ходить со мною в ночной лес, отец!

Священник (*с улыбкой*). Для тьмы у нас имеется испытанный светильник. Так о чем же ваши недоумения?

Судя по всему, м-р Мак-Кинли непривычно вести такие разговоры.

Мак-Кинли. Я искал: должно ли зло непременно предшествовать злу или...

Мучительная для м-ра Мак-Кинли пауза.

Священник. Что или? Уточните свои обстоятельства, сын мой, чтобы мне скорее найти вас в ваших потемках.

Диктор. Он стесняется, ваша милость... брякнуть боится что-нибудь неподходящее в таком строгом месте.

Священник. Ничего, откройтесь... Дайте свету войти в вашу душу!

Мак-Кинли (*впервые так волнуясь на протяжении фильма*). Ладно, вот... Я солдат, прошел сквозь огонь, кровь, любое дерьмо. И я, заметьте, смирный солдат, за мной не числится особых подвигов, но у меня главная медаль... я бы сказал, за краткое поведение. Я всегда считал, так

меня учили: значит, богу нравится, чтобы каждый из-за дерева подстерегал ближнего с дубиной... Но я полагал, что в грозную, последнюю минуту он пощадит детей. Нехорошо, святой отец, что малышам так часто приходится оплачивать зверство старших. И хотя уж давно стало очевидно, куда покатился мир, но я все твердил себе: «Рано, рано, погоди...» Все путался: становится душа злою лишь по совершении зла или от одной мысли о злодействе? И вот я пришел спросить: надо ли непременно ждать и позволить злу убить законное число детей, чтобы затем получить право обезвредить его?

Бесстрастное дотоле лицо священника оживает, зрачки его чернеют, властнее становятся руки, привычные к наслаждению — умирять разбушевавшиеся стихии...

Священник. Вы имеете в виду зло, происходящее от частных лиц, финансовых корпораций или всей нашей... нередко порицаемой социальной системы в целом, сын мой? О каких именно правах думаете вы?.. и о каких способах предварительного пресечения подразумеваемого зла? (*Указав взглядом на Мадонну.*) Не будем омрачать святую тишину и пречистый лик произнесением слова, обозначающего кровавое и неправомерное насилие меньшинства. И возьмете ли вы на себя ответственность, даже в ваших нынешних сумерках, безошибочно отличить ложь от истины? И не легче ли для вас доверить суд и возмездие в этом вопросе богу своему и государству?.. Почему вы замолкли?

Диктор (*несколько солдатским тоном виноватого смущения*). Он думает сейчас, ваше преосвященство, что нынешнее государство соблюдает не мораль, а лишь бухгалтерский расчет да полицейский порядок...

Мак-Кинли (*неожиданно страстно*). И вообще оно вмешивается лишь по совершении зла. Значит, добро должно слышать детский крик, призыв на помощь — и ждать, терпеливо ждать за дверью, пока не созреет зло?

Священник. Да... иначе ваше добро становится злодеянием! Во всяком случае, кто смеет различать их назначение и присвоить себе высшее знание, которое в полном объеме принадлежит лишь единому существу во вселенной?

Мак-Кинли (*раздумчиво подняв на него глаза*). Вы полагаете, по крайней мере, он получает наши земные газеты?.. Вот бы узнать, что он думает, к примеру, о водородной бомбе!..

Долгая пауза. Священник стоит с закрытыми глазами.

Священник (*холодно и строго*). Это вечный наш искуситель мучает вас на сон грядущий. Придите со своим бременем завтра, при солнце: уж ночь...

Мак-Кинли. Э, дорогой отец, завтра у меня хлопотливый день, будет некогда и, может быть, уже бесполезно. (*Поднимаясь.*) Но, впрочем, мне пора, и вы достаточно убедили меня, святой отец.

Лишь по его уходе священник бросается вслед.

Священник. Остановитесь там, человек, не бегите!.. В чем, в чем я убедил вас?

Священник выбегает на паперть. Мокрый после недавнего дождя, теперь совсем уже осенний ветер тотчас обминает рясу на его длинном сухощавом теле. Поздно, никого нет... Только сверкающую от дальнего фонаря световую дорожку на сырой брусчатой мостовой пересекает все та же, что трижды попадалась м-ру Мак-Кинли, разряженная, с вихляющими бедрами блудница. Все мокро кругом, все шевелится от пронзительного ветра, кроме нее одной. Что-то бесконечно древнее в финикийском разрезе ее глаз, избытии перстней на пальцах, в громоздкости головного убора. Торжествуя и косясь на священника, прищемив локтем приподнятые, как бы вспенившиеся юбки, она прикрепляет к подвязке высокий, под самое бедро, сквозной чулок.

Священник. Повелеваю тебе, вечный враг, верни мне немедля эту заблудшую душу!

Он, как в заклятии, простирает вперед свою властную руку. Девушка медлит с ответом, усмехаясь в знак очевидного равенства.

Дьявол. О, как ты надоел мне, святой отец! Я же и без того уступил тебе очередь... Так чего ж ты чикаешься с ним целый вечер? — раздраженно произносит он сиплым мужским голосом и исчезает с небольшим, допустимым в двадцатом веке дымком.

Отсюда м-р Мак-Кинли уже без задержек направляется к месту заключительного действия, не размахивая руками на ходу вследствие спрятанного под мышкой постороннего режущего предмета. Он даже слегка наклоняется на виражах, его точно несет туда адская воля. Впрочем, временами наш нерешительный убийца останавливается, чтобы прислушаться к шагам ночного полисмена или перезвону башенных курантов. Должен быть налицо весь положенный для подобных происшествий старинный романтический ритуал.

Добродушный, под хмельком, верзила осведомляется у м-ра Мак-Кинли, какая это улица, и вдруг, наполовину отрезвев, шарахается назад от его блуждающего взора. Мало ли на что наткнешься ночью и спяну в богатом и грешном современном городе!

Наконец-то знакомый дом со старухиным сокровищем. Минуя лифт, м-р Мак-Кинли поднимается на четвертый этаж с паузами не то предосторожности, не то одышки. Прежде чем открыть своим ключом дверь, он, к великой нашей неожиданности, надевает на лицо заправскую маску. В первую очередь надлежит удостовериться в отсутствии компаньонки! Правильно, старуха не глала: мисс Брэйк в отъезде. Несколько дольше дозволенного м-р Мак-Кинли возится в потемках прихожей: видимо, высвобождает топор. Трещит какой-то шов, и слышно тихое, сквозь зубы, чертыханье. В каждом движении м-ра Мак-Кинли сквозит вопиющая неопытность: как-никак он осуществляет подобную операцию впервые!

По потолку, слабо освещенному мерцающим рекламным светом, крадется его кургузая тень, вооруженная топором, который до сих пор целиком так и не был еще показан. Короткое колебание: куда же теперь, направо или налево? М-р Мак-Кинли приоткрывает на пробу одну из дверей. Чутье не обмануло: оконные шторы наглухо закрыты, но спинка старухиной кровати впотьмах отчетливо мерцает позолотой.

Диктор (*шепотом*). Вот именно, в постели: и ей и тебе удобней! Лучше было бы без пальто, легче работать, но... все равно. Теперь смело вперед, дорогой Мак-Кинли, и, пожалуйста, не промахнись, а то крику с бабой не оберешься.

Однако еще до взмаха топором, то ли из опасения промазать в потемках, то ли от скверного предчувствия, м-р Мак-Кинли предварительно шарит рукой подушку. Неожиданный поворот: кровать пуста. Кошка спрыгивает прямо под ноги. Мак-Кинли едва успевает отпрянуть назад, и это становится причиной долгого, расслабляющего сердцебиения.

Диктор. Что я тебе говорил?.. Оказывается, она еще не возвращалась, твоя подружка. Вот и гадай, с кем, с кем же она, чертова баба, закатилась на всю ночь. Этак немудрено и рога раньше срока заработать!..

Крайне огорченный случившейся заминкой, м-р Мак-Кинли тем не менее совершает пробную, до возвращения хозяйки, разведку. Ни в туалетных ящиках, ни в странно беспорядочном ворохе бабьих тряпок, сваленных у стены, нигде не видать и следа мало-мальски пристойных ценностей. Верно, где-нибудь в полу, на потолке?.. Жаль, нет пока времени выстукивать стены.

В бывшем, по соседству, кабинете покойного супруга м-с Шамуэй также отсутствуют какие-либо дорогостоящие предметы. Опасно зажигать свет: м-с Шамуэй может заметить с улицы при возвращении. Все же м-р Мак-Кинли примечает внушающий надежду стеной шкаф до потолка. Раздернутые, на роликах дверцы с визгом уходят в положенные им щели. Там во все пространство знаменитая коллекция этих дурацких подков — наиболее редкие в коробках, на вате. Все пронумеровано, снабжено ярлыками с датами, именем владельца, обстоятельствами происхождения. Подвешенные на шнурках издают мелодичный перезвон. Шикая на них, м-р Мак-Кинли потерянно берет одну — «подкову Буцефала, коня Александра Македонского», потом другую...

Надпись на ярлыке. *Левая передняя — с коня, на котором Магомет II по взятии Константинополя въехал в залитый кровью храм Софии. 1453.*

Из богатой рамы в простенке за странным поведением м-ра Мак-Кинли наблюдает упитанный, с абстрактным, как коленка, лицом джентльмен в жокейском кепи с козырьком, — видимо, сам лошатник, малопочтенный м-р Шамуэй.

Диктор. Хорошо еще, что ты не повредил топором подушку... Это сразу насторожило бы твою красавицу. Но теперь она может вернуться каждую минуту. Марш пока в чуланчик, только тише!

Мистер Мак-Кинли возвращается в прихожую и мужественно пристраивается в душном стеном шкафу, на вместительном, в латунных обручах, кофре, с неразлучным теперь инструментом на коленях, под ворохом навешанной одежды. Ба, да он еще и фонариком запасся вдобавок; как добросовестно все предусмотрено у привыкшего к аккуратности клерка, — буквально все, кроме ничтожных мелочей!.. Постепенно теплое пальто и теснота помещения становятся источником изнурительных страданий м-ра Мак-Кинли. Весь в поту, вконец измученный, он выбирается наружу — избавиться от пальто и парой гимнастических приемов поразмяться кстати. Но, боже, как же проголодался он за один этот час ожидания, да и от прогулки по городу, как видно! По счастью, кухня рядом, так что он вполне успеет подкрепиться чем бог пошлет и затем добежать с топором до прихожей, едва слышит звук ключа в замке. И тут вместе с носовым платком — вытереть досадную испарину со лба — на

плиточный пол со звоном вылетает украденный ключ. Снова шикая и держась за словно обезумевшее сердце, м-р Мак-Кинли созерцает лежащую под ногами улику.

Диктор. Перестань!.. Ведь не в канаве же спала твоя старуха всю эту неделю! Значит, на другой же день она просто обзавелась другим ключом! Ничего, подкрепишь пока... Она может вернуться и вдвоем с каким-нибудь верзилой. Впрочем, раньше утра не заявится теперь.

Пользуясь световыми бликами с потолка, м-р Мак-Кинли разогревает себе старый кофе. Повезло: в шкафчике поблизости нашлась черствая булочка, молоко, еще какая-то снесь. Бессонное, бездельное сидение — худшая мука на свете. Хорошо еще, что на полке виднеется крохотный радиоприемник... Как трудно иногда под старость устоять перед даже таким ребячьим соблазном. Что ж, всякий пожилой человек имеет право на какие-то сравнительные удобства! Проголодавшаяся кошка трется о ногу м-ра Мак-Кинли, он наливает ей в блюдечко молока. Так он проводит в темноте бесценное в его возрасте время, с головой на бочок и придерживая наготове свой убойный прибор. Слабая музыка, подобно живительной росе, сочится в его истомленную ожиданием душу. Пожалуй, лучше всего сопроводить его переживания этюдом «Блуждающие огни» Листа. Стрелки кружатся по циферблату... И вот гран-гиньоль превращается в заправскую буффонаду.

Тем временем рассвет уже глядится в окна. Вдруг желанный и пугающий звонок... Бросай, пора на работу, дорогой Мак-Кинли!

Диктор (*шепотом и сбиваясь с дыхания*). Только не спеши, ради бога, дай ей войти в прихожую, а то она у тебя вывалится наружу, а потом хлопочи!.. лучше переждать. И берегись: это злонамеренное существо непременно выкинет очередную гадость в последнюю минуту!

Изготовившийся м-р Мак-Кинли терпеливо, с поднятым топором ждет старуху за портьеркой.

Диктор (*в раздумье*). А впрочем, за каким чертом и, главное, кому же, кому было ей звонить, раз у нее имеется запасной ключ, а мисс Брэйк уехала в отпуск? Ну-ка, высунь нос наружу, кто еще там?..

Через дверную щель м-р Мак-Кинли осторожно выглядывает на лестничную площадку. Там стоят три бутылочки с молоком.

Мистер Мак-Кинли машинально плетется с ними в спальню миссис Шамуэй еще раз удостовериться в чем-то, на всякий случай. В самом деле, обреченная миссис пока не возвращалась. В томлении духа он раздвигает оконную штору: воздуха!.. За окном роскошное пробуждение осеннего неба, города и, в туманном просвете между сорокаэтажными громадами, не очень далекой реки. Хороши работяги-буксиры в утренней дымке! Лишь теперь, изнуренный бессонной ночью и ожиданием, герой замечает на туалетном столе прислоненное к зеркалу письмо со своим именем на конверте: послание от М-с Шамуэй. Он вскрывает его трясущимися руками. Смутным подозрением прищуренные глаза пробегают строку за строкой, и потом память монотонно и голосом самой беглянки повторяет их слово в слово окончательно раздавленному м-ру Мак-Кинли. Некоторые слова звучат неразборчиво, произнесенные бегло и как бы издалека.

Письмо

...но я все объясню вам. Меня искренне привлекли некоторые очаровательные странности в вашем всегда таком загадочном поведении, особенно ваш глубокий, бархатный взор, каким смотрят в могилу какого-нибудь осточертевшего лица. Подобно вам, я увлеклась азартной игрой постоянно находиться в смертельной опасности и благодарна вам за восхитительные минуты высшего ужаса в ту ночь, у подъезда, когда вы так страшно наступили на

подброшенный мною ключ. Я рассчитала, что раньше среды вы не соберетесь убивать меня; и, как ни хотелось мне пережить мгновение заключительного страха, мой ревнивый друг не позволяет мне этого маленького наслаждения... Словом, уже два дня я нахожусь с ним в одном из тихоокеанских сальваториев: говорят, под толщей воды безопасней всего! (*Чтение письма прерывается могучим стоном м-ра Мак-Кинли, который искренне полагает себя ограбленным.*) Сожалею также, дорогой, что не успела уплатить вам свой безумный проигрыш на скачках: мой друг торопит меня, а оставлять деньги в пустой квартире я не имею привычки, чтобы не возвращать прислугу. Но я дала распоряжение адвокату, и вы можете взять себе в возмещение и благодарность оставленную мне мужем единственную в мире коллекцию подков...

Раздирающий мужской вопль душевной скорби и обманутых вождедений оглашает квартиру, после чего м-р Мак-Кинли опускается на кровать и разражается почти детскими слезами о жестоко поломанной игрушке.

Диктор. Какая досада в самом деле!.. И главное, кто же он, твой соперник, кто? Тот проповедник со сладким голосом и вставными зубами?.. смазливый коммивояжер, который однажды подозрительно переглянулся с м-с Шамуэй на церковной паперти?.. нахальный официант с глазами, как вишня в мадере?.. или боксер, на которого она целый вечер поглядывала, как девчонка на лакомство?

Все эти возможные соперники чередой проходят на экране и в памяти м-ра Мак-Кинли. Вслед за тем он вскакивает и с безумной энергией, навзрыд выкрикивая, почему-то по-французски, «канайи», «канайи», что означает в переводе «мошенница», «каналья», начинает образцовый погром в квартире обманщицы. Он проходит вихрем по квартире, опрокидывает зеркало, топчет интимные дамские принадлежности беглянки, каминными щипцами протыкает господина в жокейском кепи, приводит в непоправимый беспорядок коллекцию подков, сокрушает своим топором ценный диван... Потом стоит с опущенными руками, истерзанный и постаревший, в позе крайнего утомления, — ограбленный грабитель.

Весь тот гиблый, черный свой день м-р Мак-Кинли дотемна проводит на улице. Это первый прогул в его жизни... То и дело он оказывается в самых неподходящих местах, откуда его выдворяют не всегда вежливо. Наполовину уже бродяга, он ест пирожок в сквере. Дремлет, прислонясь к мачте с проводами высокого напряжения. А то, подобно пьяному, виснет на перилах набережной, зачарованно смотрит с виадукка на соблазнительный, грохочущий под ним в этот час поезд.

Настроению м-ра Мак-Кинли вполне соответствует и погода: холод, слякоть, дождь. Уж вечер, и м-р Мак-Кинли бредет наугад по парку, сквозь усилившийся к ночи туман. Его никто нигде не ждет, он не нужен никому на свете, так что у него уйма свободного времени. Навстречу ему попадаются лишь такие же отчаявшиеся искатели шальной удачи и, взглядом оценив по достоинству шансы на ничтожный от Мак-Кинли барыш, тают за спиной в плывучей мгле.

Только ветер, неотступный покровитель бродяг, волочит за м-ром Мак-Кинли кучу палой листвы — постель бездомных. Порою листья с дружным шелестом перегоняют его и ждут впереди, чтобы дальше тронуться вместе. Неразличимые в отдельности, они сливаются в сплошное грязное пятно, за исключением лишь одной, белеющей поверх вороха, непонятной пока бумажки. Остается впечатление, что последняя в особенности ластится к м-ру Мак-Кинли, непременно хочет пригреться в тепле его ладони. Вот он дремлет — и она терпеливо ждет возле его ботинка, двинется в путь — она не отстает.

Потом происходит сюжетно обоснованное, потому что с последующей отменой, чудо. М-р Мак-Кинли замечает наконец и поднимает неотвязную: билет государственной лотереи!.. И м-р Мак-Кинли устремляет благодарный взор к непогодному небу. Сверка с помещенной в газете таблицей при рассеянном свете фонаря, хотя заранее ясно, что билет выиграл и сумма выигрыша — в обрез на покупку места в сальватории... И тут все должно обернуться праздничной стороной. Но м-р Мак-Кинли никуда не торопится пока, он все сидит на своей мокрой скамье в безлюдном парке, недоверчиво поглядывая на подsunутую судьбой бумажку.

Диктор. Вот видишь: провидение раскаялось! Все они там страсть любят помучить, прежде чем наградить... если только не собираются испробовать на тебе еще более сумасшедшую затею. Все равно, убегая от несчастий, выпей во второй раз в жизни самую большую рюмку за

предстоящее тебе будущее!

Держа в кармане квитанцию на свое чем-то сомнительное счастье, м-р Мак-Кинли спускается в ярко освещенный бар, вертеп на средний вкус и цену. Он бредет среди полупустых столиков, привлекая всеобщее внимание своим необыкновенным видом: чего стоит одна его бесповоротно испорченная шляпа! Среди полупустых столиков он выбирает себе укромное местечко в углу: здесь стол большой, как двуспальная кровать, есть на чем справить победу. Подошедшему официанту м-р Мак-Кинли без выражения в лице заказывает вино, много вина, поочередно все названия из прейскуранта, повешенного в рамочке на стене. По необъяснимой прихоти новичка в этом деле некоторые он заказывает даже в двойном количестве — самое название ему нравится, форма ли бутылок или цвет жидкостей в них?

По мановению его руки гарсон разливает вино в бокалы — и вот их уже целая шеренга, цветных и полных доверху. Заказав музыку необыкновенно повелительным жестом, м-р Мак-Кинли пьет свое вино покамест только равнодушными, тоскующими глазами. Несмотря на удачу, у него беспокойно на душе.

Постепенно м-р Мак-Кинли становится центром внимания, загадкой данной ночи. Прислуга и оркестр из четырех подозрительных персон услужливо ловят его желания, чтобы с каким-то изуверским восторгом и немедля выполнить их: обычно подобные господа щедро оплачивают свои ночные фантазии. Такие же подпольной внешности молодцы откровенно обсуждают у заднего выхода фарт и достоинства м-ра Мак-Кинли. Уже певица, тянущая в микрофон очередную порцию мунлайта, смотрит на возможную жертву влажным взглядом, полным практических предложений пополам с обещанием самых волшебных причуд... И хотя оркестр играет свое, м-р Мак-Кинли слышит только одну и ту же, бесчисленно повторяемую, отоваренную наконец музыкальную формулу блаженства и бессмертия «BS».

Он сутуло сидит с полузакрытыми глазами, с головой на бочок, почти неживой, словно его вовсе и нет здесь. Тогда с улицы приходит потаскушка. Ее не гонят, она вполне прилична, даже шикарна — издали. Только мокрая немножко: в такую подлую погоду не убережешься — и не слишком молода. Ее независимая прогулка между столиками, как бы в поисках места. У ниши с группой уныло веселящихся молодых людей она задерживается на мгновение.

— Мальчики, вам нравятся блондинки? — осведомляется она, шурясь и лаская их покровительственно-распутным взором.

Молокососы разом замолкают; уж она-то хорошо понимает причину их испуга! Ей самой предпочтительней клиенты постарше, которым хмель несколько позастлал глаза на второстепенные подробности и у которых немощи как бы уравниваются с ее отцветшей прелестью. С трагическим величием она движется дальше, пока не замечает царственно-изобильный стол м-ра Мак-Кинли. Прикидываясь, будто красит губы, она косит глаза, ждет, когда владелец обратит на нее внимание. Это длится долго, она терпит, сердится, нервничает... но вот столь ожидаемый ею взгляд. Нет, он не гонит, а молчанием в таких делах обычно выражается позволение! Женщина шумно присаживается, закуривает с помощью подоспевшего гарсона, презрительно разглядывает ярлыки бутылок, а на самом деле ей профессионально требуется хоть вкратце охватить историю душевной болезни этого подбитого маньяка, характер его несомненной беды, чтобы разведать по-паучьи, где у него тоньше кожа.

С вопросительной для первого знакомства улыбкой женщина тянется к одному из налитых бокалов м-ра Мак-Кинли. Да, он парень покладистый, надо становиться здесь на якорь. Только ее немножко пугает неизлечимая тоска в его глазах.

Женщина. Сколько всего, а не тронута! Почему не пьешь?.. Сердце, жена, придирчивое начальство?

Мистер Мак-Кинли молчит, и та пренебрежительно пожимает плечами: «Хорошо, я справлюсь пока и одна... Дай знак, мигни, когда потребуюсь!»

Судя по произвольным, чуть не каждую минуту содроганиям, эта женщина до костей прозябла на своем углу в гадком и гнилом тумане. Один за другим с волчьей дерзостью она опустошает два бокала из уже налитых, взялась было за третий... Но нет, и с двух успела захмелеть непозволительно быстро для своей профессии.

Женщина. А может, ты собираешься смешивать в себе для опыта все это? Смотри не взорвись! Ты кто, слушай, ты не химик? Я тоже не специалистка, но мне все кажется, что самая-то главная, водородная бомба составляется из людского горя, согласен? Так какое же торжество ты справляешь так буйно?.. Поминки, проигрыш, рождение сына? Ха, от любовника, разумеется!

Диктор. Поговори с ней, Мак-Кинли, скажи ей что-нибудь ободряющее... Она ужасно озябла и трусит, что ты ее прогонишь.

Мак-Кинли *(спокойно)*. Видишь ли, я прощаюсь с этим миром.

Женщина. Собираешься умереть?

Мак-Кинли. Нет, я уезжаю.

Женщина. О... И далеко? *(Пряча под развязной усмешкой страх за допущенную смелость и немножко зависти.)* Верно, секрет... извини. Но когда же?

Мак-Кинли. Завтра.

Женщина. Так скоро?.. А ничего: у нас с тобой пропасть времени, успеем до драки надоесть друг другу! *(Несколько мгновений она смотрит на дымок своей сигаретки, потом с каким-то детским нахальством.)* Не хочешь ли взять и меня с собой... разумеется, если тебе нравятся блондинки, правда, с несколько печальным житейским опытом? Ладно, забирай меня с собою хоть в собаки. Не хочешь? А то, знаешь ли, так осточертело все кругом. И куда-нибудь подальше забирай, где уже нет ничего — ни людей, ни горького тумана этого... ну, и меня тоже в том числе!

Мак-Кинли. Видишь ли, я уеду еще дальше...

Женщина *(догадавшись)*. О!.. Но зачем тебе туда, безумный? Гори здесь...

Диктор *(с ожесточением)*. Ну же, доверься, откройся кому-нибудь хоть раз в жизни, непреклонный человек с фамилией Мак-Кинли!

Мак-Кинли. Видишь ли... Мне непременно надо попасть в будущее.

Женщина. Понятно, в сальваторий. Здесь скоро будет шумно. Ты трус?

Мак-Кинли. Нет, я хочу завести детей.

Женщина *(со смешком на такое чудачество)*. Тогда зачем же... ты можешь заняться этим и здесь. Ты еще ничего. Если тебя побрить, недельки полторы подержать у моря, я уверена, у тебя еще вполне могут получаться дети.

Мак-Кинли. Здесь их убьют. Самой большой бомбой, которую ученые построят завтра. Одною на всех детей мира. Для экономии. А я, знаешь, не выношу глядеть на мертвых детей. Можно умереть от одной совести. Лучше сбежать заблаговременно.

Женщина. Вот я и говорю, что трус, раз бежишь от драки. Значит, шибко испугался!.. Но, знаешь, ты не горюй: подлецы тоже живут. Иные даже поправляются с этого. *(С интересом.)* Ты что же, в самом деле богач?

Мак-Кинли. Почему ты так думаешь?

Женщина. Ну как тебе сказать... Видишь ли, богачи всегда дальновиднее бедных... *(Доверительно и уже заплетающимся языком.)* Но я тебе раскрою твой секрет... Ты, малый, просто никогда никого не любил, если трусишь даже за детей, которых еще нет. Любовь — это знаешь что?.. Это — чтоб как в омут. Впоследствии, конечно, от всякой большой любви непременно изжога: раскаиваемся, проклинаяем, плачем... но, ах, это все потом, потом! А

самое счастье любви начинается с безумия. Если ты согласен немножко поверить шлюхе, то знаешь... я даже держала свою долю вот здесь в этих ладонях... только сволочи так и не дали мне ее отхлебнуть. И он, веришь ли, был до черта красивый мальчик, с ума сойти. Механик по счетным машинкам. И у него была такая красивая синяя жилка вот тут, на плече... Но затем подоспела какая-то очередная война, его взяли, сожгли, продырявили чем-то...

Мак-Кинли (*нащурясь*). Из огнемета продырявили?

Женщина. А-ах, какой ты!.. у тебя везде порядок! Нет, милый, сперва его проткнули штыком, а потом этой длинной рыжей струёй... ну, как из паяльной лампы, я в кино видала.

Пауза.

Мак-Кинли. Слушай, у меня есть к тебе предложение!

Женщина, не отвечая, глядит на свет, у нее блестят глаза, одна блестинка зигзагом скользит по щеке.

Женщина. Что ж, ты прав... уж эти, наши не утихомятятся, пока не дождут мир до конца. Как странно: сами же сперва зажгут, потом убегают... А интересно бы взглянуть, как они там устроятся! Извини, ты этот тоже пить не будешь?.. верно, боишься билет потерять?

Диктор. Ну, Мак-Кинли, чокнись с ней за свое безумное путешествие!

И тот подчиняется совету, потому что лучшее средство от его противоречивых переживаний вряд ли представится ему впереди.

Мак-Кинли (*колеблясь*). Слушай, а почему бы и тебе не отправиться туда?

Женщина (*раздумчиво*). Думаешь, что и там будут в ходу блондинки? Кабы помоложе... видишь ли, милый, с годами я стала как-то меньше зарабатывать: на эту штуку мне может не хватить!..

Мак-Кинли. А если бы я тебе уступил свой билет? Он у меня почти в кармане, куплено отличное местечко в одной хорошей, теплой и толстой горе... Возьмешь?

Женщина (*растерявшись*). Это в обмен на что же?.. Не знаю, как-то щекотно. Может, ты и есть дьявол с мешком, — мне мать рассказывала, — скупаешь падшие души по кабакам? Душа хоть и рвань у меня, но, знаешь... все-таки боязно продешевить. Кроме нее, пожалуй, у меня вот только что на себе...

Мак-Кинли. А если просто так отдам, в подарок?

Женщина. Что же, тогда спасибо... (*Недоверчиво и почти соглашаясь*.) Но послушай, неужели у тебя, кроме меня, никого, никого больше нет в целом свете?

Мак-Кинли. Была одна. Ее увел моряк.

Женщина. Тогда налей мне... э, все равно чего! (*Трудная борьба с собою, в течение которой она сутулится и тускнеет у нас на глазах*.) Нет, иди сам туда, один, в свою адскую дыру... Не хочу, мне туда не надо. Я желаю дотла сгореть здесь. Весь сор жизни должен выгореть здесь. И потом — одна очень несчастная, молчаливая, прекрасная такая женщина... ну, та самая, которая меня, между прочим, и на свет родила, она была... впрочем, теперь все это уж неважно! Она меня всегда учила, девочку, когда выпьет, что настанет однажды страшный светлый суд над злом. Сомневаюсь, правда, что мне хоть малость перепадет от этого небесного переполоха, но, знаешь, мне непременно надо видеть, господин дьявол, как она полыхнет, вся

эта жирная грязь — и мои клиенты, и вот тот усатый в том числе. Я с ним вчера... была. *(Подавшись к м-ру Мак-Кинли через стол.)* У меня, знаешь, даже какая-то странная мечта: вот так, накрепко, прижать его к себе, этот мир, чтобы он впился весь в меня, всеми своими колючками... да и сгореть вместе с ним, в обнимку, с проклятым. Ух, какой он! Хоть и скверный со мною, даже подлый иногда бывал, но, знаешь, какой-то порою трогательно милый... Я когда еще девчонкой была, то до слез его, ужасно как полюбила. *(Навзрыд и сквозь зубы.)* Да дайте же мне, голые вы все дураки, прикурить кто-нибудь!..

Все молча, с негодованием или с издевкой глядят на нее, нарушающую благопристойный порядок бара. Происходит быстрая и решительная перемена: что-то собачье, побитое появляется в облике внезапно протрезвевшей женщины, даже ростом становится меньше. С минуту она сидит, стараясь справиться с собой, привести себя в порядок, потом виновато вылезает из-за стола и, не подымая головы, семенит к выходу.

Женщина *(обернувшись с полдороги, прищуренному бармену за стойкой).* Извините меня. Эд, вы же знаете, у меня не в обычае пить натошак, но, понимаете, этот негодяй мне всю душу растравил. Клянусь, больше никогда это не повторится, никогда!

Прежде чем исчезнуть в склизком, зеленоватом тумане за дверь, женщина останавливается спиной к нам — подкрасить губы. Когда она снова оглянется перед уходом — на всякий случай, не потребуются ли все же кому-нибудь блондинки, — уже гремит музыка и кружатся две-три пары. Женщина печально усмехается, царственно пожимает плечом на пьянство и невежество остающихся мужчин и уходит — прежняя, шикарная, даже загадочная издали.

Так, простившись с городом, с нескладной жизнью, с самим собой, наконец, м-р Мак-Кинли возвращается домой: спать. С утра начнутся хлопоты, хоть и приятные до некоторой степени, но все же тревожные, потому что связаны с отъездом, как-никак в трехсотлетнюю неизвестность.

Надпись. *И вот началось:* если накануне еле текло проклятое время, на другой день оно понеслось вскачь.

Кассир привычным летучим жестом вскидывает лотерейную квитанцию на просвет, потом выкладывает кучу денег одетому с иголки м-ру Мак-Кинли, который расписывается, кивком благодарит за поздравление и уходит.

Теперь новоиспеченный счастливец — в конторе «Боулдер и К°».

Мак-Кинли *(небрежно).* Вы считаете, что нет необходимости повысить срок пребывания у вас в подвале, скажем, до четырехсот лет?

Очередной ангел в окошке *(оформляя ему документы).* Все статистические прогнозы показывают, что вашего срока, сэр, вполне достаточно. Да еще неизвестно, какие моды и порядки будут там, чтобы попасть в ногу с потомками!

М-ру Мак-Кинли вручается толстая контрактная книжка со множеством пунктов на всех языках мира. Оплата марками государственного налога. Почтительные поздравления служащих. О, если бы и на кладбищах так же приятно было поступающим навечно постояльцам!

Мак-Кинли. Благодарю вас. Сроки моего вселения указаны здесь?

Ангел. Начиная с полудня даты подписания контракта.

Мак-Кинли. Я буду вечно помнить вашу исключительную любезность...

Ангел в окошке. Покойной ночи, сэр.

Под вечер, перегруженный покупками, м-р Мак-Кинли возвращается домой для прощания с семьей квартирной хозяйки, которая заботилась о нем, как о родном, столько лет!

Мистер Мак-Кинли проводит свой последний вечер в семейном кругу своих хозяев. Это добрые, небогатые, честные и душевные труженики. Происходит вручение подарков остающимся, сверх того на стол, уставленный скромной снедью, м-р Мак-Кинли ставит принесенную им бутылочку вина, на прощание. И едва жилец присаживается к столу, тотчас трехлетняя хозяйская девчурка, не дожидаясь позволения, карабкается к нему на колени, как на горку. Пока идет застольный разговор, она деловито обследует содержимое карманов м-ра Мак-Кинли и вот извлекает из нагрудного на пиджаке кармана длинную золоченую святочную конфету. Она принимается за нее с удовольствием, однако без особого удивления, что такой продолговатый предмет умещался в столь тесном и коротком пространстве. Впрочем, так оно и должно обстоять у солидных волшебников.

В последующих кадрах, где представлены крупным планом участники прощальной беседы, девочка нам не видна. Кроме перечисленных лиц, проводить хорошего человека в путь пришли и некоторые другие запомнившиеся нам ранее жильцы дома.

Кто-то произносит комичную речь в честь отбывающего в вечность Мак-Кинли, чтобы и там он высоко держал светильник свободы, частной инициативы и демократии.

Гост оратора. За героя нашего времени, мистера Мак-Кинли, и его отвагу! Это все равно что лететь в спутнике на Луну... разве только в другую сторону!

Хозяин. Теперь, раз хлопоты закончены и документ получен, — значит, можно и выпить за благополучное путешествие. *(Наливая жене.)* Вот видишь, и в нашу сторону заглянуло счастье... Ну-ка, дайте нам хоть взглянуть, счастливцев, на что он похож, этот самый пропуск в рай земной!

Мак-Кинли *(отдавая отрывной талон)*. Вот, это стоит десять тысяч долларов!

Хозяин. Даже трудно поверить, что в этом клочке все надежды мира! И что же вам полагается за эту сумму?

Контрактная книжка и фирменные проспекты с картинками идут по рукам гостей. Приглашенные на проводы с сомнением разглядывают вид сальваторного тоннеля с узкими люками в стенках.

Недоверчивый жилец. А вы убеждены, мистер Мак-Кинли, что порядочный... — ну, в смысле взрослый, человек — сможет поместиться целиком в этой дурацкой червоточине?

Жена его *(заглядывая сбоку)*. Вероятно, их при этом крышкой легонько поджимают в пятки, чтобы поместилось!

Недоверчивый жилец. Ну, разве только с согнутыми коленками!

Хозяйка. А правда, смелый же вы у нас, мистер Мак-Кинли, что не боитесь постареть сразу на двести лет.

Хозяин. У него квитанция на двести пятьдесят. Но я, коснись меня, для верности заказал бы еще больше... Знаете, будущее — это такая неопределенная вещь.

Хозяйка. Да мне и за восемьдесят-то бывает страшно заглянуть. Страшнее смерти!

Мак-Кинли. Фирма «BS» обеспечивает не только полную сохранность, но и, по крайней мере, десятипроцентное помолодение своих клиентов.

Жена жильца. Так что при желании можно приехать в завтрашний день мальчиком, и, глядишь, вам даже придется ходить в школу! (*Вдруг.*) А если газ за это время прокиснет, скажем, испортится?

Доверчивый жилец (*авторитетно*). Это у них там все проверено на кроликах и на этих... ну, как их? На автоматах!

Жена жильца. Боже, как далеко мы ушли на протяжении одной жизни!..

Доверчивый жилец. Тут действует специальная механика, о которой вчерашняя наука представления не имела.

Пауза почтения перед всемогущей наукой.

Хозяйка. Нет, я в другом смысле боюсь за вас, мистер Мак-Кинли... А не страшно вам оказаться вдруг на краю света без друзей, на незнакомой улице, где даже не к кому забежать вечером? Так иногда во сне бывает: заблудишься вроде в неизвестном городе, и все чужое кругом, и все бегут по своим делам, точно бешеные, и слова какие-то машинные у них. Даже пот проступит, а проснуться пока не позволено! Мы к вам так привыкли за эти четырнадцать лет!..

Мак-Кинли (*раздумчиво*). Конечно, я вас понимаю, миссис Перкинс. Немножко жутко за человека, который остается один на один, совсем наедине и навек со своим счастьем!

Хозяин. Не обращайтесь на нее внимания, мистер Мак-Кинли. Никакое воронье карканье не может остановить прогресса. Ну, за здоровье отъезжающих!

Снова все чокаются с восклицаниями, какие у них там приняты.

Хозяйка. А я бы ни за что!.. Может, и здесь удалось бы чего-нибудь совместными усилиями против войны добиться, если крепко захотеть? Умереть-то всегда можно и нынче, если ничего не получится на худой конец. А вдруг климат там другой окажется и будущие ребятишки ваши все простужаться начнут?

Мак-Кинли. А здесь их просто убьют, миссис Перкинс.

Хозяйка. В том-то и горе людское, м-р Мак-Кинли, что каждый отец не чувствует себя отцом всех детей на земле. А детские слезы заразительны: стоит погромче заплакать одному, все другие откликаются хором. В слишком тесном доме люди стали жить. Сквозь стенку слышать. Вот и вы: за своих малюток тревожитесь, а вот за остающихся — кто?..

Пауза молчания. Объектив отступает, и все, привстав, долго и сурово смотрят на хозяйскую девочку, задремавшую у м-ра Мак-Кинли на коленях. Она безмятежно спит со своей початой конфетой в откинутой руке, вздыхая во сне о своих детских горестях, и в ту минуту становится понятным тезис м-ра Мак-Кинли, что нет ничего прекрасней и мудрей ее во всей вселенной.

Наконец, оставшись наедине с собою, наглядевшись на свой драгоценный талон, м-р Мак-Кинли укладывается спать в полосатой пижаме; и, судя по всем внешним признакам, вопреки страхам миссис Перкинс, — какое же это блаженство остаться наконец наедине со своими манящими видениями!

Ему снятся разные сны многосемейного содержания.

На следующее утро в завершение своих земных томлений м-р Мак-Кинли опускается в подземное святилище Боулдера и поступает в соответственную обработку перед отправлением

за горизонты возможных завтрашних несчастий. Он шествует в стерильном хитоне по сверкающему кафельному коридору в окружении блистающих красотой и гигиеной фирменных богинь. Все с тем же неподвижным лицом, несмотря на состояние помрачительного физического блаженства, он ежится от перламутрово-мыльной пены, пронизываемой искрящимися очистительными электротокамаи. Наконец, развалясь на элегантно-рессорной тележке, м-р Мак-Кинли под слегка надоевшую нам райскую мелодию направляется в свое долговременное уединение.

Диктор. Итак, до свидания, мистер Мак-Кинли... *(Со вздохом зависти.)* До свидания, любимчик судьбы! Вспоминайте нас, которым, видно, придется здесь бороться с горем своими, домашними средствами.

Надлежаще обработанного м-ра Мак-Кинли вставляют в круглое, среди прочих в стене, отверстие, завинчивают гайки огромными французскими ключами, и вскоре все плавно погружается в приятное, волнообразное от сгущений и разрежения чего-то мерцание, расчерченное волшебными пробегающими, как на экране осциллографа, кривыми и искрами. Вероятно, так же увлекательно будут выглядеть некоторые самые заурядные электрохимические процессы в мозгу, наблюдаемые в не изобретенный пока микроскоп ощущений. Одновременно как бы гремит спускаемая якорная цепь, и сквозь ее оглушительный лязг проступают сперва шаркающие шаги взбирающегося по лестнице сердитого великана, переходящие затем в учащенное сипение набирающих скорость паровозных поршней, а все вместе это мучительно напоминает тоскливое, со всхлипом дыхание насмерть загнанного человека!.. Его почти предсмертную задышку, в свою очередь, наотмашь оборвет крик птицы, похожий на скрежет камня по стеклу. Все это отголоски недавних впечатлений в гаснущем человеческом сознании, невыносимо тесном по диаметру, но как бы с высоким и гулким — тройного и больше эха — куполом над головой.

На экране сперва какая-то тряска запавших однажды в память, прыгающих картинок, ужасов и загадок, начиная с детства. Бык хочет забодать мальчика Мак-Кинли, но чья-то благодетельная, во весь экран, видно отцовская, рука закрывает поле зрения. Страшная черная тетька с чудовищным клетчатым мешком проходит впритирку близко от ребенка. Песчаная башня рушится, какие-то люди бегут мимо, беззвучно разевая рты, большой костер полыхает, и дым чудесно преобразуется в роскошные густолиственные деревья. Вдруг сразу откуда-то два нарядных, под геометрически равными углами порхающих над уютным бочажком мотылька в настороженной пока тишине, которая звучит затухающей виолончельной нотой.

По мысли автора, как звуковое, так и зрительное изображение дальнейшего становится возможным лишь посредством искусственного вмешательства в фонограмму: рисованной, в динамике темы, причудливой графикой. Вероятно, это будет долгое, сообразно контрактному сроку м-ра Мак-Кинли, скольжение по бесконечному тоннелю с уклонами то вправо и влево, то по вертикали, с неизбежным в живой, хоть и спящей психике преодолением возникающих преград, падений и круч. Впоследствии все это станет как бы завинчиваться в глубь окончательного мрака и ненадолго погаснет вовсе, кроме роящейся где-то в поисках выхода и подобной шмелю вибрирующей музыкальной ноты. Приближение к заказанному м-ром Мак-Кинли полустанку бытия обозначится качанием световых пятен одновременно с нарастанием смутной и тревожной мелодии, обычной перед пробуждением. Последнее видение — отвлеченный, без всяких подробностей пейзаж с восходящим из-за горизонта неярким солнцем.

Несколько металлически и гулко, как на вокзальной платформе, прозвучит первый по прибытии туда человеческий голос:

— Проснитесь, мистер Мак-Кинли. Вас поздравляют с возвращением к жизни...

Вынутый из своей гранитной кабины м-р Мак-Кинли покоится на тележке, с закрытыми глазами. Он ровно дышит, и в такт колеблются стрелки гигантских пульсомеров у его изголовья. Щедрая растительность, покрывающая его щеки, подтверждает расчетную экономию на парикмахере.

Диктор. Ну, довольно нежиться, мы и так задержали чужое внимание. Приступайте к счастью, Мак-Кинли! Парикмахер ждет вас...

Едва он открывает глаза, его уже окружают почти такие же, как раньше, корректные и строгие богини, лишь, пожалуй, малость поневзрачнее и ростом помельче. Они привычно пересаживают в кресло весьма полегчавшего клиента, подключают к нему профилактические электроды, а парикмахер, время от времени справляясь со старой фотографией м-ра Мак-Кинли, быстро возвращает клиенту его сравнительно прежний вид.

Естественно, м-ру Мак-Кинли очень хотелось бы теперь взглянуть через окно на обетованную землю его мечтаний, но большинство стен почему-то до потолка глухие, а неопределенного назначения просветы в них задернуты, кроме занавесей, тяжелыми металлическими жалюзи.

Приветливая богиня с чуть заплаканными глазами тотчас же подносит ему довольно скромный, после двухсполовиновекового воздержания, завтрак.

Мак-Кинли (*как-то невпопад весело*). Ну, как, на ваш взгляд, мисс, еще гожусь я теперь в женихи?

Та кроткой служебной улыбкой отвечает на шутку клиента, и едва тот успевает разделаться со своим договорным, подозрительно быстро исчезающим завтраком, уже приглашает на очередную выпускную процедуру.

— Пожалуйста, здесь, сэр, — говорит ближайшая богиня, механично указывая на дверь.

Непонятно, как там у них происходит дело, но почти немедленно м-р Мак-Кинли выходит к нам из помещения в фирменном, полосатом, пижамно-каторжного образца костюме.

— Теперь вас просят сюда, сэр, — говорит другая, приглашая к прилавку, где клиенту отсчитывают руками десяток тощих и отвратительно кривых сигарет с добавкой сомнительных денег, похожих на карамельные обертки.

К прискорбию, м-ру Мак-Кинли никак не удастся с кем-нибудь потолковать, расспросить, поделиться собственными впечатлениями о ненавистной старине, оставшейся, слава богу, позади. Ему кажется даже, что эти люди просто не слышат его.

— Пожалуйста сюда, сэр, — говорит третья, указывая на явно вестибюльную дверь.

Неприличная поспешность, с какой персонал сальватория стремится выдворить своего клиента, да еще в столь легкомысленном облачении, внушает м-ру Мак-Кинли глубочайшее негодование, и лишь высшее благоразумие голосом диктора призывает его смириться перед обычаем чужого века. Соблюдая личное, оскорбленнейшее теперь достоинство и воздерживаясь от излишних слов, м-р Мак-Кинли покидает сальваторий, не желая даже обернуться на столь многозначительные сейчас лязг и дребезг за спиной.

Меж тем своеобразный колорит и мрачноватый облик открывшейся перед м-ром Мак-Кинли слегка покатою местности тоже способны омрачить самое идиотски-безоблачное настроение. Если не считать множества странных, разбросанных по скату канализационного типа сферических крышек, которые, видимо, и есть крыши нового, целиком подземного теперь города, да разве еще обугленного дерева впереди, с мольбой воздевающего к небу свои черные голо вешки, во всем пейзаже ни черта больше не имеется вплоть до самого горизонта. Не слышать также ни желательного пения птичек, ни детских песенок, никаких знакомых звуков — ничего, если не считать вдруг поднявшегося ужасающего воя сирены в духе недоброго старого времени.

Итак, ловушка: бегство не состоялось! Заветная мечта м-ра Мак-Кинли завершается обыкновенной воздушной тревогой, только в несколько обновленном, каком-то устрашающе трубном стиле, с замирающим стоном в конце. Тотчас необычайные перемены наступают кругом. На глазах у м-ра Мак-Кинли надземные строения сальватория плавно погружаются в землю, а небо начинает зловеще темнеть, и вот уже ни расселины нигде, ни подворотни или норки, ни живой души кругом. Только обезумевшая от смертного ужаса кошка дикими скачками и зигзагами мчится между крышек, пока высунувшаяся наружу меткая хозяйская рука не хватает ее на скаку и не втаскивает под слегка приподнявшуюся крышку, которая с грохотом падает в свое гнездо.

В тот же момент вереница страшных, визгливых и плывучих огней показывается из-за черного горизонта. Одни, как бы в разведке, забегают вперед и возвращаются, другие блуждают в небе, подобно громадным светлякам, высвечивая себе добычу... Но вот различили одинокую фигуру м-ра Мак-Кинли, взяли в вилку и, подпрыгивая, отовсюду с воем устремляются к нему. Новичку выдержать это никак нельзя — м-р Мак-Кинли с воплем бросается ничком на мерзкую, обожженную землю своей мечты, и потом все заволакивается спасительным небытием.

Когда же тьма, как все на свете, понемножку рассеивается, то вокруг распростертого, с раскинутыми руками м-ра Мак-Кинли проступают очертания знакомой нам комнаты, его кровать и незамысловатая мебель. Он лежит у себя дома, в своей пижаме, на полу, с крестообразно раскинутыми руками...

Значит, сон? Правда же, и богини в сальватории выглядели чуть подозрительно, все как-то на одно лицо, чего не бывает в действительности, да и парикмахер тоже... Ну разве можно побрить человека, помахивая метелочкой по заросшим хуже войлока щекам? Уже утро, и стрелки на будильнике подсказывают, что можно запросто опоздать на службу, и вот милый детский голосок утешительно звенит за дверью.

Девочка. Мистер Мак-Кинли, мама зовет вас кофе пить... И чтобы не опаздывать сегодня!

М-р Мак-Кинли не слышит: все стоит посреди, не может оторвать глаза от сальваторного талона «BS» на ночном столике. Машинально он тянет руку за этой столь емкой и драгоценной бумажкой, — однако нельзя предсказать пока, как он собирается поступить с нею. Видно лишь, как давнишняя мечта борется в нем с кошмаром минувшей ночи.

Девочка (*вернувшись к двери*). Ой, опять забыла сказать доброе утро... а то мама ругается.

Доброе утро, мистер Мак-Кинли!

Мак-Кинли (*рассеянно*). Доброе утро, милый утенок...

М-р Мак-Кинли открывает форточку и, зажмурясь, высовывает наружу руку со своей бумажной драгоценностью. Кажется, ему жаль чего-то... Но вот, собравшись с силами, ветер вырывает и уносит листок. Если проследить, тот сперва долго порхает по воздуху, потом несется над парком и вот оседает как раз на валик катящейся по ветру листвы. Снова талон на отдельное, эгоистическое счастье движется по дорожке, как бы выбирая себе удачника из прохожих. Так судьба неотвязно преследует какого-то недогадливого старичка с зонтиком и в старомодном котелке, забегает вперед, заигрывает, как котенок, пока тот не поднимает с земли своей находки. Мы видим, как постепенно сбегает с его лица появившееся было восторженное выражение. Нет, пожалуй, уже грешно и ни к чему теперь покидать свою старуху! Он прикрепляет бумажку к спинке скамьи, на очередного удачника, и уходит, не без коварства оглядываясь.

За это время м-р Мак-Кинли успел одеться и теперь занят утренним завтраком. Миссис Перкинс, его милая хозяйка, перетирает посуду на кухне, переговариваясь со своим жильцом через дверь... Словом, можно еще жить на белом свете!

Хозяйка. Вас не разбудила ночная буря, мистер Мак-Кинли? Я даже побоялась, как бы стекла не выдавило ветром...

Мак-Кинли. О, я сплю без пробуждений, миссис Перкинс!

Хозяйка. Зато потише и посуше стало к утру. Как я и предсказывала, такая приятная погода установилась на улице... Верно, к зиме. По моим приметам, рождество будет отличное в этом году.

Мак-Кинли. Вы у нас домашнее метеорологическое бюро, миссис Перкинс.

Хозяйка (*со вздохом*). Мои предсказания так дорого мне обходятся, что я не пожелаю вам того же, м-р Мак-Кинли. (*На грохот в соседней комнате.*) Что ты там делаешь, дрянная девчонка?

Девочка. Я падаю...

Мистер Мак-Кинли поднялся было бежать на помощь.

Хозяйка. Не волнуйтесь, пейте свой кофе, мистер Мак-Кинли. Это ее личное дело, берегите силы на главное. (*Притворяясь, будто забыла о планах своего жильца относительно сальватория.*) Кстати, что вы делаете сегодня вечером?

Мак-Кинли (*со значением*). Видите ли, миссис Перкинс, я не решил пока...

Хозяйка (*не давая досказать*). Вот и отлично. Тогда не занимайте вечера... Попозже обещала забежать Мисс Беттл. Очень смешную историю по телефону рассказала, как на последнем своем свидании она пыталась разбудить вашу ревность с помощью одного знакомого морячка. Никак не может понять только, где вы прятались в тот раз?

Мак-Кинли. Там же, в одном баре визави.

И оба, хозяйка и жилец, смеются счастливому завершению дела.

Хозяйка. Ну, мисс Беттл так и догадывалась. Кстати, знаете, она дивно загорела у тетки и похорошела, я едва узнала ее... Приходите!

Мак-Кинли. О, вы всегда бесконечно добры к нам, миссис Перкинс!..

Как всегда, он торопится на службу. Бульвар, летящие листья, играющие дети... И потом само собою образуется торжественное шествие малышей с барабанами и флагами, как бы по случаю того, что м-р Мак-Кинли решил не покидать их на этом свете.

М-р Мак-Кинли оборачивается к ним, потом увлажнившимися глазами смотрит на обступивших его ребят, как бы впускает их в себя, и вот, впервые за весь фильм, улыбается этому доверчивому множеству невинных и беспомощных глаз и протянутых рук.

Диктор (*растроганно*). О, я всегда безоговорочно верил в вашу исключительную порядочность, дорогой мистер Мак-Кинли!

...Я люблю работать в кино и буду продолжать для него работать, хотя там и случаются странные порой истории. Как, например, было в фильме «Бегство мистера Мак-Кинли». Я написал для него девять очень разных баллад. И даже должен был играть уличного певца, который ведет все действие картины. Работал очень серьезно. Мы даже сделали оркестровки, и я пел много раз с оркестром. Но баллады мои так и не вошли в фильм. Быть может, они кому-нибудь не понравились! Бывает, однако, что песни «не работают» с отснятым материалом фильма, не монтируются с ним. Я писал трагичные, неровные, заводные песни, а действие картины получилось задумчивое, серьезное, медленное, на мой взгляд, немножко скучное. И поэтому песни взяли и вырезали — они никак не соответствовали фильму. Кино-то не выбросишь. А песню можно.

Баллада о манекенах

Семь дней усталый старый Бог
В запале, в зашоре, в запаре
Творил убогий наш лубок
И каждой твари — по паре.
Ему творить — потеха,
И вот, себе взамен
Бог создал человека,
Как пробный манекен.
Идея эта не нова,
Но не обхаяна никем —
Я докажу как дважды два —
Адам был первый манекен.
А мы, ошметки хромосом,
Огрызки божественных генов —
Идем проторенным путем
И создаем манекенов.
Лишенные надежды
Без мук творить — живых,
Рядим в свои одежды
Мы кукол восковых.
*Ругать меня повремени,
А оглянись по сторонам —
Хоть нам подобные они,
Но не живут подобно нам.*
Твой нос расплюснут на стекле,
Глазеешь — и ломит в затылке,
А там сидят они в тепле
И скалят зубы в ухмылке.
Вон тот кретин в халате
Смеется над тобой:
Мол, жив еще, приятель?
Доволен ли судьбой?
Гляди — красотка!
Чем плоха? Загар и патлы до колен.
Ее, закутанный в меха,
Ласкает томный манекен.
Их жизнь и вправду хороша,
Их холят, лелеют и греют.
Они не тратят ни гроша
И плюс к тому — не стареют.
Пусть лупят по башке нам,
Толкают нас и бьют,
Но куклам-манекенам
Мы создали уют.
Они так вежливы — взгляни!
Их не волнует ни черта,
И жизнерадостны они,
И нам, безумным, не чета.
Он никогда не одинок —
В салоне, в постели, в бильярдной, —
Невозмутимый, словно йог,
Галантный и элегантный.
Хочу такого плена,
Свобода мне не впрок.
Я вместо манекена
Хочу пожить денек.
На манекенские пау
Согласен, черт меня дерит!
В приятный круг его семьи
Смогу — хотите на пари!
Я предлагаю смелый план
Возможных сезонных обменов:
Мы, люди, — в их бездушный клан,
А вместо нас — манекенов.
Но я готов поклясться,
Что где-нибудь заест —
Они не согласятся
На перемену мест.
Из них, конечно, ни один
Нам не уступит свой уют:
Из этих солнечных витрин
Они без боя не уйдут.
Сдается мне — они хитрят,
И, тайно расправивши члены,
Когда живые люди спят,
Выходят в ночь манекены.
Машины выгоняют
И мчат так, что держись!
Бузят и прожигают
Свою ночную жизнь.
Такие подвиги творят,
Что мы за год не натворим,
Но возвращаются назад...
Ах, как завидую я им!
Мы скачем, скачем вверх и вниз,
Кропаем и клеим на стенах
Наш главный лозунг и девиз:
«Забота о манекенах!»
Недавно был — читали? — Налет на магазин,
В них сколько не стреляли —
Не умер ни один.
Его налогом не согнуть,
Не сдвинуть повышеньем цен.
Счастливым путем, счастливым путем,
— Будь счастлив, мистер Манекен!
Но, как индусы мы живем
Надеждою смертных и тленных,
Что если завтра мы умрем —
Воскреснем вновь в манекенах!
Так что не хнычь, ребята,
— Наш день еще придет!
Храните, люди, свято
Весь манекенский род!
Болезни в нас обострены,
Уже не станем мы никем...
Грядет надежда всей страны —
Здоровый, крепкий манекен.

Баллада об уходе в рай

Вот твой билет, вот твой вагон. Все в лучшем виде одному тебе дано: В цветном раю увидеть сон — Трехвековое непрерывное кино. Все позади, уже сняты Все отпечатки, контрабанды не берем. Как херувим стерилен ты, А класс второй — не высший класс, зато с бельем. Вот и сбывается все, что пророчится. Уходит поезд в небеса — счастливый путь! Ах, как нам хочется, как всем нам хочется Не умереть, а именно уснуть. Земной перрон. Не унывай И не кричи. Для наших воплей он оглох. Один из нас уехал в рай, Он встретит бога — ведь есть, наверно, бог. Ты передай ему привет, А позабудешь — ничего, переживем. Осталось нам немного лет, Мы пошустрим и, как положено, умрем. Вот и сбывается все, что пророчится. Уходит поезд в небеса — счастливый путь! Ах, как нам хочется, как всем нам хочется Не умереть, а именно уснуть. *Не всем дано поспать в раю, Но кое-что мы здесь успеем натворить: Подражаться, спеть — вот я пою, Другие любят, третьи думают любить.* Уйдут, как мы — в ничто без сна — И сыновья, и внуки внуков в трех веках. Не дай господь, чтобы война, А то мы правнуков оставим в дураках. *Вот и сбывается все, что пророчится, Уходит поезд в небеса — счастливый путь! Ах, как нам хочется, как всем нам хочется Не умереть, а именно уснуть. Тебе плевать, и хоть бы хны: Лежишь, миляга, принимаешь вечный кайф. И нет забот, и нет вины... Ты молодчина, это место подыскав.* Разбудит нас какой-то тип И пустит в мир, где в прошлом войны, боль и рак. Где побежден гонконгский грипп. На всем готовеньком ты счастлив ли? Дурак... Вот и сбывается все, что пророчится. Уходит поезд в небеса — счастливый путь! Ах, как нам хочется, как всем нам хочется Не умереть, а именно уснуть. Итак, прощай. Звенит звонок. Счастливый путь! Храни тебя от всяких бед! А если там и вправду бог — Ты все же вспомни, передай ему привет.

Баллада о Кокильоне

Жил-был учитель скромный Кокильон. Любил наукой баловаться он. Земной поклон за то, что он был в химию влюблен, И по ночам над чем-то там Химичил Кокильон. Но, мученик науки гоним и обездолен, Всегда в глазах толпы он — алхимик-шарлатан, — И из любимой школы в два счета был уволен, Верней, в три шеи выгнан непонятый титан. Титан лабораторию держал И там творил и мыслил, и дерзал. За просто так, не за мильон, В двухсуточный бульон Швырнуть сумел все, что имел, Великий Кокильон. Да мы бы забросали камнями Ньютона, Мы б за такое дело измазали в смоле! Но случай не позволил плевать на Кокильона, — Однажды в адской смеси заквасилось желе. Бульон изобретателя потряс, — Был он — ничто: не жидкость и не газ. И был смущен и потрясен, И даже удивлен. «Эге! Ха-ха! О эврика!» — Воскликнул Кокильон. Три дня он развлекался игрой на пианино, На самом дне в сухом вине он истину искал... Вдруг произнес он внятно: «Какая чертовщина!..» — И твердою походкою он к дому зашагал. Он днем был склонен к мыслям и мечтам, Но в нем кипели страсти по ночам. И вот, на поиск устремлен, Мечтой испепелен, В один момент в эксперимент Включился Кокильон. Душа его просила, и плоть его хотела До истины добраться, до цели и до дна, — Проверить состоянье таинственного тела, Узнать, что он такое: оно или она? Но был и в этом опыте изъян — Забыл фанатик намертво про кран. В погоне за открытjem он Был слишком воспален — И вдруг нажал ошибочно На крантик Кокильон. И закричал, безумный: «Да это же коллоид! Не жидкость это, братцы, — коллоидальный газ!» Вот так, блеснув в науке, как в небе астероид, Взорвался — и в шипенье безвременно угас. И вот — так в этом газе он лежит, Народ его открытjem дорожит. Но он не мертв — он усыплен, — Разбужен будет он Через века. Дремли пока, Великий Кокильон! А мы, склонив колени, глядим благоговейно. Таких, как он, немного — четыре на мильон! Возьмем Ньютона, Бора и старика Эйнштейна, Вот три великих мужа, — четвертый — Кокильон!

Баллада о маленьком человеке

Погода славная, А это главное. И мне на ум пришла мыслишка презабавная, — Но не о господе И не о космосе — Все эти новости уже обрыдли до смерти. Сказку, миф, фантазмагорию Пропою вам с хором ли, один ли, — Слушайте забавную историю Некогого мистера Мак-Кинли — Не супермена, не ковбоя, не хавбека, А просто маленького, просто человека. Кто он такой — герой ли, сукин сын ли — Наш симпатичный господин Мак-Кинли, — Валяйте выводы, составьте мнение В конце рассказа в меру разумения. Ну что, договорились? Если так — Привет! Буэнос диас! Гутен таг! Ночуешь в спаленках В обоях аленьких И телевиденье глядишь для самых маленьких. С утра полчасака Займет гимнастика — Прыжки, гримасы, отжимание от пластика. И трясешься ты в автобусе, На педали жмешь, гремя костями, — Сколько вас на нашем тесном глобусе Весело работает локтями! Как наркоманы — кокаин, и как больные, В заторах нюхаешь ты газы выхлопные. Но строен ты — от суеты худеют, Бодреют духом, телом здоровеют. Через собратьев ты переступаешь, Но успеваешь, все же успеваешь Знакомым огрызнуться на ходу: «Салют! День добрый! Хау ду ю ду!» Для созидания В коробки-здания Ты заползаешь, как в загоны на заклатие. В поту и рвении, В самозабвении Ты создаешь — творишь и рушишь в озарении. Люди, власти не имущие! Кто-то вас со злого перепою, Маленькие, но и всемогущие, — Окрестил безликою толпою. Будь вы на поле, у станка, в конторе, в классе, — Но вы причислены к какой-то серой массе. И в перерыв — в час подлинной свободы — Вы наскоро жуετε бутерброды. Что ж, эти сэндвичи — предметы сбыта. И так, приятного вам аппетита! Нелегкий век стоит перед тобой, И все же — гутен морген, дорогой! Дела семейные, Платки нашайные, И пояса, и чудеса галантерейные, — Цена кусается, Жена ласкается, — Махнуть рукою — да рука не подымается. Цену вежливо и тоненько Пропищит волшебник-трикотажник, — Ты с невозмутимостью покойника Наизнанку вывернешь бумажник. Все ваши будни, да и праздники — морозны, И вы с женою, как на кладбище, серьезны. С холодных стен — с огромного плаката На вас глядят веселые ребята, И улыбаются во всех витринах Отцы семейств в штанах и лимузинах. Откормленные люди на щитах Приветствуют по-братски: «Гутен таг!» Откуда денежка? Куда ты денешься? Тебе полвека, друг, а ты еще надеешься? Не жди от ближнего — Моли всевышнего, — Уж он тебе всегда пошлет ребенка лишнего! Трое, четверо и шестеро... Вы, конечно, любите сыночков! Мировое детское нашествие Бестий, сорванцов и ангелочков! Ты улыбаешься обложкам и нарядам, Но твердо веришь: удивительное рядом. Не верь, старик, что мы за все в ответе, Что дети где-то гибнут — те, не эти: Чуть-чуть задуматься — хоть вниз с обрыва, — А жить-то надо, надо жить красиво! Передохни, расслабься — перекур! Гуд дэй, дружище! Пламенный бонжур! Ах, люди странные, Пустокарманные, Вы, постоянные клиенты ресторанные, — Мошны бездонные, Стомиллионные — Вы наполняете, вы, толпы стадионные! И ничто без вас не крутится — Армии, правительства и судьи, Но у сильных в горле, словно устрицы, Вы скользите, маленькие люди! И так о маленьком пекутся человеке, Что забывают лишний ноль вписать на чеке. Ваш кандидат — а в прошлом он лабазник — Вам иногда устраивает праздник. И не безлики вы, и вы — не тени, Коль надо бросить в урны бюллетени! А «маленький» — хорошее словцо, — Кто скажет так — ты плюнь ему в лицо, — Пусть это слово будет не в ходу! Привет, Мак-Кинли! Хау ду ю ду!

Баллада об оружии

По миру люди маленькие носятся, живут себе в рассрочку, — Плохие и хорошие, гуртом и в одиночку. Хороших знаю хуже я — У них, должно быть, крылья! С плохими — даже дружен я, — Они хотят оружия, оружия, оружия
Имеют страсть к ракетам, А маленьким — что делать без Оружья в мире этом? Гляди, вон тот ханыга — В кармане денег нет, Но есть в кармане фи́га — Взведенный пистолет. Мечтает он об ужине Уже с утра и днем, А пиджачок обуженный — Топорщится на нем. И с ним пройду охотно я Под вечер налегке, Смыкая пальцы потные На спусковом крючке. Я целеустремленный, деловитый, Подкуренный, подколотый, подпитый! Эй, что вы на меня уставились — я вроде не калека! Мне горло промочить — и я сойду за человека. Сходитесь, неуклюжие, Со мной травить баланду, — И сразу после ужина Спою вам про оружие, оружие, оружие балладу!

Большой игрок, хоть ростом гном, — Сражается в картишки, Блефуют крупно в основном Ва-банк большие шишки. И балуются бомбою, — У нас такого нет, К тому ж мы — люди скромные: Нам нужен пистолет. И вот в кармане — купленный Обычный пистолет И острый, как облупленный Знакомый всем стилет. Снуют людишки в ужасе По правой стороне, А мы во всеоружасе Шагаем по стране. Под дуло попадающие лица, Лицом к стен! Стоять! Не шевелиться! Напрасно, парень, за забвеньем ты шарить по аптекам, — Купи себе хотя б топор — и станешь человеком! Весь вывернусь наружу я — И голенькую правду Спою другим не хуже я Про милое оружие, оружие, оружие балладу! Купить белье нательное? Да черта ли нам в нем! Купите огнестрельное — Направо, за углом. Ну, начинайте! Ну же! Стрелять учить все! В газетах про оружие — На каждой полосе. Вот сладенько под ложечкой, Вот горько на душе: Ухлопали художничка За фунт папье-маше. Ату! Стреляйте досыту — В людей, щенков, котят, — Продажу, слава господу, Не скоро запретят! Пока оружие здесь не под запретом, Не бойтесь — всё в порядке в мире этом! Не страшно без оружия — зубастой барракуде, Большой и без оружия — большой, нам в утешенье, — А маленькие люди — без оружия не люди: Все маленькие люди без оружия — мишени. Большие — лупят по слонам, Гоняются за тиграми, А мне, а вам — куда уж нам Шутить такими играми! Пускай большими сферами — Большие люди занимаются, — Один уже играл с «пантерами», Другие — доиграются... У нас в кармане «пушечка» — Малюсенькая, новая, — И нам земля — подушечка, Подстилочка пуховая. Кровь жидкая, болотная Пульсирует в виске, Синюют пальцы потные На спусковом крючке. Мы, маленькие люди, — на обществе прореха, Но если вы посмотрите на нас со стороны — За узкими плечами небольшого человека Стоят понуро, хмуро дуры — две больших войны. «Коль тих и скромн — не убьют» — Всё домыслы досужие, — У нас недаром продают Любезное оружие! А тут еще норд-ост подул — Цена установилась сходная, — У нас, благодаренье господу, Страна пока свободная! Ах, эта жизнь грошовая, Как пыль, — подуй и нет! — Поштучная, дешевая — Дешевле сигарет. И рвется жизнь-чудачка, Как тонкий волосок, — Одно нажать пальчика На спусковой крючок! Пока легка покупка, мы все в порядке с вами, Нам жизнь отнять — как плюнуть, — нас учили воевать! Кругом и без войны — война, а с голыми руками — Ни пригрозить, ни пригвоздить, ни самолет угнать! Для пуль все досягаемы, — Ни черта нет, ни бога им, И мы себе стреляем и Мы никого не трогаем. Стрельбе, азарту все цвета, Все возрасты покорны: И стар и млад, и тот, и та, И — желтый, белый, черный. Опять сосет под ложечкой. Привычнее уже Убийца на обложечке, Девулька в неглиже. Мир полон неудачниками С топориками в руке И мальчишками с пальчиками На спусковом крючке!

Марш футбольной команды «Медведи»

Когда лакаютСвятые свой нектар и шерри-брендиИ валятся на травку и под стол,Тогда играютНикем непобедимые «Медведи»В кровавый, дикий, подлинный футбол.В тиски медвежиеПопасть к нам — не резон,Но где же наши лапы — нежныеДля наших милых девочек и жен.Нам выпадает картаОт травмы до инфаркта.Мы ожидаем форта,Мы — ангелы азарта! Вперед, к победе!Соперники растоптаны и жалки, —Мы проучили, воспитали их.Но вот «Медведи»Приобретают свежие фиалкиИ навещают в госпитале их.Тиски медвежиеНе выдержит иной,Но, в общем, мы — ребята нежныеС пробитой, но светлой головой.Нам выпадает карта —От травмы до инфаркта.Мы ожидаем форта,Мы — дьяволы азарта!А нам забили, —Не унывают смелые «Медведи»,Они не знают на поле проблем.А на могилеВсе наши мэри, доротти и сэдиПотоки слез прольют в помятый шлем.В тиски медвежиеК нам попадет любой,А впрочем, мы — ребята нежныеС травмированной детской душой.Нам выпадает карта —От травмы до инфаркта.Мы ожидаем форта,Мы — ангелы азарта!И пусть святыеПресытившись едой и женским полом,На настоящих идиолов глядят, —«Медведи» злыеНевероятным, бешеным футболомБожественные взоры усладят.Тиски медвежиеСмыкаются, визжат.Спасите наши души нежные,Нетронутые души медвежат!

Мистерия хиппи

Мы рвем — и не найти концов. Не выдаст черт — не съест свинья. Мы — сыновья своих отцов, Но блудные мы сыновья. Приспичило и припекло!.. Мы не вернемся — видит Бог — Ни государству под крыло, Ни под покров, ни на порог. Вранье — ваше вечное усердие! Вранье — Безупречное житье! Гнилье — Ваше сердце и предсердие! Наследство — к черту! Все, что ваше — не мое! К черту сброшена обуза, Узы мы свели на нуль: Нет у мамы карапуза, Нет ни колледжа, ни вуза, Нету крошек у папуль. Довольно выпустили пуль — И кое-где и кое-кто Из наших дорогих папуль — На всю катушку, на все сто! Довольно тискали вы краль От января до января. Нам ваша скотская мораль От фонаря — до фонаря! Долой Ваши песни, ваши повести! Долой Ваш алтарь и аналой! Долой Угрызенья вашей совести! Все ваши сказки богомерзкие — долой! Выжимайте деньги в раже, Только стряпайте без нас Ваши купли и продажи. Нам — до рвоты ваши даже Умиление и экстаз! Среди заросших пустырей Наш дом — без стен, без крыши — кров. Мы — как изгой среди людей, Пришельцы из других миров. Уж лучше где-нибудь ишачь, Чтоб потом с кровью пропотеть, — Чем вашим воздухом дышать, Богатством вашим богатеть. Плевать Нам на ваши суеверия! Кромсать Все, что ваше, проклинать! Как знать, Что нам взять взамен неверия? Но наши дети это точно будут знать! Прорицатели, гадалки Напророчили бедлам. Ну а мы уже на свалке — В колесо фортуны палки Ставим с горем пополам. Так идите к нам, Мак-Кинли, В наш разгневанный содом! Вы и сам — не блудный сын ли? Будет больше нас, Мак-Кинли... Нет? Мы сами к вам придем!

Песня Билла Сиггера

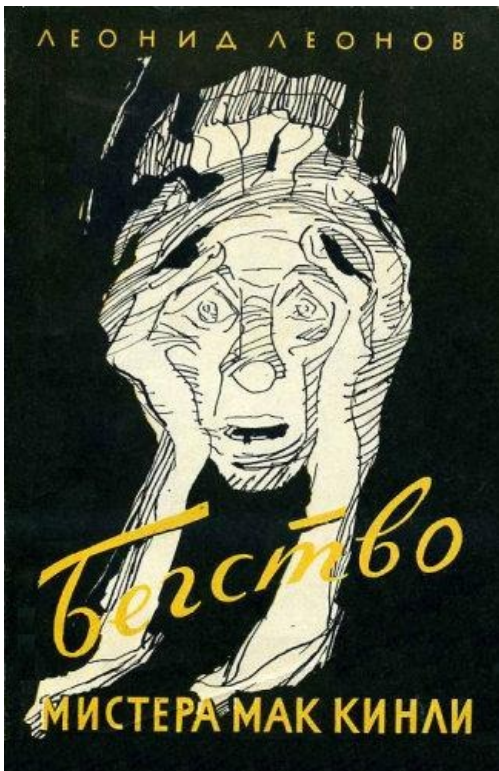
Вот это да, вот это да! Сквозь мрак и вечность-решето,
Из зала Страшного суда Явилось то — не знаю что.
Играйте туш! Быть может, он — Умерший муж
Несчастливых жен, Больных детей
Больной отец, Благих вестей
Шальной гонец. Вот это да, вот это да!
Спустился к нам — не знаем кто, —
Как снег на голову суда,
Упал тайком, инкогнито!
Но кто же он? Хитрец и лгун? Или —
шпион, Или колдун? Каких дворцов
Он господин, Каких отцов
Заблудший сын? Вот это да, вот это да!
И я спросил, как он рискнул, —
Из ниоткуда в никуда
Перешагнул, перешагнул?
Он мне: «Внемли!»
И я внимал, Что он с Земли
Вчера сбежал, Решил: «Нырну
Я в гладь и тишь!»
Но в тишину
Без денег — шиш!
Мол, прошмыгну
Как мышь, как вошь,
Но в тишину
Не прошмыгнешь!
Вот это да, вот это да!
Он повидал печальный край, —
В аду — бардак и лабуда, —
И он опять —
в наш грешный рай.
Итак, оттуда
Он удрал, Его Иуда
Обыграл — И в «тридцать три»,
И в «сто одно».
Смотри, смотри!
Он видел дно, Он видел ад,
Но сделал он
Свой шаг назад — И воскрешен!
Вот это да, вот это да!
Прошу любить, играйте марш!
Мак-Кинли — маг, суперзвезда,
Мессия наш, мессия наш!
Владыка тьмы
Его отверг, Но примем мы —
Он человек! Душ не губил
Сей славный муж,
Самоубийство — Просто чушь,
Хоть это дешевой
И враз — Не проведешь
Его и нас!
Вот это да, вот это да!
Вскричал петух, и пробил час.
Мак-Кинли — бог, суперзвезда, —
Он — среди нас, он — среди нас!
Он рассудил, Что Вечность — хлам,
И запылел
На свалку к нам.
Он даже спяну
Не дурил, Марихуану
Не курил, И мы хотим
Отдать концы,
Мы бегством мстим,
Мы — беглецы!
Вот это да! Вот это да!

Прерванный полет

Кто-то высмотрел плод, что неспел, неспел,
Потрусил за ствол — он упал, упал... Вот вам
песня о том, кто не спел, не спел, И что голос имел — не узнал, не узнал. Может, были с
судьбой нелады, нелады, И со случаем плохи дела, дела, А тугая струна на лады, на лады С
незаметным изъяном легла. Он начал робко — с ноты «до», Но не допел ее не до... Недозвучал
его аккорд, аккорд И никого не вдохновил... Собака лаяла, а кот Мышей ловил... Смешно! Не
правда ли, смешно! Смешно! А он шутил — недошутил, Недораспробовал вино И даже
недопригубил. Он пока лишь затеивал спор, спор Неуверенно и не спеша, Словно капельки пота
из пор, Из-под кожи сочилась душа. Только начал дуэль на ковре, Еле-еле, едва приступил. Лишь
чуть-чуть осмотрелся в игре, И судья еще счет не открыл. Он хотел знать все от и до, Но не
добрался он, не до... Ни до догадки, ни до дна, Не докопался до глубин, И ту, которая одна, Не
долюбил, не долюбил! Смешно, не правда ли, смешно? А он спешил — недоспешил. Осталось
недорешено, Все то, что он недорешил. Ни единою буквой не лгу — Он был чистого слога
слуга, И писал ей стихи на снегу, — К сожалению, тают снега. Но тогда еще был снегопад И
свобода писать на снегу. И большие снежинки и град Он губами хватал на бегу. Но к ней в
серебряном ландо Он не добрался и не до... Не добежал, бегун-беглец, Не долетел, не
доскакал, А звездный знак его — Телец — Холодный Млечный Путь лакал. Смешно, не правда
ли, смешно, Когда секунд недостает, — Недостающее звено — И недолет, и недолет. Смешно, не
правда ли? Ну, вот, — И вам смешно, и даже мне. Конь на скаку и птица влет, — По чьей вине,
по чьей вине?

Книга

Киноповесть впервые была опубликована в газете «Правда» в 1961 году (1, 2, 4, 6, 8, 29 января, 3, 5 февраля). В том же году вышло первое книжное издание (М.: Правда, 1961).

Фильм

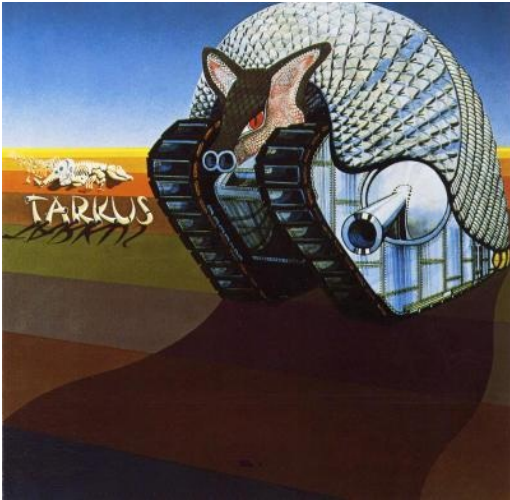
В 1975 году повесть была экранизирована — режиссер Михаил Швейцер снял двухсерийный фильм (художник — Леван Шенгелия, композитор — Исаак Шварц).

В фильме снимались: **Донатас Банионис** — мистер Мак-Кинли (озвучил Зиновий Гердт), **Жанна Болотова** — мисс Беттл, **Ангелина Степанова** — миссис Энн Шамуэй, **Борис Бабочкин** — миллиардер Сэм Боулдер, **Алла Демидова** — потаскушка, **Владимир Высоцкий** — уличный певец Билл Сиггер и другие.

- Фильм был удостоен Государственной премии СССР за 1977 год. Персонально лауреатами стали Леонов, Швейцер, оператор Дильшат Фатхулин, художник Леван Шенгелия, актёры Банионис, Болотова, Бабочкин, Степанова, Демидова.
- Роль Сэма Боулдера — последняя работа Бориса Бабочкина («Чапаев»).
- Кинокартина стала одной из первых, снятых по только что разработанной советской системе с универсальным форматом кадра. В результате прокатные фильмокопии могли печататься как в обычном, так и в широкоэкранным или широкоформатном вариантах.
- Уличные сцены снимались в Будапеште — наиболее «западной» из восточноевропейских столиц. На всём протяжении фильма видны рекламные вывески с надписями на немецком языке, в одной из сцен можно видеть вывеску «Könyvesbolt» («Книжный магазин») на венгерском.
- Сюжетная основа фильма перекликается с идеями крионики, получившими популярность в начале 1970-х годов.
- Счётная машина, которой пользуется Мак-Кинли у себя дома — советская электромеханическая счётная машина «Быстрица-2».

- В сцене в баре, где Мак-Кинли беседует с проституткой, звучит музыка Emerson, Lake & Palmer — Tarkus.

Крионика в сюжетах фильмов

- **Замороженный** (Hibernatus, Франция-Италия, 1969; реж. Э. Молинаро; в гл. ролях — Луи де Фюнес, Мишель Лонсдаль) — кинокомедия; после кораблекрушения у берегов Гренландии один из членов экипажа был залит жидким глицерином и мгновенно замёрз.

- **Спящий** (Sleeper, США, 1973; реж. В. Аллен; в гл. ролях — Вуди Аллен, Дайан Китон) — пародийная кинокомедия; Майлз Монро, человек, состоящий из сплошных недостатков, в 1973 году лег в больницу на простую операцию, а проснулся 200 лет спустя.

- **Идиократия** (Idiocracy, США, 2006; реж. М. Джадж; в гл. ролях — Люк Уилсон, Майя Рудольф) — фантастическая комедия; замороженные в 2005 году люди размораживаются в 2505 году, где в обществе средний IQ 20 баллов.

- **Вечно молодой** (Forever Young, США, 1992; реж. С. Майнер; в гл. ролях — Мэл Гибсон, Джейми Ли Кёртис, Элайджа Вуд) — фантастическая мелодрама; убитый горем Дэниэл, девушка которого впала в кому, дает согласие на криогенный эксперимент, в котором его заморозят на один год. Однако пробуждение начнётся спустя 50 лет.

- **Разрушитель** (Demolition Man, США, 1993; реж. М. Брамбилла; в гл. ролях — Сильвестр Сталлоне, Уэсли Снайпс, Сандра Буллок) — фантастический боевик; сержант Джон Спартан обезвреживает преступника, но при этом погибают заложники, и Спартана приговаривают к 70-летней заморозке в криотюре.

- **Остин Пауэрс: Человек-загадка международного масштаба** (Austin Powers: International Man of Mystery, США, 1997; реж. Дж. Роуч; в гл. ролях — Майк Майерс, Элизабет Хёрли, Майкл Йорк, Мими Роджерс) — пародийная кинокомедия; суперзлодей заморозил себя на космическом корабле до того времени, покуда во всём мире будет править не свободная любовь, а хитрость, зло и коварство.

- **Ванильное небо** (Vanilla Sky, США, 2001; реж. К. Кроу; в гл. ролях — Том Круз, Пенелопа Крус, Курт Рассел, Камерон Диас) — фантастическая мелодрама; богатый плейбой Дэвид Эймс попадает в аварию, после чего пользуется услугами криокомпании, которая позволяла внушить ему осознанные сновидения.

- **Секс-миссия, или Новые амазонки** (Seksmisja, Польша 1983; реж. Ю. Махульский; в гл. ролях — Ежи Штур, Ольгерд Лукашевич, Божена Стрыйкувна) — фантастическая комедия; пройдоха Макс и ученый-биолог Альберт соглашаются подвергнуться замораживанию на три года; но пробуждаются более чем через пятьдесят лет — в 2044 году.

- **Замороженный калифорниец** (Encino Man, США, 1992; реж. Л. Мэйфилд; в гл. ролях — Брендан Фрэйзер, Шон Астин, Поли Шор, Меган Уорд, Майкл Делуиз) — комедия; при постройке бассейна находят ледяную глыбу; в ней замороженный кроманьонец, который, оттаяв, оживает.

- Главный герой мультипликационного сериала **Футурама** Фрай попадает в 3000 год посредством крионики.

Примечания

1

Песня вошла в фильм в укороченном варианте (строфы 1-5, 12, 16-18, 24). Музыка А. Кальварского.

2

Песня вошла в фильм в укороченном варианте (без строф 7, 9, 10).

3

Заменена на монолог, с очень похожими смысловыми и фразеологическими оборотами.
Произносится женой учителя Кокильона при проведении экскурсии в доме-музее Кокильона.

4

Заменена на монолог, с очень похожими смысловыми и фразеологическими оборотами, произносимый Владимиром Высоцким в начале фильма, в котором тот представляет зрителям главного героя — мистера Мак-Кинли.

В фильм не вошла. Сохранилась кинопроба, где Высоцкий исполняет песню в укороченном варианте. По сюжету она подходит к сцене, где Мак-Кинли приобретает топор в оружейном магазине.

6

В фильм не вошла. По сюжету она созвучна со зрелищными мероприятиями, на которых Мак-Кинли «развлекался» с миссис Энн Шамуэй.

В фильм не вошла. Имеется записанная для фильма фонограмма в исполнении Владимира Высоцкого и подпевающим ему хором мужских и женских голосов.

В фильм не вошла. Владимир Высоцкий на концерте перед исполнением песни рассказывал о сцене, для которой была написана эта песня. После того, как мистера Мак-Кинли выбрасывают из Сальватория в мусоропровод, он попадает на свалку, его окружает компания хиппи, которые поют эту песню.

9

В фильм не вошла.